

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2015. № 1(73)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2015
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Китин Е. А.** — кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Князев Е. Ю.** — директор издательско-полиграфического центра Управления научной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук (Москва);
- Софьина В. Н.** — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Стрельников В. В.** — доктор биологических наук, профессор (Краснодар);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEP and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Kirillov A. L.** — Doctor of Science (Technical Science), Professor (St. Petersburg);
- Kitin E. A.** — PhD in Jurisprudence, Associate Professor (St. Petersburg);
- Klyuev A. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Knyazev E. Yu.** — Director of Publishing and Printing Center of the Department of Scientific Work of Northwest institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg);
- Kurzenev V. A.** — Doctor of Science (Technical Science), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Mereshkin D. E.** — PhD in Jurisprudence (Moscow);
- Sofyina V. N.** — Doctor of Science (Psychology), Professor (St. Petersburg);
- Starovoitov A. A.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (St. Petersburg);
- Strelnikov V. V.** — Doctor of Science (Biology), Professor (Krasnodar);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 9 ОЛЕЙНИКОВ С. В.**
Политическая элита Приднестровья: к вопросу о предпосылках возникновения республики
- 17 КЛЮКАНОВА Л. Г.**
Устойчивое управление лесами как основной принцип ведения лесного хозяйства в Российской Федерации

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 29 ГУСЕВ Л. Ю., КАЗАНЦЕВ А. А.**
Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы
- 41 БОЛГОВ Р. В., ЗИНОВЬЕВА Е. С., КАРАЧАЙ В. А.**
Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты
- 51 ФРОЛОВ В. Е.**
Геополитические и экономические аспекты развития независимых государств евразийского региона в контексте евразийской интеграции (1991–2013)

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 63 ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.**
Формирование инновационных кластеров в Италии: Тосканский регион
- 71 ЧЕНТУКОВ Ю. И., БУЛАТОВА Е. В.**
Многосторонняя торговая система: проблемы гармонизации механизма многостороннего и регионального регулирования торгово-экономических отношений
- 78 КОПЯТИНА Г. Н.**
Системообразующие признаки законодательной власти Российской Федерации в федеративном государстве

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 86 КУГАЙ А. И., КОВАЛЕВА А. М.**
Расистский дискурс электронных СМИ как фактор конструирования межэтнических конфликтов
- 94 КОРЕЗИН А. С., МУРАШОВ С. Б.**
Социологические аспекты риска в управлении маркетинговой деятельностью
- 104 ДЕСФОНТЕЙНЕС Л. Г., СЕМЕНОВА Ю. Е.**
Особенности использования компетентного подхода при отборе менеджеров на предприятиях торговли

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 111 СПИРИНА М. Ю**
Традиционная культура в противостоянии глобализационным кризисам

- 118 СТЕЦКЕВИЧ Е. С.**
Академия наук и ее роль в создании коронационного альбома императрицы Анны Иоанновны
- 128 КИРЕЕВА О. В.**
Генезис городской культуры России и Европы: сравнительно-исторический анализ

A LINEA

- 138 КАРТЫШЕВ П. Б.**
ДОВСЕ: европейский вектор российско-американских отношений в рамках политики разоружения
- 146 ВАГАБОВ Д. Ф.**
Управление социальной работой в РФ: уровни и основные проблемы реализации
- 153 САБИРОВ А. Ш.**
Повышение эффективности управления государственной собственностью в Санкт-Петербурге

POLICY AND LAWFUL STATE

- 9 OLEYNIKOV S. V.**
Political Elite of Transnistria: on a Question of Prerequisites of Emergence of the Republic
- 17 KLYUKANOVA L. G.**
Sustainable Forest Management as the Fundamental Principle of Forestry Management in Russian Federation
- 29 GUSEV L. Yu., KAZANTSEV A. A.**
Russian-Kazakhstan relations: problems and prospects
- 41 BOLGOV R. V., ZINOVIEVA E. S., KARACHAY V. A.**
Information Society Development in the Customs Union Countries: Legal Framework
- 51 FROLOV V. E.**
Geopolitical and Economic Aspects of Development of the Independent States of the Eurasian Region in the Context of the Eurasian Integration (1991–2013)

POWER AND ECONOMY

- 63 ZAKHAROVA N.V., LABUDIN A.V.**
Formation of the Innovative Clusters in Italy: Toscana Region
- 71 CHENTUKOV Yu. I., BULATOVA E. V.**
The Multilateral Trading System: Problems of Harmonization of The Multilateral and Regional Regulation of Trade and Economic Relations
- 78 KOPIATINA G. N.**
System-Forming Signs of the Legislative Power in the Russian Federation

SOCIETY AND REFORMS

- 86 KUGAY A. I., KOVALEVA A. M.**
Racist Discourse of Electronic Mass Media as Factor of Designing of the Interethnic Conflicts
- 94 KOREZIN A. S., MURASHOV S. B.**
Sociological Aspects of Risk in Marketing Management
- 104 DESFONTAINES L. G., SEMENOVA Yu. E.**
Features of the Use of Competence-Based Approach in the Selection of Managers for the Trade

HISTORY AND CULTURE

- 111 SPIRINA M. Yu.**
Traditional Culture in Confrontation to Globalization Crisis
- 118 STETSKEVICH E. S.**
The Role of Academy of Science in the Creation of Empress Anna Ioannovna Coronation Album

- 128 KIREEVA O. V.**
The Genesis of the Urban Culture of Russia and Europe:
a Comparative Historical Analysis

A LINEA

- 138 KARTYSHEV P. B.**
CFE: the European Vector of the Russian-American Relations
within Disarmament Policy
- 146 VAGABOV J. F.**
Management of Social Work in Russia: Levels and Major Problems
of Implementation
- 153 SABIROV A. Sh.**
Increase of Effectiveness of Management of State Ownership in Saint-
Petersburg

Уважаемые читатели и авторы!

Наступил новый, 2015 год. Прошедший год был сложным, насыщенным, напряженным, но, с другой стороны, в нем было много открытий, достижений и реализованных идей. Вместе с вами мы много работали, чтобы максимально оперативно и с высоким качеством публиковать результаты научных исследований.

В этом году нашему журналу исполняется 20 лет. С момента основания издания в 1995 году журнал прошел большой путь. Начинаясь он с тоненькой брошюры и вырос до авторитетного издания, состоящего в перечне ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, приобрел своего читателя, авторов,

стал одним из немногих научных изданий, уделяющих внимание проблематике развития государственной и муниципальной службы России.

Журнал всегда открыт для научных дискуссий, обмена мнениями, для публикации результатов исследований по ключевым проблемам современного управления, вопросам подготовки эффективных руководителей для работы в условиях внешних вызовов перед которыми стоит Россия, особенностям и тенденциям в обеспечении процессов переподготовки, повышения квалификации и непрерывного совершенствования профессиональной компетенции чиновников, для обмена практическим опытом. Благодаря нашим авторам, высокой квалификации редакционной коллегии, опыту членов редакционного совета, профессионализму научных редакторов журнала читатель всегда найдет для себя интересные и актуальные материалы.

Мы смотрим в будущее с оптимизмом и знаем, что вместе сможем преодолеть все сложности. Мы как всегда готовы к изменениям, дальнейшему развитию и совершенствованию. Мы высоко подняли планку и не собираемся ее опускать! И в этом залог наших совместных успехов и высоких результатов.

От имени редакционного совета и редколлегии журнала «Управленческое консультирование» поздравляю вас с наступившим 2015 годом.

Пусть этот год принесет вам новые творческие идеи, а наше сотрудничество будет способствовать успеху во всех ваших начинаниях!

*Директор СЗИУ РАНХиГС,
главный редактор журнала «Управленческое консультирование»
д. э. н., действительный государственный советник
Российской Федерации 1 класса
В. А. Шамахов*

Политическая элита Приднестровья: к вопросу о предпосылках возникновения республики

Олейников Сергей Викторович

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова)
Доцент кафедры журналистики Института языка и литературы
Директор издательства Приднестровского государственного университета
Кандидат политических наук
olen_serg@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Политическое переформатирование некогда единого советского пространства, предпосылки возникновения идеологических разломов в странах нового зарубежья, приведших в ряде случаев к провозглашению республик, а также их политико-правовая сущность до сих пор остаются предметом спора политической, экономической и научной элиты. Геополитический резонанс процессов, связанных с разжиганием, а затем урегулированием политических конфликтов на постсоветской территории, как правило, обусловлен диаметрально противоположными идеологическими настроениями, которые активно культивирует политическая элита того или иного региона.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев влияние крупных информационных институтов на процессы политического противостояния в значительной степени ускорило идеологическое размежевание и обостряло политическую ситуацию в новых государственных образованиях, в то время как местные средства массовой информации выполняли консолидирующую функцию и укрепляли духовное единство населения отдельных регионов. Именно поэтому в процессах формирования новой системы идентичности доминирующую роль сыграл фактор регионализма, оттеснив национальные, культурные, лингвистические идентификационные маркеры.

Анализ культурно-языковых, исторических и других факторов не столько населения, сколько властных структур, инициировавших более двух десятилетий назад возрождение приднестровской государственности, в контексте особенных социально-демографических характеристик представителей политической элиты Приднестровья является необходимым условием адекватного восприятия современного состояния молодой республики и понимания причин идеологического разлома и политического противостояния на берегах Днестра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственность Приднестровья, информационный аспект государственности, информационная политика СМИ, официальные языки

Oleynikov S. V.

Political Elite of Transnistria: on a Question of Prerequisites of Emergence of the Republic

Oleynikov Sergey Viktorovich

Taras Shevchenko Transnistria State University (Tiraspol, Moldova)
Associate Professor of the Chair of Journalism of Institute of Language and Literature
Director of the Publishing house
PhD in Political Sciences
olen_serg@inbox.ru

ABSTRACT

Political reformatting of once uniform Soviet space, the prerequisite of emergence of ideological breaks in the countries of the new abroad which led in some cases to declaration of the republics, and also their political and legal essence still remains a subject of dispute of political, economic, but also scientific elite. The geopolitical resonance of the processes connected with kindling and

then settlement of political conflicts in the Post-Soviet territory is usually caused by opposite ideological moods which are cultivated actively by political elite of this or that region.

It should be noted that in most cases influence of large information institutes in processes of political opposition substantially accelerated ideological delimitation and aggravated a political situation in new state educations. While local mass media carried out the consolidating function and strengthened spiritual unity of the population of certain regions. For this reason in processes of formation of new system of identity the dominating role was played by a regionalism factor, having pushed aside national, cultural, linguistic identification markers.

The analysis of cultural and language, historical and other factors not so much of the population, how many the power structures initiating more than two decades ago revival of Dnestr statehood in the context of special social and demographic characteristics of representatives of political elite of Transnistria is a necessary condition of adequate perception of a current state of the young republic and understanding of the reasons of an ideological break and political opposition on coast of Dniester.

KEYWORDS:

statehood of Transnistria, information aspect of statehood, information policy of mass media, official languages

Кардинальное изменение общественно-политической и социокультурной ситуации, а также искаженная националистическими настроениями идея возрождения национальной культуры в бывших союзных республиках сопровождалась на рубеже веков такой степенью межэтнической напряженности, что это закономерно привело к отторжению нового вектора развития отдельных государств и образованию так называемых «самопровозглашенных» территорий.

Возникновение и развитие приднестровской государственности, а также особенности формирования и функционирования политической элиты ввиду экстраординарности общественно-политических процессов в регионе следует рассматривать с нескольких точек зрения: правовой, исторической, социально-экономической, культурно-языковой, идеологической, геополитической, информационной.

В научной литературе неоднократно анализировались факторы, инициировавшие появление и определявшие углубление молдово-приднестровского конфликта, среди которых доминирует процесс политической и экономической дезинтеграции, характерный для всех государств постсоветского пространства, составной частью которого является Молдавия.

Рассматривая социально-демографические характеристики политической элиты Приднестровья, представленной исполнительной ветвью власти, необходимо обратить внимание на показатели, касающиеся места рождения, статуса населенного пункта, в котором родились главы министерств и ведомств Приднестровья начала 90-х гг. XX в. Так, 90% руководителей первого ранга являлись выходцами из России и 10% — из Украины, причем все они были родом из периферийных регионов. Получив профессиональное образование, они по распределению попали в Приднестровье, где впоследствии заняли руководящие посты по профилю полученного высшего образования. С другой стороны, в 40% случаев политическая элита Приднестровья была в то время представлена выходцами из семей вынужденных переселенцев, депортированных ранее в северные регионы России, чем обуславливаются такие места рождений, как Читинская область, Сахалинская область, Камчатка и др. В этой связи резкая реакция местных элитарных слоев на этноцентристскую политику властей Кишинева была оправданной и естественной, что еще более усугубляло противостояние двух берегов Днестра.

В Молдове идея экономической целесообразности отделения от СССР (России) и сближения с Румынией интенсивно муссируется вот уже более двух десятилетий, при этом акцентируется, что этот акт позволит решить весь спектр социально-эко-

номических вопросов. Внимание населения фиксируется на том, что Республика Молдова за счет собственных ресурсов и в ущерб себе «кормит всю Россию». Более того, утверждается, что русскоязычное население «незаслуженно пользуется благами, созданными коренным этносом», а значит, решение продовольственной, жилищной и других проблем возможно в плоскости изоляции от России и выдворения представителей нетитульных этносов за пределы РМ. Так, газета «Независимая Молдова» отмечала, что «...социальные проблемы Молдовы порождены присутствием русскоязычных и политикой России» [1].

Хотя Приднестровье не является исторической территорией ни Молдовы, ни Румынии, вопрос об отказе от него никогда не стоял перед руководством Республики Молдова главным образом потому, что основной промышленный потенциал бывшей МССР был сосредоточен именно в этом регионе. Позицию РМ в этом плане поддерживает и Румыния. На вопрос корреспондента газеты «Frankfurter allgemeine Zeitung», не может ли РМ просто уступить эту территорию, представитель МИДа Румынии ответил, что, во-первых, и там население на 40% состоит из румын, а, во-вторых, в Приднестровье находится 35% промышленных предприятий Республики Молдова. Кроме того, был сделан намек, что когда-нибудь этот регион понадобится как объект обмена, если на повестку дня встанет вопрос о Северной Буковине¹.

Конфликт между приднестровской и молдавской элитами обозначился и как столкновение *идеологических позиций*. Приднестровье было привержено идее целостности советского государства. Без этих основ приднестровцы не представляли себя в составе Молдавского государства. Чем интенсивнее его руководство вело политику этнонационализма, тем более неприемлемым оно становилось для Приднестровья. По мере ускорения процесса этнополитизации молдавского государства, которое развивается в рамках процесса дальнейшей румынизации, усиливается процесс его отторжения приднестровцами.

Отношение к русским в бывших союзных республиках стало меняться еще до распада советского государства: по данным ВЦИОМ (сентябрь 1991 г.), о его ухудшении заявили 79% русских в Молдавии, 75% — в Киргизии, 59% — в Западной Украине, 54% — в Азербайджане, 34% — в Казахстане [8, с. 45]. В Молдавии этот процесс усугублялся и рядом дополнительных факторов. Так, со стороны политического руководства Молдовы просматривалось четкое стремление к разрыву отношений с Москвой, что нашло свое отражение в усилении антироссийской пропаганды, с одной стороны, а с другой — «звучали фразы о единой национальности — румынах, о необходимости устранения исторической несправедливости — разъединения двух румынских государств». Большинство средств массовой информации, переданных национальной бюрократией в руки сторонников «Народного фронта» Молдовы, развернули настоящий психологический террор и оказывали сильное давление на общество, имитируя при этом якобы волеизъявление молдавского народа, суть которого — интенсивная румынизация молдавского общества. Эти целенаправленные действия переводили представителей молдавской нации в разряд малограмотных «манкуртов», «ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность» [2, с. 5–6].

Существенным для становления государственности и политической элиты Приднестровья выступает *культурно-языковой фактор*. Появившиеся в середине 80-х гг. XX в. практически во всех союзных республиках национальные движения воспринимались как некие культурные организации, которые были озабочены исключительно «спасением» местных языков и традиций. «Однако именно они в лице своих лиде-

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. 30 august.

ров — представителей национальных элит возглавили политический процесс „развала“ единого государства» [8, с. 6]. Эти движения использовались местной элитой для достижения собственных политических целей, как на этапе дезинтеграции союзного государства, так и в ходе строительства новых независимых государств, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что «практически во всех постсоветских государствах (за исключением Армении, Латвии и Эстонии) этнорегиональные советские элиты на первом этапе государственного строительства не только сохранили свои позиции в полном объеме, но и расширили сферу властных полномочий» [9, с. 18–24]. На основе культурного этноцентризма активно формировались идеи превосходства культуры титульного этноса над культурами русскоязычных жителей и в МССР.

Актуализация в начале 90-х гг. в Молдавии вопросов языковой политики не была связана с лингвистической ситуацией. Молдавский язык являлся родным, либо вторым, которым свободно владели, для 66% молдаван и 11% лиц, принадлежавших к национальным меньшинствам. Русский язык был таковым для 68% населения, в том числе для 58% молдаван. Оба языка фактически считались официальными. И такое состояние языковой политики до конца 80-х гг. не вызывало в республике существенных проблем. Однако в конце 1988 г. из числа должностных лиц Академии наук МССР, в большинстве своем ориентировавшихся на политическую конъюнктуру, была создана Межведомственная комиссия по изучению проблем молдавского языка; она-то и пришла к выводам, предписывающим националистически ориентированным группам определенную программу действий, основные положения которой в концентрированном виде можно сформулировать таким образом:

- во-первых, придать молдавскому языку статус государственного;
- во-вторых, признать идентичность румынского и молдавского языков;
- в-третьих, перевести молдавский язык с кириллической на латинскую графику.

Пройдя соответствующую апробацию в государственных СМИ, эти положения легли в основу лингвистического законодательства в Молдавии [6, с. 211]. Анализируя истоки гражданского конфликта в республике, П. М. Шорников, на наш взгляд, точно подмечает суть этих положений: «Первое требование, — пишет он, — представляло собой покушение на национальное равноправие, выполнение остальных лишало молдавскую нацию культурного суверенитета и национальной идентичности» [11, с. 191].

Введение законов о государственном языке, знанием которого нередко была обусловлена возможность предоставления гражданства, существенно затруднило поступление на работу и в высшие учебные заведения, остановило продвижение по службе, увеличило угрозу увольнения, ограничило возможность получения какой-либо информации на родном языке; вызвало резкое сокращение теле- и радиовещания на русском языке, ограничение информационного, образовательного и культурного пространства в связи с вытеснением русского языка из печатных и электронных средств массовой информации [3, с. 72].

Придав статус государственного молдавскому языку, признав его идентичным румынскому с латинским правописанием, Молдова фактически лишила себя канала коммуникации с русскоязычным населением Приднестровья, которое отреагировало на принятие этого закона политическими забастовками, справедливо усматривая в этих правовых документах угрозу для себя и будущего своих детей. Эти законодательные акты не только разделили полиэтничное население Молдовы по лингвистическому признаку на титульных и нетитульных, но и стали стимулом к углублению противостояния, вылившегося уже в 1989 г. в мощное забастовочное движение на левом берегу Днестра.

Радикальные языковые законы и отчетливая смена политического вектора развития Молдовы с восточного на западный привели к расколу в политической элите

республики, поскольку партийная элита практически везде поддерживала позицию официального Кишинева. Ей противостояла экономическая элита, представленная руководителями предприятий, а также депутатский корпус местных советов народных депутатов, причем катализаторами протестных движений в большинстве случаев являлись депутаты Верховного Совета МССР, которые представляли в парламенте левобережные районы республики. Слаженная деятельность указанных сил стимулировала оппозиционные настроения в Приднестровье, которые переросли из стихийных забастовок в организованную борьбу всех административно-территориальных районов Приднестровья за воссоздание прежней государственности в виде Приднестровской Автономной Советской Социалистической Республики (ПАССР). Результаты референдумов в административно-территориальных единицах Левобережья отчетливо свидетельствуют о том, что «приднестровцы отдали свои голоса за интернациональное братство, национальное равноправие, за право говорить на родном языке без какого бы то ни было ущемления или дискриминации» [5, с. 35–37].

Тесную связь этнокультурных групп населения в Приднестровье подтверждают отдельные социально-демографические характеристики депутатского корпуса Верховного Совета ПМР первого созыва. Распределение по национальному признаку народных избранников, дублируя общереспубликанскую картину, свидетельствует о переплетении национальных и региональных маркеров идентичности. Так, более половины депутатов Верховного Совета 1990–1995 гг. родились в Молдавии, но только 15% из них считали себя молдаванами. В то же время из 43% парламентариев, относящих себя к русским, только четверть родились в Российской Федерации. Аналогичная картина и с украинцами в Верховном Совете ПМР: 34% заявляют о своей принадлежности к украинской национальности, хотя немногим более 20% родились на территории Украины.

Исключительное значение в развитии противостояния на берегах Днестра имеет *информационный аспект*. В связи с отсутствием в начале 90-х гг. в Приднестровье собственной базы, способной компенсировать распространение негативной информации, касающейся конфликтных событий, Приднестровье в период 1989–1992 гг. оказалось практически в информационном вакууме. Отсутствие объективной информации усиливало дезориентацию приднестровского социума, лишало твердой уверенности в правильности политического выбора. Своевременная и объективная оценка сложившейся ситуации могла бы если и не предотвратить, то смягчить форму конфликта в молдавском обществе.

По мере укрепления приднестровских государственных структур органы печати, выступавшие на стороне властей Республики Молдова, либо прекратили свое существование, либо перебазировались на территорию, оставшуюся под юрисдикцией Кишинева. Вот почему уже в период военного противостояния между Кишиновом и Тирасполем — со 2 марта по 21 июля 1992 г. — в Приднестровье стали функционировать СМИ, не ставившие под сомнение идею приднестровской государственности. Прорыв информационной блокады путем создания государственной сети средств массовой информации стал важным итогом деятельности приднестровцев в строительстве своего государства.

В условиях нестабильности, политической, экономической и информационной блокады на начальном этапе становления приднестровской государственности на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия СМИ республики, формируя информационное пространство, выстроили и до сих пор придерживаются такой системы предпочтений, которая не только исключает любые тенденции межэтнической конфронтации, но и способствует развитию приднестровской (региональной) идентичности представителей этнокультурных групп населения.

Процессы естественной интеграции лингвокультурного разнообразия общества в Приднестровье обусловили формирование гармонично развивающейся коммуни-

кативной системы, социальной доминантой которой исторически является русский язык. Вооруженное, а затем и постконфликтное противостояние на берегах Днестра обусловило определенную степень информационного дискомфорта населения, но при этом мобилизовало приднестровское общество и все его социальные институты, усилив на данном этапе конвергенцию ожидаемой аудиторией и предлагаемой СМИ моделей социальной действительности; результат — повышение не только эффективности местных СМИ и авторитета политической элиты республики, но и устойчивости культурно-информационного и социального развития региона в целом.

Как видим, молдово-приднестровский конфликт с самого своего зарождения был не межэтническим столкновением, поскольку в нем принимали участие молдаване, украинцы, русские, представители других национальностей. Это был конфликт политический, где столкнулись различные интересы, силы и устремления. «В его сути, с одной стороны, желание населения Приднестровья жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права личности являются высшим приоритетом и ценностью, а с другой — твердое намерение Молдовы установить свое безраздельное господство и принудить приднестровцев жить по чуждым ему правилам, основанным на аксиоме: права нации (да к тому же румынской) выше прав человека» [4, с. 47].

Независимо от проблемной плоскости исследования генезиса молдово-приднестровского конфликта и становления приднестровской государственности информационная составляющая выступает в рамках данного процесса доминантой, определяющей развитие как каждого из аспектов рассмотрения, так и ситуации в целом. Выявленная значимость информационной политики в социокультурном развитии приднестровского сообщества, обусловленная комплексностью ее воздействия на все сферы его жизнедеятельности, определила стремительные темпы формирования и дальнейшего развития информационного пространства ПМР, компонентами которого являются не только государственные предприятия и организации, но и коммерческие информационные структуры, а также сетевые ресурсы приднестровского сегмента Интернета. Формирование и развитие информационного пространства Приднестровья в его неординарных условиях обусловило необходимость активной разработки законодательной базы, рамки которой могли бы регламентировать функционирование как всей системы СМИ, так и каждого средства массовой информации в частности.

Сегодня отношения между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова постепенно вступают в новую фазу — фазу выхода из конфликтной ситуации. Разрешение конфликта осуществляется не только посредством изменения объективной ситуации, но и субъективной психологической перестройки, изменения восприятия ситуации, которая сложилась у сторон, втянутых в конфликт. При кардинальной перестройке самого образа конфликтной ситуации «образ врага» транслируется в «образ партнера», а установка на борьбу сменяется ориентацией на сотрудничество. С точки зрения государственной идеологии особенно важным является зависимость авторитетности представителей политической элиты от общественно-политических настроений как устойчивой социально-психологической установки.

Что касается социально-демографических характеристик политической элиты на примере представителей исполнительной ветви власти, то они принципиально не изменились за 20 лет, но ряды кабинета министров не только увеличились в количественном отношении, но и пополнились уроженцами Приднестровья. Так, министр иностранных дел и министр информации и телекоммуникаций являются коренными тираспольчанами. Длительность пребывания на руководящих постах определяют некоторое увеличение (на 10–15 лет) среднего возраста министерского корпуса Приднестровья. Так, если в 1992 г. средний возраст в кабинете министров составлял 50–52 года, то в 2011 г. — 60–65 лет.

Успешность развития приднестровской государственности во многом зависит от эффективности действий представителей высшего эшелона власти, их грамотного позиционирования не только внутри государства, но и за ее пределами, а также отражения социальной действительности. Сфера управления государством в условиях непризнанности представляет собой особый интерес, поскольку наличие или отсутствие отдельных качеств у его руководителей отражается не только на векторе межгосударственных взаимоотношений, но и на их качестве.

Наряду с базовыми характеристиками социально-демографического измерения в Приднестровье особый вес обретают параметры общественно-политической устойчивости общества, снижение которой чревато полной потерей государственности. Именно поэтому чрезвычайно важно определить критерии оценки и рычаги корректировки идеологической атмосферы в социокультурном пространстве республики. Динамика взаимоотношений массовой аудитории и элитарных слоев непризнанного государства даст возможность определить более или менее адекватные действия элиты и реакцию на них населения республики.

Обособленность Приднестровского государства помимо политического и экономического измерения отчетливо проявляется в информационном отношении. Инфокоммуникативная система республики в силу объективных причин является более автономной и нацеленной на отражение информационных провокаций извне с целью сохранения стабильной социокультурной ситуации в регионе. В сложившейся журналистской практике отчетливо проявляются стереотипы позиционирования политической, экономической элиты республики как априори положительной по отношению к внешнему миру и, тем более, к другой стороне молдово-приднестровского конфликта. Необходимость исследования информационной сферы республики в контексте взаимодействия элиты и населения обусловлена тем, что СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношение к политике в целом [7, с. 347]. «Республиканская пресса является настолько сильным социальным оружием, что может ссорить между собой целые народы, регулируя вместе с политиками как межэтнические, так и межреспубликанские отношения» [10, с. 78]. Кроме того, изучение проблем развития культурно-информационного пространства общества в контексте измерения системы «элита–общество» выступает как необходимый элемент в определении перспектив государственного строительства Приднестровской Молдавской Республики.

Литература

1. В огне брода нет // Независимая Молдова. 1992. 14 января.
2. Бабилунга Н. В. Раскол Молдавии и конституционные акты Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 3. С. 5–6.
3. Бомешко Б. Г. Создание первой приднестровской государственности (20–30-е гг. XX в.) // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002. С. 72.
4. Гольдин Г. Г., Матяш В. Н. ОБСЕ и Приднестровье : учеб. пособие. М. : ДА МИД России, 2000. С. 47.
5. История Приднестровской Молдавской Республики. В 2 т. Тирасполь : РИО ПГУ, 2000. Т. 1. С. 35–37.
6. Погорелая Е. А. Русскоязычные: контексты и подтексты языковой реформы (1989–1990 гг.) : монография. Тирасполь : РИО ПГУ, 2003. С. 211.
7. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1996. С. 347.
8. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. С. 6.
9. Скворцов Н. Г. Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб. : Петрополис, 1995. С. 18–24.

10. Социальные конфликты: экспертиза прогнозирование технологии разрешения. Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. М., 1992. С. 78.
11. Феномен Приднестровья / Н. В. Бабилунга [и др.]. Тирасполь : РИО ПГУ, 2000. С. 191.

References

1. *In the fire there is no ford* [V ogne broda net] // Independent Moldova [Nezavisimaya Moldova]. 1992. January 14.
2. Babilunga N. V. *Split of Moldova and constitutional acts of the Moldovan Transdnestrian Republic* [Raskol Moldavii i konstitutsionnye akty Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki] // Annual historical almanac of Transnistria [Ezhegodnyi istoricheskii al'manakh Pridnestrov'ya]. 1999. N 3. P. 5–6.
3. Bomeshko B. G. *Creation of the first Transdnestrian statehood (20 - 30th years of the XX century)* [Sozдание pervoi pridnestrovskoi gosudarstvennosti (20–30-e gg. XX v.)] // Transnistria in geopolitical system of coordinates of the XXI century [Pridnestrov'e v geopoliticheskoi sisteme koordinat XXI veka]. Tiraspol, 2002. P. 72.
4. Goldin G. G., Matyash V. N. *OSCE and Transnistria* [OBSE i Pridnestrov'e] : Tutorial. M.: DA of MFA of Russia [DA MID Rossii], 2000. P. 47.
5. *History of the Moldovan Transdnestrian Republic* [Istoriya Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki]. In 2 v. Tiraspol: TSU [RIO PGU], 2000. V. 1. P. 35–37.
6. Pogorelaya E. A. *Russian language speaking: contexts and implications of language reform (1989–1990)* [Russkoyazychnye konteksty i podteksty yazykovoi reformy (1989–1990 gg.)] : Monograph. Tiraspol : TSU [RIO PGU], 2003. P. 211.
7. Pugachev V. P., Solovyov A. I. *Introduction to political science* [Vvedenie v politologiyu]. M., 1996. P. 347.
8. Sikevich Z. V. *Sociology and psychology of the national relations* [Sotsiologiya i psikhologiya natsional'nykh otnoshenii] : Tutorial. SPb. : Mikhaylov V. A. publishing house Izd-vo Mikhailova V. A.), 1999. P. 6.
9. Skvortsov N. G. *Ethnicity and transformational processes* [Etnichnost' i transformatsionnye protsessy] // Ethnicity. National movements. Social practice [Etnichnost'. Natsional'nye dvizheniya. Sotsial'naya praktika]. SPb.: Petropolis, 1995. P. 18–24.
10. *Social conflicts: examination forecasting of technology of permission. The international conflicts in post-totalitarian society* [Sotsial'nye konflikty: ekspertiza prognozirovanie tekhnologii razresheniya. Mezhnatsional'nye konflikty v posttotalitarnom obshchestve]. M., 1992. P. 78.
11. *Phenomenon of Transnistria* [Fenomen Pridnestrov'ya] / N. V. Babilunga, etc. Tiraspol : TSU [RIO PGU], 2000. P. 191.

Устойчивое управление лесами как основной принцип ведения лесного хозяйства в Российской Федерации

Клюканова Лариса Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Юридический факультет
Доцент кафедры правовой охраны окружающей среды
Кандидат юридических наук, доцент
lorimar13@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются содержание и формы реализации принципа устойчивого управления лесами в качестве основного принципа ведения лесного хозяйства в системе государственного управления лесами и значительного аспекта государственной лесной политики. Оцениваются критерии и индикаторы устойчивого развития лесного хозяйства Российской Федерации. Исследуется структура государственного управления лесным хозяйством страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

устойчивое управление лесами, лесное законодательство, лесное право, лесное хозяйство, государственная лесная политика, государственное управление лесами, экологический менеджмент

Klyukanova L. G.

Sustainable Forest Management as the Fundamental Principle of Forestry Management in Russian Federation

Klyukanova Larisa Gennadievna

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Legal Protection of Environment
PhD in jurisprudence, Associate Professor
lorimar13@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the problem of the content and different forms of realization of the principle of sustainable forest management as a fundamental principle of Forestry management as an element in the system of state Forestry Administrating and the significant aspect of the state Forestry policies. Article analyzes criteria and indicators for sustainable forest management in Russian Federation. The structure of State Forestry Administrating in Russian Federation is investigated.

KEYWORDS

sustainable forest management, Forestry Legislation, Forestry law, Forestry sector, state Forestry policies, State Forestry Administrating, environmental resource management

Принцип устойчивого управления лесами отнесен нормой, содержащейся в ст. 1 Лесного кодекса Российской Федерации¹ (далее — ЛК РФ), к числу основных принципов лесного законодательства. При этом необходимо различать принципы лесного права и принципы лесного законодательства — их «нельзя считать идентичными понятиями, они могут не совпадать» [8, с. 20] — такое положение связа-

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Российская газета от 8 декабря 2006 г.

но с тем, что принципы права устанавливают требования не только к правовым нормам, но и к правоотношениям [3, с. 5–10].

Под принципами права в теории права понимают «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни» [1, с. 98–99], как руководящие, направляющие и основополагающие идеи и рекомендации.

В специальных исследованиях высказывается точка зрения, в соответствии с которой принципы лесного права представляют собой «выраженные в нормах, пронизывающие и объединяющие все институты этой отрасли права такие ее качественные особенности (руководящие начала), которые обеспечивают рациональное и комплексное использование лесов, их воспроизводство и охрану» [12, с. 13].

При этом следует учитывать, что данная точка зрения в значительной степени основана на утверждении, что лесное право представляет собой самостоятельную комплексную отрасль российского права, регулирующую отношения по использованию и охране лесов, произрастающих на землях всех категорий, использованию земель лесного фонда, а также отношения по государственному управлению в данной области [8, с. 15; 11, с. 165].

Принимая во внимание все достоинства данной концепции, на наш взгляд, не менее обоснованной является точка зрения, рассматривающая современное лесное право как подотрасль экологического права, регулирующую общественные отношения по поводу использования и охраны лесов, расположенных на землях всех категорий, а также земель лесного фонда [28, с. 61–71]. Следовательно, исходя из этого положения, нужно признать, что на лесное право распространяются и те характерные особенности, которые присущи и собственно экологическому праву — уникальной, универсальной и комплексной «суперотрасли» [17, с. 89–90] российской правовой системы, регулирующей общественные отношения по поводу использования и охраны окружающей среды [25, с. 55; 11, с. 378; 5, с. 10]¹ — межотраслевой характер правового регулирования; широко определенный объект правоотношений; заимствование институтов других отраслей права — гражданского, административного и др.; комплексный характер правового регулирования [29, с. 17] и др.

Таким образом, и принципы лесного права в общепотребительной иерархической системе принципов права надлежит рассматривать как подотраслевые по отношению к отраслевым принципам экологического права [6, с. 6–7]. Более того, в специальных исследованиях отмечается и аналогично структурированная связь основных принципов лесного законодательства с основными принципами экологического законодательства и охраны окружающей среды, закреплёнными в тексте ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»² [29, с. 21].

Исходя из положений ст. 1 ЛК РФ, несомненно, следует рассуждать об устойчивом управлении лесами в первую очередь именно как об одном из основных принципов лесного законодательства, которые представляют собой исходные положения лесного законодательства и иных регулирующих лесные отношения нормативных правовых актов [11, с. 123]. Значение норм-принципов, содержащихся в ст. 1 ЛК РФ, состоит в установлении целей, на которые в дальнейшем ориентируется все

¹ В ряде исследований предложено иное толкование, в соответствии с которым экологическое право определяется как совокупность правовых норм, регулирующих общественные (экологические) отношения в сфере взаимодействия общества и природы в интересах сохранения и рационального использования окружающей природной среды для настоящих и будущих поколений. [13, с. 18; 15, с. 41].

² Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7 «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.

нормотворчество в соответствующей сфере. Принципы же лесного права, хотя и не получили нормативного закрепления, вытекают из совокупности соответствующих законодательных норм и устанавливают требования не только собственно к правовым нормам, но и к правовым отношениям, в частности в сфере лесных отношений. На наш взгляд, они, безусловно, включают в себя и такой принцип, как принцип устойчивого управления лесами. Таким образом, уместно рассуждать о том, что рассматриваемый принцип устойчивого управления лесами является принципом как лесного законодательства, так и собственно лесного права.

Исследуемый принцип, безусловно, следует рассматривать в качестве одного из основных не только по формальному признаку — в силу отнесения его к таковым нормой закона, но и ввиду универсального, комплексного и всеобъемлющего характера его содержания. Устойчивое управление лесами представляет собой формирование и реализацию системы мер, регулирующих воздействие на леса, обуславливая достижение и стабильное поддержание их целевой динамики, обеспечивающей непрерывное, неистощительное многоцелевое лесопользование, сохранение и повышение производительности, устойчивости и биоразнообразия лесов¹. Устойчивое управление лесами обуславливает целенаправленное, долговременное, экономически выгодное взаимоотношение лесопользователей и лесных экосистем с целью повышения их ресурсно-экологического потенциала, вклада лесов в социально-экономическое развитие страны, обеспечение экологической безопасности и стабильного удовлетворения общественных потребностей в ресурсах леса. Многоцелевое, непрерывное и неистощительное использование лесных ресурсов, функций и свойств лесов, как имеющих рыночную стоимость (древесина, живица и др.), так и не имеющих таковой (например, в контексте важности воздействия на духовное здоровье общества или сохранения исторических и культурных традиций), представляют собой сложный и комплексный механизм, включаемый в содержание принципа устойчивого управления лесами.

Чрезвычайно важно, что нормами действующего законодательства установлены критерии устойчивого управления лесами, рассматриваемые как совокупность основных положений по ведению лесного хозяйства, следование которым обеспечивает сохранение и устойчивое развитие лесов². К таким критериям отнесены: поддержание приемлемого санитарного состояния и жизнеспособности лесов, их социально-экономических функций; поддержание и сохранение продуктивной способности, защитных функций, биологического разнообразия лесов и их вклада в глобальный углеродный цикл; инструменты лесной политики для сохранения устойчивого управления лесами.

Критерии представляют собой стратегические направления практической деятельности для осуществления принятых принципов, и для каждого критерия разработаны свои индикаторы — их количественные и качественные характеристики. Они позволяют оценивать степень продвижения Российской Федерации в направлении устойчивого развития в области лесного хозяйства.

«Лес» как понятие можно рассматривать многоаспектно:

- в качестве природного объекта и природного ресурса;
- объекта имущественных правоотношений;
- стратегически важного объекта, способствующего обеспечению национальной безопасности (в первую очередь, экологической);

¹ См.: Приказ Рослесхоза от 3 декабря 1998 г. № 203. ОСТ-56-108-98: «Лесоводство. Термины и определения» П. 3.1.54 // М. : ВНИЦлесресурс, 1999.

² Приказ Федеральной службы лесного хозяйства Российской Федерации от 5 февраля 1998 г. № 21 «Об утверждении критериев и индикаторов устойчивого управления лесами РФ» // СПС ГАРАНТ.

- объекта, обладающего потребительской ценностью; объекта экономической политики и др.

Ст. 5 ЛК РФ устанавливает, что использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе, что фактически направляет исследователя к терминологическому аппарату, содержащемуся в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В специальных исследованиях предлагается рассматривать лес как «сложный природный комплекс» [10, с. 11] или даже вводится такое понятие, как «лесная среда как экологический комплекс» [27, с. 181]. В наиболее общем понимании лес представляет собой обширную экологическую систему, в которой важнейшие ее элементы — древесная, кустарниковая и травянистая растительность, ландшафт, почвы, животный мир и другие живые и неживые элементы находятся в непрерывном взаимодействии и выполняют жизнеобеспечивающую функцию. При этом, в ряде специальных исследований подчеркивается практически имеющее место раздельное регулирование земельных участков, занятых лесами и непосредственно самой древесной, кустарниковой и травянистой растительностью (как, впрочем, и всеми растительными организмами, формирующими леса [7, с. 330]). Более того, в настоящее время преобладающей является точка зрения, уделяющая приоритетное внимание земельным участкам, на которых расположены леса, и землям лесного фонда [19, с. 273–275], в то время как собственно леса как совокупность древесной, кустарниковой и травянистой растительности принимаются во внимание в качестве признака земельного участка, отнесенного к соответствующей категории земель, или как его полезное (или даже вторичное) свойство.

Другая точка зрения заключается в том, что лес как юридическое понятие следует рассматривать как совокупность именно растительных организмов: древесных, кустарниковых, травянистых и иных видов растений, но и в таком случае оговаривается, что отношения, связанные с использованием земель, занятых лесами, являются разновидностью земельно-правовых отношений и регулируются земельным законодательством, а в неурегулированной этой отрасли права части — лесным законодательством [20, с. 464–468]. Особая точка зрения заключается в том, что «юридическое понятие леса связано с формированием понятия лесного фонда России» [14, с. 554], но, во всяком случае, признается, что как биологическая, так и правовая связь леса с различными компонентами окружающей среды не вызывает сомнений [4, с. 167], что непосредственно подтверждает необходимость применения комплексного подхода в определении понятия «лес» [24, с. 56–58].

Рассуждая о формировании и реализации принципа устойчивого управления лесами, следует обратить внимание на то, что в первую очередь данный принцип особенно значим для максимально эффективного ведения лесного хозяйства Российской Федерации, рассматриваемого в качестве одного из важнейших элементов структуры государственного управления лесами. Весьма важным поэтому нам представляется остановиться на юридическом определении одного из ключевых понятий лесного права (хотя и не получившего пока еще достаточного законодательного определения) — понятия «лесного хозяйства». Лесное хозяйство, которое может быть рассмотрено и в качестве элемента системы государственного управления лесами, и в качестве отрасли общественного производства, и в качестве отрасли экономики, и в качестве отрасли социального растениеводства [21; 22] представляет собой систему мероприятий, направленных на изучение, обследование и учет лесов; воспроизводство и выращивание лесов; регулирование и организацию лесопользования; контроль за использованием лесных ресурсов; охрану лесов от пожаров, вредителей и болезней в целях удовлетворения общественных потребностей в древесине и иной лесной

продукции. Развитие лесного хозяйства представляет собой значительную часть общенациональной стратегии устойчивого развития государства¹.

Для обеспечения грамотного функционирования лесного хозяйства следует иметь в виду такую особенность лесных ресурсов (компонентов природной среды, природных объектов или природно-антропогенных объектов, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников потребления, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность²) как объекта государственного управления, заключающуюся в том, что они относятся к числу возобновляемых³ или же восполнимых [29, с. 22] — т. е. таких, в отношении которых возможно воспроизводство — как естественное, так и искусственное. Важно отметить, что подразделение ресурсов как источника потребления на возобновляемые и невозобновляемые, помимо всего прочего, имеет значение для регулирования обязанности природопользователя по воспроизводству природных ресурсов [25, с. 115]. С другой стороны, и сам лес как возобновляемый природный ресурс, подлежащий естественному и искусственному восстановлению, изменяется по своему видовому и возрастному составу, «окультуривается» человеком, что также является значительным аспектом рассматриваемой проблематики. Вообще же, право лесопользователей на доступ к лесным ресурсам не может быть абсолютным с позиций, прямо установленных законодательной нормой правил, порядка и ограничений лесопользования в целях обеспечения публичных интересов или в интересах граждан [9, с. 7]. Поэтому процесс организации использования лесов (с предоставлением или без предоставления лесных участков, с изъятием или без изъятия лесных ресурсов; виды использования лесов; порядок и условия предоставления лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (гл. 6 ЛК РФ); порядок использования лесов лесопользователями — юридическими лицами и гражданами — на праве постоянного (бессрочного) пользования, праве аренды, безвозмездного срочного пользования; или же на праве ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут)) так важен при рассуждении об организации лесопользования и устойчивого управления лесами.

Государственное управление лесами представляет собой особый вид социального управления (рассматриваемый в ряде случаев в качестве общественного института [2, с. 38–44; 7, с. 174]), характеризующегося политическим характером, т. е. особым воздействием на лесные правоотношения⁴, содержанием которого

¹ Постановление коллегии Рослесхоза от 31 июля 1998 г. № 6 «Об утверждении Концепции устойчивого управления лесами РФ» // СПС ГАРАНТ.

² Ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.

³ Постановление коллегии Рослесхоза от 31 июля 1998 г. № 6 «Об утверждении Концепции устойчивого управления лесами РФ» // СПС ГАРАНТ.

⁴ Лесные отношения — отношения, содержание и понятие которых не определяются в должной мере соответствующей нормой права (в частности, ст. 3 Лесного кодекса Российской Федерации), прежде всего связаны с использованием, охраной, воспроизводством и управлением в первую очередь именно лесами, а также — землями, занятыми лесами. Лесные правоотношения представляют собой урегулированные нормами права «отношения по использованию, охране и защите лесов, отношения, возникающие при организации воспроизводства лесов, лесоустройства, управления лесами и т. д.» [18]. Модельный лесной кодекс для государств — участников СНГ от 15 ноября 2003 г. определяет лесные отношения как «отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, а также лесных земель, как покрытых лесной растительностью, так и не покрытых ею» / Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ № 22-11 от 15 ноября 2003 г. «О Модельном лесном кодексе для государств — участников СНГ» // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. 2004. № 33.

являются отношения по поводу использования охраны лесов, произрастающих на землях лесного фонда, а также других категориях земель, с целью их упорядочения, сохранения качественной специфики и совершенствования их развития. Закрепленная в нормах лесного права модель устойчивого управления лесами представляет собой форму регулирования социальной ответственности государства и общества в целом за возможность и уровень реализации экологических, экономических, политических и духовных потребностей личности при взаимодействии с лесными ресурсами, и, более того, — за создание условий не только для ныне живущих, но и для будущих поколений людей удовлетворять разнообразные потребности — физиологические, экономические, духовные и иные — в процессе взаимодействия с лесами.

Структура государственного управления лесами как особого вида социального управления включает в себя такие элементы, как:

- управление собственностью на леса;
- управление лесным хозяйством;
- формирование и организация деятельности органов государственной власти в указанной сфере;
- организация лесоустройства;
- обеспечение лесопользования, обеспечение охраны и восстановления лесов и др.

Его важнейшая особенность заключается в политико-социальном характере.

Весьма значимо для целей нашего исследования и то, что принцип устойчивого управления лесами, положенный в основу государственного управления лесами, выражен в проведении единой скоординированной, целенаправленной и комплексной лесной политики — важнейшего социального явления, а именно — тщательно разработанной стратегии, разработанной органами государственной власти в сфере политического управления лесами во благо общества на основе общей экологической и социально-экономической политики страны. Вообще же, следует признать, что политология государственного управления лесами представляет собой весьма интересный самостоятельный предмет для исследования. Лесная политика Российской Федерации является не только основой для разработки соответствующего законодательства, устойчивого ведения лесного хозяйства, а также базисом для его эффективного экономического развития¹, но и, в первую очередь, она должна быть рассмотрена с духовно-ценностных, аксиологических позиций.

При этом использование лесов как сырьевой базы, финансовое обеспечение лесного хозяйства, стимулирование привлечения инвестиций, увеличение объемов использования малоценной древесины и вторичных лесных ресурсов, увеличение валового внутреннего продукта, создаваемого в лесном секторе, устойчивое социально-экономическое развитие лесных территорий — все эти и ряд других вопросов также следует принимать во внимание, рассуждая об устойчивом управлении лесами. Так, подп. «г» п. 14 Распоряжения Правительства РФ № 1724-р² также указывает на необходимость создания условий для устойчивого управления лесами как необходимого фактора решения задачи развития внутреннего рынка лесобумажной продукции, включая стимулирование производства потребительских товаров и формирования рынка экосистемных услуг в области леса.

Достижение целей государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов обеспечивается решением ряда задач, первооче-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1724-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в РФ на период до 2030 г.» // Российская газета от 1 октября 2013 г.

² Там же.

редной из которых является повышение эффективности управления лесным сектором экономики. Рассуждая об организационном потенциале устойчивого управления лесами, следует отметить и такие аспекты, как формирование лесного бизнеса и поощрение его участия в развитии лесного хозяйства, представляющие собой достаточно важные задачи, также стоящие перед лесным законодательством. Создание лесной инфраструктуры (ст. 13 ЛК РФ), лесоперерабатывающей инфраструктуры (ст. 14 ЛК РФ), лесной промышленности (ст. 12 ЛК РФ), условия и основные задачи которых определены соответствующими правовыми нормами — очень важные направления современной лесной политики, равно как и развитие инвестиционной деятельности в области освоения лесов (ст. 22 ЛК РФ)¹. Более того, устанавливая некоторые виды лесопользования, законодатель в то же время определяет и организационно-экономические аспекты такового. Так, например, в ст. 29 ЛК РФ, регулирующей правила основного вида использования лесов — заготовки древесины — установлено, что заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, их трелевкой, частичной переработкой², хранением и вывозом из леса. Собственно говоря, экономический аспект лесопользования необыкновенно важен, и принцип платности использования лесов также является одним из основных принципов лесного законодательства (ст. 1 ЛК РФ).³

Необходимым представляется также рассмотрение вопроса о соотношении понятий государственного управления лесными ресурсами и экологического (в данном случае отраслевого — лесного) менеджмента. Общепринятого понятия «экологический менеджмент» в настоящее время в российской доктрине экологического права пока что не сформировано, хотя признается, что это экономико-управленческое понятие, характеризующее экологически безопасное управление производственной или иной хозяйственной деятельностью, при котором обеспечивается баланс между экономическими и экологическими интересами [30, с. 111–117; 31] посредством выработки соответствующих политики и стратегии и реализации инициатив, проектов и программ, выработанных на основе надлежащего планирования. Высказывается даже точка зрения о тождестве понятий «управление окружающей средой» и «экологический менеджмент» [11, с. 174 и 198] для целей нормирования и стандартизации в сфере природопользования, хотя в специальной литературе все же отмечается ряд различий.

Так, экологическое управление осуществляется специально уполномоченными органами государственной власти в целях соблюдения обязательных требований, установленных экологическим законодательством, тогда как экологический менеджмент представляет собой деятельность экономических субъектов, осуществляемую в целях реализации собственных эколого-экономических целей, проектов и программ. Поскольку экологический менеджмент является негосударственной формой управления, то в данном контексте уместно обратиться к серии международных стандартов ИСО 14 000 (ISO 14 000), разработанных Международной Организаци-

¹ См. также: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2007 г. № 419 «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов» [Электронный ресурс]. URL: /http://www.government.ru

² Переработке древесины, как специфическому виду деятельности, законодателем также уделено надлежащее внимание. См.: Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 12 декабря 2011 г. № 517 «Об утверждении Правил использования лесов для переработки древесины и других лесных ресурсов» [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rosleshoz.gov.ru/docs/leshoz/247

³ Не менее важен и законодательно закрепленный принцип, согласно которому осуществляется подразделение лесов, расположенных на землях лесного фонда, на виды по целевому назначению: защитные, эксплуатационные и резервные (ст. 1 и 10 Лесного кодекса Российской Федерации).

ей по стандартизации для предприятий с целью содействия построению эффективных экологических систем менеджмента. В Российской Федерации стандарты серии ИСО приняты в качестве национальных стандартов и имеют обозначение ГОСТ Р ИСО. В целом же, экологический менеджмент в сфере лесопользования является еще только формирующейся в отечественном законодательстве правовой категорией.

Управление лесным хозяйством представляет собой совокупность осуществляемых соответствующими уполномоченными субъектами действий, направленных на реализацию лесного законодательства. Структура государственного управления лесным хозяйством включает в себя не только эффективную деятельность органов общей компетенции в рассматриваемой сфере, но и создание и функционирование специально уполномоченных в данной сфере органов государственной власти, призванных обеспечить управление лесами¹. При рассмотрении механизма государственного управления в области использования и охраны лесов (поскольку система управления является признаком государства [23, с. 81–91; 26, с. 7–13]) в первую очередь следует назвать Федеральное агентство лесного хозяйства², находящееся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии РФ³, являющееся уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в области лесных отношений (за исключением лесов, расположенных на особо охраняемых природных территориях), а также по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в области лесных отношений. Помимо федеральных органов исполнительной власти, в сфере лесных отношений в субъектах Российской Федерации действуют и региональные органы исполнительной власти.

Рассуждая о государственном управлении лесным хозяйством в контексте устойчивого управления лесами, невозможно обойти вниманием вопрос о соотношении полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области лесных отношений. Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации⁴ такие вопросы, как охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; природопользование; разграничение государственной собственности — находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Российская Федерация, являясь единственным собственником земель лесного фонда, реализуя свои полномочия, вправе передать своим субъектам часть собственных полномочий в области лесных отношений, определяя средства и ответственность за их осуществление (ст. 83 ЛК РФ).

В пределах же своих собственных полномочий субъект Российской Федерации (ст. 82 ЛК РФ) осуществляет владение, пользование и распоряжение лесными

¹ Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета от 22 мая 2012 г.; Постановление Правительства РФ от 30 декабря 1998 г. № 1594 «О специально уполномоченных государственных органах Российской Федерации в области охраны окружающей природной среды» // Российская газета от 4 февраля 1999 г.

² Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 736 «О Федеральном агентстве лесного хозяйства» // СЗ РФ 2010. № 40. Ст. 5068; Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 15 августа 2007 г. № 370 «Об утверждении Регламента Федерального агентства лесного хозяйства» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 26 ноября 2007 г. № 48.

³ Постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404 «О Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2581.

⁴ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета от 25 декабря 1993 г.

участками, находящимися в его собственности и расположенными в пределах категорий земель, не отнесенных к категории земель лесного фонда, а также иные полномочия в области лесных отношений, и должен руководствоваться при этом нормами, в первую очередь, земельного, а также иного специального законодательства. Кроме того, ЛК РФ приводит исчерпывающий перечень полномочий органов местного самоуправления в области лесных отношений, в том числе владения, пользования и распоряжения лесными участками, находящимися в муниципальной собственности, при этом в ч. 2 ст. 84 оговаривается, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, но, согласно ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации, при условии выделения достаточных материальных и финансовых средств на их осуществление.

Необходимо отметить, что развитие регионального лесного законодательства и реализация лесной политики субъектов Российской Федерации осуществляются с учетом принципа устойчивого управления лесами. Так, в Паспорте подпрограммы «Развитие лесного хозяйства» п. 21 Постановления Правительства Ленинградской области № 368¹ среди задач определена и такая, как обеспечение устойчивого и эффективного управления лесами. В Распоряжении Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 165-р² среди основных целей стратегического развития лесопромышленного комплекса в Приволжском федеральном округе названо и обеспечение устойчивого управления лесами, сохранение и повышение их ресурсно-экологического потенциала (п. 7.) и др.

Важный аспект, который следует упомянуть в данном исследовании — это необходимость обеспечения соответствия государственной лесной политики и стратегии развития лесного хозяйства международным принципам и обязательствам Российской Федерации в указанной сфере. Решимость активизировать коллективные усилия по лесоустройству, сохранению всех типов лесов и устойчивому развитию лесного хозяйства провозглашается в п. 23 Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, утвержденной Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г.³ В принятых Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июля 1992 г.) принципах лесоводства подчеркивается, что леса имеют исключительно важное значение для экономического развития и поддержания всех форм жизни, и определяется задача содействовать рациональному использованию, сохранению и развитию лесов и реализации их многоцелевых и взаимодополняющих функций и видов использования⁴. Глава 11 Повестки дня на XXI век, принятой Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июля 1992 г.) определяет в качестве одной из основных задач сохранение многогранной роли и разнообразных функций всех видов лесов, лесных угодий и лесных массивов⁵. Статья 2 Модельного лесного кодекса государств — участников СНГ, определяющая цели и задачи названного кодекса, также указывает

¹ Постановление правительства Ленинградской области от 31 октября 2013 г. № 368 «О государственной программе Ленинградской области „Охрана окружающей среды Ленинградской области“ [Электронный ресурс]. URL: http://www.lenobl.ru/authorities/npa_s

² Распоряжение Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 165-р «О Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г.» // СЗ РФ 2011. № 8. Ст. 1142.

³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, утвержденная резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // СПС ГАРАНТ.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/forest/shtml

⁵ [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agen-da21/shtml

и на принцип устойчивого управления лесами и сохранения биологического разнообразия¹. Необходимость, способы, масштабы и пределы интеграции Российской Федерации в мировую экономику, ее участие в международном экологическом и экономическом сотрудничестве, основанном на признании и соблюдении равных и неотъемлемых прав человека, их защите и создании условий для реализации, определяются суверенной волей многонационального народа России, стремящегося обеспечить ее благополучие и процветание и сознающего себя частью мирового сообщества².

В завершение хотелось бы отметить, что лес — это глобальный фактор обеспечения устойчивого развития человечества и экологической безопасности его жизнедеятельности. Глобализация как процесс всемирной интеграции (в первую очередь экономики, а также политики и культуры) — уже не просто феномен для теоретического исследования, но факт объективной реальности — развитие глобального общества, глобальной экономики, интенсификации образа жизни и труда, наукоемкие технологии — все это свидетельствует о формировании новых цивилизационных и культурных форм существования общества, неизбежно и неизменно нуждающегося в природных ресурсах и их эффективном использовании. Поэтому проблема устойчивого управления природными ресурсами, а в особенности лесами — комплексными естественными экологическими системами, выполняющими не только социальные, экономические и культурные, но, что особенно значимо — жизнеобеспечивающие функции, так важна для научных исследований. Более того, устойчивое управление лесами рассматривается нами как один из аспектов реализации глобальной общепланетарной концепции устойчивого развития [16, с. 94–95].

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 361 с.
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. М. : ЮРАЙТ, 2006. 287 с.
3. Бажайкин А. Л. Нормы-принципы в законодательстве об охране окружающей среды и земельном законодательстве // Экологическое право. 2013. № 1. С. 5–10.
4. Боголюбов С. А. [и др.] Реализация прав собственности на природные ресурсы : монография. М. : Юрист, 2007. 224 с.
5. Боголюбов С. А., Кичигин Н. В., Сиваков Д. О. Экологическое право : конспект лекций. М. : Проспект, 2008. 224 с.
6. Бринчук М. М. Принципы экологического права. М. : Юрлитинформ, 2013. 208 с.
7. Бринчук М. М. Экологическое право. М. : Юрист, 2004. 670 с.
8. Быковский В. К. Лесное право России : учебник для магистров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова. М. : Юрайт, 2012. 262 с.
9. Васильева М. М. Право граждан на доступ к природным ресурсам (общетеоретическое и межотраслевое обоснование) // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 5–14.
10. Газиуллин А. Х. Лесоведение : курс лекций. Казань, 2004. 218 с.
11. Голиченков А. К. Экологическое право России : словарь юридических терминов. М. : Городец, 2008. 448 с.
12. Горбовой В. Ф. Лесное право : курс лекций. Свердловск, 1977. 48 с.

¹ Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-11 «О Модельном лесном кодексе для государств — участников СНГ» // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. 2004. № 33.

² Постановление Конституционного суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Российская газета. 2012. 20 июля.

13. Дубовик О. Л., Кремер Л., Люббе-Вольфф Г. Экологическое право. М. : Эксмо, 2005. 678 с.
14. Ерофеев Б. В. Земельное право России. М., 2001. 657 с.
15. Ерофеев В. С. Экологическое право России. М., 2001. 656 с.
16. Ивлев В. А. Управление лесными ресурсами региона (аспект устойчивого экологического развития). Екатеринбург. 2000. 467 с.
17. Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал российского права. М. : Норма, 2000. № 5/6. С. 89–90.
18. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. проф. А. А. Ялбулганова. СПС ГАРАНТ, 2010.
19. Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 400 с.
20. Крассов О. И. Природные ресурсы России: комментарий законодательства. М., 2002. 816 с.
21. Морозов Г.Ф. Избранные труды. М., 1970–1971. Т. 1–2.
22. Морозов Г.Ф. Учение о лесе. 7-е изд. М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1949. 456 с.
23. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : НОРМА ; ИНФРА, 1999. 552 с.
24. Петров В. В. Экология и право. М. : Юридическая литература, 1981. 224 с.
25. Петров В. В. Экологическое право России : учебник для вузов. М. : БЕК, 1995. 557.
26. Пикулькин А. В. Система государственного управления М. : ЮНИТИ-ДАНА 2010. 639 с.
27. Пуряева А. Ю. Проблемы определения понятия «лес» в законодательстве РФ // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 179–185.
28. Пуряева А. Ю. Проблемы соотношения смежных отраслей права в сфере природопользования // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 61–71.
29. Пуряева А. Ю., Пуряев А. С. Лесное право. М. : Деловой двор, 2009. 406 с.
30. Хабарова Е. И. Экологически ориентированный производственный менеджмент // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 3. С. 111–117.
31. Хабарова Е. И., Сухорукова С. М., Сухоруков П. В. Экологический менеджмент в условиях глобализации экономики. М. : Колосс, 2009. 216 с.

References

1. Alekseev S.S. *General Theory of Law. In two volumes* [Obshchaya teoriya prava]. V. 1. М. : Legal Literature [Yuridicheskaya literatura], 1981. 361 p.
2. Atamanchuk G. V. *The theory of public administration* [Teoriya gosudarstvennogo upravleniya]: a course of lectures. М. : Yurait, 2006. 287 p.
3. Bazhaykin A. L. *Norms — principles in the legislation on the protection of the Environment and the Land legislation* [Normy-printsipy v zakonodatel'stve ob okhrane okruzhayushchei sredy i zemel'nom zakonodatel'stve] // Environmental Law [Ekologicheskoe pravo]. 2013. № 1. P. 5–10.
4. Bogolubov S. A. [et al.] *The implementation of property rights to natural resources* [Realizatsiya prav sobstvennosti na prirodnye resursy]. Monograph. М. : Jurist, 2007. 224 p.
5. Bogolyubov S. A., Kichigin N. V., Sivakov D. O. *Environmental Law* [Ekologicheskoe pravo]. Summary of lectures. М. : Prospect, 2008. 224 p.
6. Brinchuk M. M. *The principles of Environmental law* [Printsipy ekologicheskogo prava]. М. : Yurlitinform, 2013. 208 p.
7. Brinchuk M. M. *Environmental Law* [Ekologicheskoe pravo]. М. : Jurist, 2004. 670 p.
8. Bykovskiy V. K. *Russian Forestry Law* [Lesnoe pravo Rossii] : the textbook for the Masters Graduate programs / ed. N. G. Zhavoronkova. М. : Yurait, 2012. 262 p.
9. Vasilyeva M. M. *The right of citizens to access to natural resources (general theoretical and interdisciplinary study)* [Pravo grazhdan na dostup k prirodnym resursam (obshcheteoreticheskoe i mezhotraslevoe obosnovanie)] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2012. № 3. P. 5–14.
10. Gazizullin A. H. *Forestry* [Lesovedenie] : a course of lectures. Kazan, 2004. 218 p.
11. Golichenkov A. K. *Russian Environmental Law: Dictionary of legal terms* [Ekologicheskoe pravo Rossii: Slovar' yuridicheskikh terminov]. М. : Gorodets, 2008. 448 p.
12. Gorbovoi V. F. *Forestry Law* [Lesnoe pravo] : a course of lectures. Sverdlovsk, 1977. 48 p.
13. Dubovik O., Kremer L., Lubbe-Wolff G. *Environmental Law* [Ekologicheskoe pravo]. М. : Eksmo, 2005. 678 p.

14. Erofeev B. V. *Russian Land law* [Zemel'noe pravo Rossii]. M., 2001. 657 p.
15. Erofeev V. S. *Russian Environmental Law* [Ekologicheskoe pravo Rossii]. M., 2001. 656 p.
16. Ivlev V. A. *Management of forest resources of the region (the aspect of environmentally sustainable development)* [Upravlenie lesnymi resursami regiona (aspekt ustoichivogo ekologicheskogo razvitiya)]. Ekaterinburg, 2000. 467 p.
17. Kolbasov O. S. *Testament to environmentalist* [Zaveshchanie ekologam] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. M. : Norma, 2000. № 5/6. P. 89–90.
18. *Comments to the Forestry Code of the Russian Federation* [Kommentarii k Lesnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii] (itemized) / ed. Prof. A. A. Yalbulganov. RLS Garant, 2010.
19. Krassov O. V. *Ownership of the land in the European countries* [Pravo sobstvennosti na zemlyu v stranakh Evropy]. M. : Norma ; INFRA-M, 2014. 400 p.
20. Krassov O. V. *Natural resources of Russia Comment of legislation* [Prirodnye resursy Rossii: kommentarii zakonodatel'stva]. M., 2002, 816 p.
21. Morozov G. F. *Fav. works* [Izbrannye trudy]. M., 1970–1971. V. 1–2.
22. Morozov G. F. *Doctrine about forest* [Uchenie o lese]. 7-th. ed. M. ; L. : Goslesbumizdat, 1949. 456 p.
23. Nersesyants V. S. *General Theory of Law and State* [Obshchaya teoriya prava i gosudarstva] : textbook for universities and law faculties. M. : NORMA ; INFRA, 1999. 552 p.
24. Petrov V. V. *Ecology and Law* [Ekologiya i pravo]. M. : Legal literature [Yuridicheskaya literatura], 1981. 224 p.
25. Petrov V. V. *Russian Environmental Law* [Ekologicheskoe pravo Rossii] : textbook for high schools. M. : BECK, 1995. 557 p.
26. Pikulkin A. V. *Public administration system* [Sistema gosudarstvennogo upravleniya] M. : UNITY-DANA, 2010. 639 p.
27. Puryaeva A. Yu. *Problems of definition of forest in the legislation of the Russian Federation* [Problemy opredeleniya ponyatiya «les» v zakonodatel'stve RF] // Russian Law Journal [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2011. № 5. P. 179–185.
28. Puryaeva A. Yu. *The problem of correlation of adjacent branches of law in sphere of nature management* [Problemy sootnosheniya smezhnykh otraslei prava v sfere prirodopol'zovaniya] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2008. № 8. P. 61–71.
29. Puryaeva A. Yu., Puryaev A. S. *Forestry Law* [Lesnoe pravo]. M. : Business courtyard [Delovoi dvor], 2009. 406 p.
30. Habarova E. I. *Environmentally oriented Industrial Management* [Ekologicheskii orientirovannyi proizvodstvennyi menedzhment] // Management in Russia and abroad [Menedzhment v Rossii i za rubezhom]. 2000. № 3. P. 111–117.
31. Habarova E. I., Suhorukova S. M., Suhorukov P. V. *Environmental management in the context of economic globalization* [Ekologicheskii menedzhment v usloviyakh globalizatsii ekonomiki]. M. : Koloss, 2009. 216 p.

Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы

Гусев Леонид Юрьевич

Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России
Старший научный сотрудник аналитического центра ИМИ
Кандидат исторических наук
lgoussev@yandex.ru

Казанцев Андрей Анатольевич

Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России
Директор аналитического центра ИМИ
Доктор политических наук
andrka@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье говорится о сотрудничестве между Казахстаном и Россией в рамках евразийской интеграции. Отмечается, что Казахстан твердо выступает за ее углубление, однако этот процесс сопровождается развитием и других «векторов» внешней политики страны (в частности, в сторону Китая и региона АТР, стран Запада и исламских государств). Такая политика позволяет Казахстану постоянно «балансировать» между интересами различных сторон в целях укрепления собственной независимости. Указывается, что именно президент Казахстана Н. А. Назарбаев был первым, кто еще в 1994 г. в своем знаменитом выступлении в МГУ предложил идею создания нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза.

Говорится о том, что после образования Таможенного союза Казахстан стал принимать активное участие в деятельности организации и ее структур. В связи с чем произошло укрепление межрегионального и приграничного сотрудничества между нашими странами. Так, по словам президента Казахстана, в настоящее время на территории его страны реализуется и планируется к реализации более 50 крупных казахстанско-российских проектов на общую сумму около 6 млрд долл. Авторы показывают в качестве примера, как происходит сотрудничество между Южно-Казахстанской и Московской областями. Однако указывают на то, что экономическое сближение наших стран не получило своего должного продолжения в мировоззренческой сфере. Так, предложение России создать единый учебник истории для стран Евразийского союза наталкивается со стороны Казахстана на ряд проблем, так как задача властей страны — укреплять независимость Казахстана и его государственность, чему учебники истории должны способствовать. В конце статьи даются выводы и рекомендации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз, Таможенный союз, интеграция, таможенные пошлины, единый учебник истории

Gusev L. Yu., Kazantsev A. A.

Russian-Kazakhstan Relations: Problems and Prospects

Gusev Leonid Yuryevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Senior Research Fellow of Analytical Center of Institute of International Studies
Phd in Historical Sciences
lgoussev@yandex.ru

Kazantsev Andrey Anatolyevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Director of Analytical Center of Institute of International Studies
Doctor of Political Sciences
andrka@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with the cooperation between Kazakhstan and Russia in the framework of the Eurasian integration. It is noted that Kazakhstan stands firmly behind its recess, but this process is accompanied by development of other “vectors” of foreign policy (particularly in China and the Asia-Pacific region, the West and the Islamic states). This policy allows Kazakhstan constantly “balancing” between the interests of the various parties in order to strengthen its independence. It is stated that the president of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev was the first one who in 1994 in his famous speech at Moscow State University proposed the idea of creating a new integration association — the Eurasian Economic Union. It is said that after the formation of the Customs Union Kazakhstan began to take an active part in the activities of the organization and its structures. In this regard, the article describes the strengthening of inter-regional and cross-border cooperation between our countries. Thus, according to the president of Kazakhstan now more than 50 large Kazakh-Russian projects totaling about \$ 6 billion are realized and planned to implement on its territory. Also, it is indicated how the collaboration between the South Kazakhstan and Moscow region is carried. However, it is indicated that there is no increasing convergence in the ideological sphere. So Russia’s proposal to create a single history textbook for the countries of the Eurasian Union encounters from Kazakhstan on a number of issues, as the task of the authorities of the country is to strengthen the independence of Kazakhstan, what the history books should help. At the end the conclusions and recommendations are given.

KEYWORDS

Eurasian economic union, customs union, integration, customs duty, single history textbook

Развитие интеграционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза является в настоящее время ключевым элементом формирования российской стратегии на международной арене. Казахстан — ключевой партнер России по евразийской интеграции. В этой связи рассмотрим сначала стратегические аспекты подходов руководства Казахстана к развитию евразийской интеграции. Следует отметить, что Казахстан твердо выступает за ее углубление, однако этот процесс сопровождается развитием и других «векторов» внешней политики страны (в частности, в сторону Китая и региона АТР, стран Запада и исламских государств). Такая политика позволяет Казахстану постоянно «балансировать» между интересами различных сторон в целях укрепления собственной независимости. Многовекторный характер внешней политики Казахстана может в перспективе оказаться «ограничителем» для расширения сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [1. с. 116–124].

Необходимо отметить, что именно президент Казахстана Н. А. Назарбаев был первым, кто еще в 1994 г. в своем знаменитом выступлении в МГУ предложил идею создания нового интеграционного объединения — Евразийского экономического союза [2, с. 331]. Впоследствии он неоднократно возвращался к ней и отстаивал как у себя в стране, так и на международном уровне. В этой связи нужно указать на то, что первая попытка создания Таможенного союза (ТС) была предпринята через пару лет после этого выступления. Уже к середине 1996 г. была подготовлена программа мер по завершению его формирования, предполагалось подписание соответствующих документов. Однако оно не состоялось. Это произошло потому, что различные экономические интересы стран-участниц не позволили им согласовать общий перечень тарифных и нетарифных изъятий из режима свободной торговли, унифицировать положения применяемых до сих пор двусторонних соглашений о свободной торговле и соответствующих протоколов об изъятиях из этого режима. Этот неуспех евразийской интеграции привел к возникновению новых ограничений и препятствий во взаимной торговле.

Вторая попытка образования ТС была предпринята в 2006 г. Вновь руководство Казахстана активно поддержало эту идею. Принципиальное решение о создании ТС в составе трех государств было принято на совете ЕврАзЭС в августе 2006 г. Тогда

три государства — члена ЕврАзЭС — Россия, Казахстан и Беларусь — выступили на саммите в Сочи с инициативой об образовании ТС. На этом же саммите страны — участницы ТС договорились применять единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами. Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана должен был начать действовать в 2011 г.

Казахстан сразу же стал прилагать значительные усилия для создания юридических и экономических основ деятельности этой структуры. В конце января 2009 г. Сенат парламента Казахстана ратифицировал ряд соглашений по формированию ТС совместно с Россией и Беларусью¹. В середине мая 2009 г. Генеральный секретарь ЕврАзЭС, представитель Казахстана Таир Мансуров доложил президенту Казахстана Н. Назарбаеву о том, что три государства уже согласовали 88% всех необходимых документов, и что продолжатся интенсивные переговоры по согласованию оставшихся. Также он отметил, что к концу 2009 г. главы государств утверждают таможенные кодексы ЕврАзЭС и ТС².

После образования ТС Казахстан продолжает принимать активное участие в деятельности организации и ее структур. Первоначально это приносило хорошие экономические дивиденды. В этой связи интересно рассмотреть следующие цифры. По словам вице-министра экономики и бюджетного планирования РК Тимура Жаксылыкова с 2010 по 2012 г. произошел двукратный рост товарооборота между Казахстаном, с одной стороны, Россией и Беларусью, с другой. Объем торговли Казахстана со своими партнерами по ТС достиг 24,5 млрд долл. США³. Однако уже в тот период стали проявляться и негативные экономические тенденции. В частности, быстрее стала расти инфляция (произошел «экспорт инфляции» из РФ), выросли цены на продовольствие и стали намечаться торговые дисбалансы в отношениях с Россией.

Несмотря на отдельные повседневные проблемы (скажем, заметный рост цен на продовольствие в связи с запуском ТС), отношение граждан Казахстана к этой структуре всегда было положительным. Например, во второй половине 2013 г. на эту тему был проведен опрос. Согласно ему, 67% жителей страны позитивно воспринимали факт присутствия Казахстана в ТС и положительно оценивали работу этого интеграционного экономического объединения⁴.

Что касается основных целей и ожиданий Казахстана от евразийской интеграции, то они, как отмечает политолог и специалист по странам Центральной Азии Зара Мигранян (и с ней вполне можно согласиться), следующие.

1. Обеспечение собственных лидирующих позиций среди стран евразийского региона за счет интеграции с российской экономической мощью и использования территории ТС как зоны беспрепятственного транзита (тем самым формирования преференциального режима во внешнеэкономических отношениях с РФ, а также с европейскими странами через Россию и Беларусь, что укрепляет позиции по отношению к основному региональному конкуренту — Узбекистану).

¹ Роль Казахстана в процессе формирования структур Таможенного союза. Взгляд из России [Электронный ресурс] // Информационный портал Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при МГУ 2009. 27 мая. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4793/> (дата обращения: 25.09.2014).

² Таможенный союз может заработать в начале 2010 г. Генсек ЕврАзЭС [Электронный ресурс] // РИА-Новости 2009. 14 мая. URL : <http://www.rian.ru/world/20090514/171079786.html> (дата обращения: 25.09.2014).

³ Вице-министр Т. Жаксылыков не разделяет опасений по поводу больших экономических потерь Казахстана от Таможенного союза [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство Kazinform 2014. 10 января. URL : <http://www.inform.kz/rus/article/2620009> (дата обращения: 26.09.2014).

⁴ Казахстанцы положительно оценивают работу Таможенного союза — опрос [Электронный ресурс] // Информационное агентство Inrefax.by 2013. 11 декабря. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/143488> (дата обращения: 26.09.2014).

2. Гарантированный беспрепятственный доступ к российским трубопроводам вне зависимости от политической и экономической конъюнктуры, за счет чего появляется возможность дифференциации экспортных поставок энергоресурсов из Казахстана без дополнительных затрат на альтернативные пути транспортировки (с учетом наращивания трубопроводов восточного направления, в КНР).
3. Использование единой энергосистемы РФ в целях покрытия энергодефицита ряда промышленных регионов республики собственной более дешевой электроэнергией, что формирует устойчивую основу для модернизации энергоемких отраслей промышленности РК, расширения экспорта электроэнергии в Беларусь путем транзита через Россию.
4. Содействие выполнению национальных программ развития и модернизации казахстанской промышленности («Индустриализация страны», «Дорожная карта бизнеса-2020») за счет облегчения доступа к более дешевому российскому сырью, инфраструктуре, белорусским и российским технологиям.
5. Поддержка и развитие экспорта сельскохозяйственной продукции как на территорию России, так и на мировые рынки, с использованием транзитного потенциала ТС¹.

Президент Назарбаев всегда подчеркивал неизбежность интеграции в ТС и ее выгоду для казахстанской экономики. Например, 11 октября 2013 г. в Астане под его председательством состоялось расширенное заседание правительства. В своем выступлении президент подчеркнул, что в условиях ухудшения экономической конъюнктуры правительству следует скорректировать бюджетную политику, повысить качество планирования и исполнения государственного бюджета². Назарбаев также отметил, что объем внутреннего рынка является ограниченным, и для дальнейшего роста экономики необходимо расширить рыночное пространство: «поэтому мы сейчас говорим о создании Евразийского экономического союза и вступлении во Всемирную торговую организацию»³.

В 2013–2014 гг. руководство Казахстана все больше стала беспокоить проблема определенного торгового дисбаланса в отношениях с другими участниками процесса евразийской интеграции. Интересно в этом контексте рассмотреть отношение правительства страны к таможенным пошлинам в рамках ТС. Так, еще в 2013 г. министерство экономики планировало представить на рассмотрение участников ТС предложения по унификации ввозных таможенных пошлин⁴. В частности, Казахстан намерен настаивать на унификации вывозных пошлин на нефтепродукты. Министр финансов страны сообщил, что на 1 сентября 2013 г. Казахстан распределил на 26 млрд тенге ввозных таможенных пошлин больше, чем получал от России и Беларуси. С 2012 г. стала складываться динамика, указывающая на то, что в Казахстане прирост импорта шел более высокими темпами, чем в России и Беларуси, и в связи с этим рост поступлений импорт-

¹ Экономические эффекты евразийской интеграции для Казахстана [Электронный ресурс] // Информационный портал — Русские в Казахстане 2014. 20 мая. URL: <http://www.russianskz.info/economy/5663-ekonomicheskie-effekty-evraziyskoy-integracii-dlya-kazahstana.html> (дата обращения: 27.09.2014).

² Реализуемая «Стратегия-2050» является важной задачей, рассчитанной на два-три следующих поколения казахстанцев — Глава государства [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство Kazinform 2013. 11 октября. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2596707> (дата обращения: 27.09.2014).

³ Там же.

⁴ Казахстан в 2013 г. представит предложения по унификации ввозных таможенных пошлин в ТС [Электронный ресурс] // Агентство международной информации — Новости — Казахстан 2013. 23 сентября. URL: <http://newskaz.ru/economy/20130923/5574931.html> (дата обращения: 28.09.2014).

ных пошлин был больше, чем в вышеупомянутых странах¹. Это ведет к оттоку валюты из страны.

Между тем, казахстанский экспорт в Россию уменьшается, а импорт из нее увеличивается. Казахстан ввозит из России товаров на сумму в 2,4 раза больше, чем экспортирует в РФ. *Этот растущий торговый дисбаланс вызывает серьезное недовольство среди определенных кругов казахстанской элиты.* В середине сентября 2013 г. Агентство РК по защите конкуренции заявило, что выявлено более 30 различных ограничений доступа казахстанских предпринимателей на рынки стран ТС. Вице-президент Независимой ассоциации предпринимателей РК Тимур Назханов указывал на то, что Россия продвигает свои интересы и товары на рынок стран ТС в ущерб экономическим интересам Казахстана.² Особо активны в критике России казахстанские производители алкоголя. Недовольство высказывается и по другим поводам. Депутат Мажилиса Гульжана Карагусова заявила, что территория Таможенного союза быстро стала идеальной схемой для перевода средств в офшоры³. Кстати, сходная критика высказывалась и ЦБ России, так что она имеет определенные объективные основания.

Несмотря на все эти дискуссии, российско-казахстанские экономические связи крепнут. Возникают и их новые измерения, например, миграционное. Ранее в Казахстане не было массовой трудовой миграции в Россию. Однако в настоящее время все больше молодежи с трудоизбыточного юга страны едет в Россию на заработки, констатирует директор Департамента развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Рустам Акбердин⁴. Согласно данным ФМС России, на конец августа 2013 г. на территории РФ находилось более 600 тыс. граждан Казахстана, это на 23,5 тыс. больше, чем приезжих из соседней Киргизии. Неожиданный приток казахстанцев в Россию связан с созданием ТС, который предусматривает свободное передвижение рабочей силы по территориям стран-участниц (Россия, Беларусь, Казахстан). Между тем, рост миграции имеет как положительные последствия (усиление экономических и культурных связей), так и отрицательные (межэтническая напряженность). Поэтому следует учитывать все аспекты развития российско-казахстанской интеграции и предпринимать усилия для смягчения потенциальных проблем.

На первом этапе противостояния России и ЕС (до активной фазы кризиса на Украине) Казахстан, в целом, старался придерживаться общей таможенной политики, проводимой в рамках ТС с подачи России. В этом контексте можно упомянуть вопрос о введении эмбарго на поставки молдавских вин.⁵ Астана также осенью 2014 г. обещала России не пропускать через свою территорию в РФ товары, которые подверглись российским санкциям (в частности, европейское продоволь-

¹ Казахстан в 2013 г. распределил в рамках ТС на 26 млрд ввозных пошлин больше, чем получил [Электронный ресурс] // Агентство международной информации — Новости — Казахстан 2013. 23 сентября. URL: <http://newskaz.ru/economy/20130923/5575315.html> (дата обращения: 28.09.2014).

² Растет товарооборот, растет и отрицательное сальдо [Электронный ресурс] // Центр деловой информации Капитал 2013. 23 сентября. URL: <http://kapital.kz/details/21233/rastet-tovarooborot-rastet-i-otricatelnoe-saldo.html> (дата обращения: 28.09.2014).

³ Таможенный союз — проходной двор в офшоры [Электронный ресурс] // Информационный портал prodengi.kz 2013. 24 сентября. URL: http://prodengi.kz/lenta/tamozhennyj_soyuz_prohodnoj_dvor_v_ofshory/ (дата обращения: 28.09.2014).

⁴ На заработки в Россию потянулась молодежь из Казахстана [Электронный ресурс] // Информационное агентство ИА REX 2013. 27 сентября. URL: <http://www.iarex.ru/news/41584.html> (дата обращения: 29.09.2014).

⁵ Казахстан присоединяется к «торговой войне» РФ против Украины и Молдовы [Электронный ресурс] // Информационный портал Биржевой лидер 2013. 23 сентября. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/kazakhstan/entry1008180292.html> (дата обращения: 29.09.2014).

стве). Однако на то, чтобы полностью поддержать российские санкции против ЕС и Украины, Казахстан не пошел.

Активно сотрудничает Казахстан и с Беларусью, хотя обе страны и не скрывают, что это сотрудничество является, скорее, результатом близости обоих государств с Россией, чем последствием их собственного стратегического выбора в пользу дружбы друг с другом. Одновременно, в политическом плане, между странами обозначились и общие интересы в ЕАЭС. В частности, в настоящее время Беларусь и Казахстан проводят сходную политику по отношению к российским санкциям против ЕС и Украины.

Ключевые моменты сотрудничества Беларуси и Казахстана были намечены 3–4 октября 2013 г., когда состоялся официальный визит в Казахстан президента Беларуси А. Лукашенко. Накануне он дал интервью казахстанскому телеканалу 24 KZ¹. В нем А. Лукашенко, в частности, отметил, что Евразийский экономический союз должен заработать с 2015 г., несмотря на неравномерную готовность стран к нему. Для этого государствам-членам необходимо выполнять взаимные обещания и избегать давления друг на друга, искать новые формы интеграции и сотрудничества. По мнению А. Лукашенко, на данный момент ТС отстает в развитии от других интеграционных объединений мира, в частности, ЕС. Вопрос единой валюты ТС, по его словам, пока не актуален. Лукашенко посвятил часть своего выступления внешнеполитической тематике. Он указал, что нестабильность на Ближнем Востоке может стать угрозой для ТС, особенно для Казахстана. Кроме того, он отметил, что пропаганда идеи «американской исключительности» из уст Барака Обамы является опасной и недопустимой.

В ходе состоявшихся 4 октября 2013 г. в Астане переговоров между Н. Назарбаевым и А. Лукашенко был подписан план совместных мероприятий на 2014–2016 гг. по реализации двусторонней программы экономического сотрудничества между постсоветскими государствами на 2009–2016 гг.² Следует отметить, что за январь–август 2013 г. товарооборот Беларуси и Казахстана снизился до 601,9 млн долл. (92,6% от результата предыдущего года). Это происходит на общем фоне не завершившегося мирового экономического кризиса и падения торговли между бывшими советскими республиками. В ходе визита прошли также белорусско-казахстанские переговоры по вопросам сотрудничества в нефтехимической сфере. В настоящее время Казахстан, пользуясь статусом члена ЕЭП, решает проблему доступа к российской инфраструктуре, позволяющей поставлять в Беларусь большие объемы нефти и «транзитировать» через эту страну казахстанское сырье в Евросоюз³. Это — один из стратегических моментов в интересе Астаны к интеграции с Россией и Беларусью.

Пути разрешения ряда накопившихся в двусторонних отношениях России и Казахстана проблем, в частности, в плане торгового дисбаланса, удалось наметить на встрече В. Путина и Н. Назарбаева, состоявшейся в ноябре 2013 г. в ходе 10 Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и России. Главы государств обсудили вопросы развития двустороннего сотрудничества, а также взаимодействия Казахстана и России в рамках интеграционных объединений. В частности, были затронуты перспективы укрепления межрегионального и приграничного сотрудничества, а также расширения партнерства в топливно-энер-

¹ Лукашенко преподал Обаме урок истории США [Электронный ресурс] // Информационный портал Naviny.by 2013. 2 октября. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2013/10/02/ic_articles_112_183193/ (дата обращения: 30.09.2014).

² Казахстан и Белоруссия подписали «дорожную карту» сотрудничества на 2014–2016 годы [Электронный ресурс] // Информационный портал Рамблер 2013. 4 октября. URL: <http://news.gambler.ru/21431731/> (дата обращения: 30.09.2014).

³ Там же.

гетической, космической, атомной и сельскохозяйственной сферах.¹ Путин отметил значимость и эффективность Форума в развитии и укреплении двустороннего партнерства².

Со своей стороны, президент Казахстана подчеркнул, что одним из важнейших направлений развития сотрудничества является промышленная кооперация. Среди успешных примеров межгосударственной кооперации бизнеса двух стран было названо взаимодействие в таких отраслях, как машиностроение, горно-металлургический комплекс, урановая и химическая промышленность. Также Н. Назарбаев отметил: «Костанайская область поставляет окатыши на металлургические предприятия России, Павлодарская — алюминиевое сырье. Российская компания „ЕвразХолдинг“ заканчивает строительство в Костанаве прокатного завода. Начато строительство предприятия по производству дизельных двигателей с комплектацией из России на 30 процентов»³.

Глава Казахстана сообщил, что в настоящее время на территории его страны реализуется и планируется к реализации более 50 крупных казахстанско-российских проектов на общую сумму около 6 млрд долл. При этом важное значение для обоих государств имеет расширение спектра производства конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. Развитие кооперации выходит за рамки только промышленных отраслей⁴.

Намеченный двумя президентами курс на промышленное сотрудничество активно реализуется. 10 декабря 2013 г. в Москве под председательством заместителя директора Департамента промышленной политики ЕЭК Александра Готовского прошло второе заседание рабочей группы по формированию евразийских технологических платформ. Были подведены итоги первого этапа их формирования в 2013 г. и рассмотрена организация их дальнейшей работы в 2014 г., обсуждено создание возможных механизмов финансирования совместных проектов в рамках евразийских технологических платформ⁵. Решено продолжить работу по формированию других направлений, на базе как российских, так и казахстанских технологических платформ. Соответствующие предложения будут подготовлены Национальным агентством по технологическому развитию Республики Казахстан⁶.

Российско-казахстанское межрегиональное сотрудничество, включая приграничное, развивается по различным каналам и при поддержке многих казахстанских структур. Это одна из наиболее приоритетных внешнеэкономических тем. Так, в начале декабря 2013 г. акимат Южно-Казахстанской области договорился с представителями Московской области о выделении земельных участков для строительства логистических центров для своих сельхозтоваропроизводителей. По словам акима области Аскара Мырзахметова, «на сегодняшний день основная проблема сельхозтоваропроизводителей (Южного Казахстана) — это не столько произвести товар, а выгодно продать. Поэтому мы проводим работу, чтобы иметь контакты в рамках ТС. Нам удалось договориться с губернатором Московской области о выделении земельных участков для сельхозтоваропроизводителей Южно-Казахстанской области для строительства

¹ Между Казахстаном и Россией подписан исторический договор о добрососедстве и сотрудничестве в XXI веке [Электронный ресурс] // Страна и мир. 2013. 14 ноября. URL: <http://sim.kz/articles/view/35384> (дата обращения: 30.09.2014).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

логистических центров в том регионе».¹ По информации акима, область также планирует построить ряд логистических центров в Екатеринбурге, в Сибири, и в Беларуси [3, с. 65].

Приведем еще один пример приграничного сотрудничества, теперь уже с российской стороны госграницы. В Брединском районе Челябинской области строительство дороги до границы с Казахстаном началось еще в 2010 г., но благодаря вступлению Казахстана в ТС процесс пошел намного быстрее. Сначала оговаривался вариант строительства дороги до поселка Андреевского, всего 14 км, однако позднее было принято решение сделать асфальтированное шоссе до границы с Казахстаном, общей протяженностью 27 км. Стоимость работ составляет порядка 100 млн руб.²

Идет процесс создания совместных российско-казахстанских предприятий. В конце 2013 г. в Астане состоялась презентация совместного казахстанско-российского предприятия «Астык Транс». Компания по перевозке зерна создана на паритетной основе между «Қазтеміртранс» — дочерней компанией КТЖ и «Русагротранс» — крупнейшим оператором России в сфере железнодорожных перевозок зерновых грузов. Общий вагонный парк совместного предприятия составит порядка 10 тыс. вагонов зерновозов и позволит перевозить до 9 млн т зерна в год. Перевозки зерна в Казахстане осуществляются из северных регионов в направлении юга и запада. Основными направлениями экспорта казахстанского зерна являются страны СНГ, Европейского союза, Ближнего Востока, Центральной Азии. Постоянные потребители — страны Закавказья: Азербайджан и Грузия³.

Таможенный союз способствует и иным формам сотрудничества. С 1 января 2014 г. национальный режим госзакупок в ЕАЭС осуществлялся уже с участием Казахстана. Таким образом, национальный режим государственных закупок начинает действовать для всех трех государств Таможенного союза — Беларуси, России, Казахстана.⁴ Такая норма установлена соглашением о государственных (муниципальных) закупках, которое подписано указанными выше тремя странами ЕАЭС. Это — один из ключевых документов по формированию международно-договорной базы ЕАЭС. Соглашение направлено на обеспечение равного взаимного доступа субъектов хозяйствования стран ТС на национальные рынки государственных закупок, добросовестной конкуренции, эффективности и прозрачности закупочного процесса. По сведениям вице-министра экономики и бюджетного планирования Казахстана Тимура Жаксылыкова, объем рынка госзакупок стран-партнеров по ЕЭП в 2012 г. составил порядка 198 млрд долл., а рынок госзакупок Казахстана — 7,6 млрд долл.⁵

В то же время следует отметить, что экономическое сближение стран ТС не получило своего должного продолжения в мировоззренческой сфере. Так, в течение

¹ ЮКО намерена построить логистические центры в России и Белоруссии [Электронный ресурс] // Агентство международной информации — Новости — Казахстан 2013. 12 декабря. URL: <http://newskaz.ru/economy/20131212/5906303.html> (дата обращения: 02.10.2014).

² Дорога в Казахстан будет построена быстрее, чем ожидалось [Электронный ресурс] // Информационный портал о сертификации ИнфоГост 2013. 13 декабря. URL: <http://infogost.com/doroga-v-kazahstan-budet-postroena-byistree-chem-ozhidalos/> (дата обращения: 02.10.2014).

³ Россия и Казахстан объединились для перевозки зерна [Электронный ресурс] // Центр деловой информации «Капитал». 2013. 6 сентября. URL: <http://kapital.kz/economic/20535/rossiya-i-kazahstan-obedinilis-dlya-perevozki-zerna.html> (дата обращения: 02.10.2014).

⁴ С 2014 года Беларусь будет участвовать в госзакупках Казахстана [Электронный ресурс] // Казахстанский портал Nur.kz. 2014. 3 января. URL: <http://news.nur.kz/296888.html> (дата обращения: 03.10.2014).

⁵ С начала функционирования ТС среднегодовой рост взаимной торговли составил почти 16% — МЭБП [Электронный ресурс] // Агентство международной информации — Новости — Казахстан 2014. 10 января. URL: <http://newskaz.ru/economy/20140110/5997312.html> (дата обращения: 03.10.2014).

нескольких лет в рамках ТС рассматривается предложение России создать единый учебник истории для стран Евразийского союза. Рассмотрим подход к этому Казахстана. Министерство образования этой страны видит ряд сложностей в создании подобного учебника, связанных с различным толкованием некоторых важных событий историческими школами разных стран Евразийского союза. В частности, проблемы вызывают несовпадения интерпретации взаимоотношений Казахстана и России в период Российской империи (колониальное завоевание или добровольное вхождение с прогрессивными последствиями). Для Казахстана вопрос особенно актуален в связи с тем, что в стране активно разрабатывается единый учебник для школ и вузов (для школ он будет упрощаться, для вузов, особенно исторических, усложняться, но суть трактовок, согласно распоряжению президента Н. Назарбаева, должна быть одинаковой). Такая унификация уже вызывает много разных методологических проблем. Существует мнение, что в случае согласования этого модульного учебника с Россией они резко возрастут. Да и изначально в планы казахстанского руководства это не входило, так как задача модульного учебника — укреплять независимость Казахстана и его государственность⁶.

Создание ЕАЭС будет вести к дальнейшему развитию российско-казахстанского сотрудничества. Между тем, становление ЕАЭС — процесс сложный, диалектически противоречивый. Он проходит в сложной геополитической ситуации, связанной с ростом противостояния на постсоветском пространстве между Россией и Западом в связи с общим обострением положения вокруг Украины. В этом контексте в последнее время в Казахстане идет активная кампания, поддерживаемая местными либерально-западническими кругами, против дальнейшего сближения с Россией. В связи с этим даже высказываются соображения типа «возможной потери суверенитета» и «возможных территориальных претензий со стороны России». Последние события вокруг Украины привели к тому, что в Казахстане стали очень нервно реагировать на любые упоминания о государственности страны. Высказывание президента России о том, что Н. А. Назарбаев создал государство на территории, «на которой государства никогда не было»⁷, привели к массовой публичной акции «Отошли учебник истории Владимиру Путину»⁸. Более того, в интервью казахстанскому телеканалу «Хабар» 25 августа 2014 г. Н. А. Назарбаев сказал: «Если не будут выполняться правила, описанные в договоре, Казахстан имеет право выйти из ЕАЭС. Я уже это говорил, и повторяю снова. Казахстан не будет входить в организации, которые угрожают нашей независимости. Независимость — это самое главное наше богатство»⁹.

Сложная геополитическая ситуация вынуждает руководство Казахстана вести осторожную, лавирующую, многовекторную политику. Однако, в целом, следует отметить, что антироссийскую кампанию в СМИ, особенно, в контексте событий на Украине, официальное руководство Казахстана не поддерживает. Правда, вполне можно предположить, что Астана использует эти настроения для того,

⁶ В Министерстве образования и науки Казахстана оценили перспективы единого для СНГ учебника по истории [Электронный ресурс] // Портал Института евразийской интеграции. 2013. 26 ноября. URL: <http://eurazis.kz/?p=2124> (дата обращения: 03.10.2014).

⁷ Назарбаев заявил о возможном выходе Казахстана из Евразийского союза [Электронный ресурс] // Информационный портал Newsru.com. 2014. 31 августа. URL: <http://www.newsru.com/world/31aug2014/nazarbaev.html> (дата обращения: 03.10.2014).

⁸ Назарбаев назвал причины возможного выхода Казахстана из Евразийского союза [Электронный ресурс] // Информационный портал News-Rbk. 2014. 31 августа. URL: <http://news-rbk.ru/world/37623-nazarbaev-nazval-prichiny-vozmozhnogo-vyhoda-kazahstana-iz-evraziyskogo-soyuz.html>

⁹ Назарбаев напомнил о праве Казахстана на выход из ЕАЭС [Электронный ресурс] // Информационный портал Tengri news. 2014. 25 августа. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-prave-kazahstana-na-vyihod-iz-eaes-260719/ (дата обращения: 04.10.2014).

чтобы выторговать какие-то позиции в рамках ЕАЭС. В целом, президент Назарбаев считает ЕАЭС одним из результатов своих собственных усилий и не предрасположен к выходу из него. Однако ключевой риск в связи с ростом в Казахстане националистических, направленных против ЕАЭС настроений связан с фактором неизбежности транзита власти в перспективе, если не краткосрочной, то среднесрочной (в связи с факторами возраста и состояния здоровья Н. Назарбаева).

Выводы и рекомендации

В заключение можно констатировать, что у Казахстана всегда был очень заметный интерес к евразийской интеграции. Руководство страны, лично президент Н. Назарбаев позиционируют себя в качестве лидеров интеграционного движения на постсоветском пространстве. Однако пока это не привело к отказу от многовекторной внешней политики. Наоборот, достаточно серьезную роль в стране играет часть элиты, которая поддерживает многовекторность. Этому способствуют определенные претензии руководства Казахстана к некоторым дисбалансам евразийской интеграции (например, к проблеме торгового дисбаланса в отношениях с Россией). Также Казахстан не хочет нести экономические потери от взаимных санкций России и Запада, наложенных в связи с конфликтом на Украине.

Несмотря на официальную поддержку евразийской интеграции в прессе, которая достаточно жестко контролируется государством, в СМИ с подачи указанной выше части элиты страны, высказываются и критические соображения. Как отмечает старший эксперт Агентства по исследованию рентабельности инвестиций Казахстана аналитик Ерлен Бадыхан, в Казахстане присутствует сильное разочарование от деятельности ТС, так как основная часть населения не получила никакой пользы или преимуществ от него. «Показатели, зарегистрированные в некоторых сферах производства, свидетельствуют о том, что даже произошел спад. Это сферы легкой промышленности, машиностроения, пищевой промышленности, и это произошло потому, что сегодня у нас слишком большой импорт белорусских и российских молочных продуктов — молока, масла, творога»¹. Критика в адрес России в СМИ и Интернете особенно ужесточилась в связи с нынешней сложной геополитической ситуацией на постсоветском пространстве. Эта критика неспособна в настоящее время затормозить процесс российско-казахстанской интеграции. Но и ее, и настроения некоторой части элиты необходимо учитывать, так как при возможном изменении во властных структурах страны они могут сыграть определенную роль.

В плане общего анализа ситуации в Казахстане в контексте интеграционных процессов в зоне, прилегающей к территории России, целесообразно обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. Становление системы интеграционных связей происходит на фоне дифференциации интересов государств-участников и укрепления позиций различных группировок национальных элит, связанных с многовекторной внешней политикой (это особенно относится к Казахстану).
2. Продвижение евразийской интеграции сопровождается расширением вовлеченности стран внешнего регионального окружения (КНР, стран Запада) в двусто-

¹ Казахстан разочарован в Таможенном союзе: казахский аналитик [Электронный ресурс] // Информационный портал Первый армянский 2013. 11 октября. URL: http://www.1in.am/rus/armenia_interview_36154.html (дата обращения: 04.10.2014).

роннее взаимодействие с ближайшими российскими партнерами — Казахстаном, Беларусью, Арменией.

3. Перспективы главных интеграционных форматов в экономической сфере определяются как объективными моментами (в частности, заинтересованностью в углублении традиционной взаимодополняемости хозяйственных систем), так и субъективными моментами (в частности, многовекторными политическими интересами, доминирующими среди правящих кругов российских партнеров). Интеграционный фактор опирается в настоящее время преимущественно на российский ресурсный потенциал. Казахстан, Беларусь, Киргизия, Армения зачастую затягивают принятие решений, направленных на преодоление затратных для России форматов взаимодействия.
4. Система многостороннего экономического сотрудничества стран – участниц ЕАЭС пока не способна в полной мере блокировать исходящие из внешней среды негативные стимулы для устойчивой интеграции экономического ядра постсоветского пространства. Но, с другой стороны, и отрицательные внешние воздействия не способны остановить поступательное развитие российско-казахстанских интеграционных процессов.

С учетом всего вышесказанного можно сформулировать следующие практические рекомендации.

России необходимо учитывать претензии Казахстана к процессу евразийской интеграции (в частности, проблемы торгового дисбаланса и доступа на российские рынки) и вести с ним систематический диалог на эту тему. С другой стороны, Москва должна твердо указывать, что евразийская интеграция — не способ получения дотаций и преференций от России, а взаимовыгодный процесс.

В российско-казахстанских переговорах необходимо учитывать фактор непреодоленной многовекторности казахстанской внешней политики. Казахстан намерен интегрироваться с Россией не в ущерб другим основным «векторам» своей внешней политики (ориентация на КНР, страны Запада).

Необходимо развивать инструменты влияния России на казахстанские элиты с учетом того, что в какой-то временной перспективе фактор Н. Назарбаева — инициатора и сторонника процесса евразийской интеграции — может исчезнуть с политической арены. В интересах Москвы способствовать формированию в Казахстане пророссийского слоя элиты инструментами «мягкой силы».

Для дальнейшего продвижения евразийской интеграции Россия может использовать влияние Казахстана на страны Центральной Азии, активно сотрудничающие с Казахстаном в политической и экономической сферах. Российская политика в Центральной Азии (особенно по отношению к Узбекистану), по возможности, должна быть «казахстаноцентричной», а Москве желательно с пониманием относиться к интересам Астаны, в частности, к ее соперничеству с Ташкентом за региональное влияние.

Литература

1. Казанцев А. А. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана / А. А. Казанцев, Ш. Д. Содиков // Ежегодник Института международных исследований. М. : МГИМО-Университет, 2014. Вып. 1(7). 116–124 с.
2. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроники деятельности. Астана : Деловой мир, 2011. 311 с.
3. Гусев Л. Ю. Приграничное сотрудничество между Россией и Казахстаном — история развития и перспективы на будущее // «Евразия: аналитика и прогнозы». М. : Изд-во МГУ, 2013. № 7. 63–71 с.

References

1. Kazantsev A. *Political elites and the prospects for the evolution of political systems in Uzbekistan and Kazakhstan* [Politicheskie elity i perspektivy evolyutsii politicheskikh sistem Uzbekistana i Kazakhstana] / A. Kazantsev, Sh. D. Sodikov // Yearbook of the Institute of International Studies. Moscow : MGIMO-University [MGIMO-Universitet], Issue 1, 2014. (7). P. 116–124.
2. *First President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. Chronicles of activity* [Pervyi Prezident Respubliki Kazakhstan Nursultan Nazarbaev. Khroniki deyatel'nosti]. Astana : Business World [Delovoi mir], 2011. 311 p.
3. Gusev L. *Cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan — the history of the development and future prospects* [Prigranichnoe sotrudnichestvo mezhdou Rossiei i Kazakhstanom — istoriya razvitiya i perspektivy na budushchee] // Eurasia: analyst and forecasts. Moscow : Moscow State University Press [izdatel'stvo MGU], 2013. N 7. P. 63–71.

Болгов Р. В., Зиновьева Е. С., Карачай В. А.

Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты*

Болгов Радомир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет
Старший преподаватель кафедры мировой политики
Кандидат политических наук
rbolgov@yandex.ru

Зиновьева Елена Сергеевна

Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России (Москва)
Доцент кафедры мировых политических процессов
Кандидат политических наук
elena.zinovjeva@gmail.com

Карачай Виталина Анатольевна

Санкт-Петербургский НИУ ИТМО
Научный сотрудник
Кандидат политических наук
karachay@egov-center.ru

РЕФЕРАТ

В статье проведено сравнение правовой базы по вопросам развития информационного общества в странах Таможенного союза, где стремительно развивается интеграция (Беларусь, Казахстан и Российская Федерация). Авторами разработан перечень параметров для сравнения стратегий и программ по развитию информационного общества. Сравнение было проведено по таким основным параметрам, как приоритеты, основные термины и цели, закрепленные в соответствующей законодательной базе, и органы, ответственные за внедрение проектов по развитию информационного общества. Были выделены общие черты и основные отличия в нормативных правовых документах, регулирующих развитие информационного общества в странах Таможенного союза. Анализ имплементации законодательства основан на сравнении позиций этих стран в глобальных рейтингах, разработанных международными организациями, а также открытых результатов внутригосударственного аудита и публикаций в СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационное общество, электронное правительство, электронное управление, сравнительный анализ, экономическая интеграция, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, постсоветские страны

Bolgov R. V., Zinovieva E. S., Karachay V. A.

Information Society Development in the Customs Union Countries: Legal Framework

Bolgov Radomir Viktorovich

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Senior lecturer of the Department of World Politics
PhD in Political Science
rbolgov@yandex.ru

* Исследование, представленное в данной статье, выполнено в рамках сотрудничества по поддержке развития электронного управления в Евразии между Центром технологий электронного правительства Санкт-Петербургского НИУ ИТМО и Центром электронного управления Университета ООН. Исследование было осуществлено при частичной финансовой поддержке Правительства Российской Федерации, грант 074-U01.

Zinovieva Elena Sergeevna

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of World Political Processes
PhD in Political Science
elena.zinovieva@gmail.com

Karachay Vitalina Anatolievna

ITMO University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Research Fellow
PhD in Political Science
karachay@egov-center.ru

ABSTRACT

The authors selected comparative analysis to study Information society development covering the Customs Union countries, where integration is rapidly developing (Belarus, Kazakhstan and Russian Federation). The authors have developed a set of parameters for comparing the laws on Information society. The comparison was performed on the priorities as well as terms, goals, and bodies in charge of information society development. The similarities and differences in Information Society legislation of these countries were highlighted. Analysis of implementation of the legislation is based on the comparison of countries positions in global rankings developed by international organizations, as well as open results of intra-governmental audit, and media publications analysis.

KEYWORDS

Information society, e-government, e-governance, comparative analysis, economic integration, the Customs Union, the Eurasian Economic Union, post-Soviet countries

1. Введение

Региональное взаимодействие по вопросам развития информационного общества стремительно растет в связи с интенсификацией процесса интеграции в различных регионах. Опыт регионов демонстрирует преимущества обмена знаниями и опытом, развития национальных стратегий и стандартов, совместных исследовательских проектов, направленных на внедрение технологий электронного управления, регионального информационного обмена и совершенствования государственных услуг.

Первая гипотеза данного исследования заключается в том, что для постсоветских стран характерны общие черты в развитии информационного общества, особенно для стран Евразийского экономического союза: близкие позиции в глобальных рейтингах информационного общества и электронного правительства, схожесть законодательной базы. Вторая гипотеза — чем сильнее политическое сотрудничество между странами, тем больше схожи их политика и законы в сфере развития информационного общества. Это частично вписывается в теорию неофункционализма (развитие конкретных сфер, в частности, информационного общества, приводит к необходимости политического регулирования этих процессов на уровне международных организаций) [8].

Цель исследования заключается в проверке соответствующих исследовательских гипотез с учетом результатов сравнения программ и стратегий в странах Таможенного союза, где интеграция стремительно развивается (Беларусь, Казахстан и Россия).

2. Обзор литературы

Основываясь на анализе литературы по развитию информационного общества в постсоветских странах [9; 10], следует отметить, что в большинстве работ электронное правительство рассматривается как ключевой элемент информаци-

онного общества. Согласно результатам исследований, наиболее существенными преградами для развития информационного общества в переходных (transition) странах является низкий уровень развития демократии [14] и экономического развития [3].

В [11] авторы анализируют особенности информационного общества в Беларуси, в [5] — информационное общество и электронное управление в Казахстане. В исследованиях, посвященных информационному обществу в России, некоторые авторы акцентируют внимание на исследовании электронного управления [4; 6], другие — на потенциальных возможностях [2], некоторые — на экономике, основанной на ИКТ [7]. Кроме того, некоторые авторы проводят сравнительный анализ российского опыта по вопросам развития информационного общества с другими странами [1; 12; 13].

3. Евразийская экономическая комиссия и процесс евразийской интеграции

Во второй половине 2000-х гг. сформировались политические и социально-экономические условия для формирования Евразийского союза [9]. 29 мая 2014 г. в Астане (Казахстан) президенты России, Беларуси и Казахстана подписали соглашение, которое заложило основы для создания Евразийского экономического союза с 1 января 2015 г., к которому присоединилась Армения. Желание участвовать в данной структуре также выражали Кыргызстан и Таджикистан. Попытка начать интеграционный процесс была осуществлена в январе 2012 г., когда три страны Таможенного союза сформировали единое экономическое пространство с целью создания условий для стабильного и эффективного развития экономик стран — членов Союза.

Создание Евразийского экономического союза вызвало интерес в международных академических и экспертных сообществах, которые начали активно обсуждать его потенциальные перспективы [10]. Тематика евразийской интеграции наполнила новым содержанием статьи и речи лидеров современной России, Казахстана и Беларуси, которые реализовали идеи нового глобального мышления на практике в форме Евразийского экономического союза. Таким образом, Евразийский союз способен стать реальным центром силы в контексте трендов глобального развития, которые предусматривают политическую самоорганизацию в форме региональных союзов. Регионализация является ответом мировому экономическому кризису. Беларусь, Казахстан и Россия решили объединиться не только с целью уменьшения негативного влияния мировой нестабильности, но и для выхода на мировые рынки [9].

4. Россия, Беларусь и Казахстан в мировых рейтингах развития ИКТ

Прогресс в использовании информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления и развития экономики в странах СНГ существенно различается¹. Существует множество факторов, которые влияют на развитие информационного общества в регионе, включая социально-экономическую ситуацию, политическую нестабильность, лидерство, реформу системы государственного управления, инвестиционную и регуляторную политику, законодательство, культуру и т. д. [3].

¹ CIS Program of Long-term Cooperation for the Promotion of Information Society till 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iacis.ru/eng/activities/long_term_plan/ (дата обращения: 01.09.2014).

Согласно Индексу готовности к электронному правительству ООН 2014 (UN E-Government Global Survey 2014),¹ рассматриваемые три страны включены в группу стран с высоким индексом развития электронного правительства (High E-Government Development Index (EGDI)) (между 0,50 и 0,75). Так, EGDI для Казахстана составляет 0,7283 (28-е место). Для Беларуси — 0,6053 (55-е место), России — 0,7296 (27-е место). В 2012 г., согласно аналогичному исследованию 2012 г. (UN E-Gov Global Survey'2012), Россия заняла 27-е место из 183 возможных, Казахстан — 38-е, Беларусь — 31-е. Таким образом, в 2014 г. Казахстан улучшил свои позиции на 10 пунктов. Россия стала одним из лидеров в Восточной Европе. Беларусь же, напротив, была оценена ниже, чем в предыдущем рейтинге.

В рейтинге стран по Индексу экономики знаний Всемирного банка 2012 (World Bank' Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings),² Россия заняла 55-е место (KEI 5,78), Беларусь — 59-е (KEI 5,59), Казахстан — 73-е (5,04). Все три страны были оценены выше, чем в предыдущем рейтинге 2000 г.

Согласно Индексу развития ИКТ Международного союза электросвязи 2012 (International Telecommunication Union (ITU) ICT Development Index (IDI) 2012 Ranking)³, Россия заняла 40-е место (IDI 6,19), Беларусь — 41-е (IDI 6,11), Казахстан — 48-е (5,74). Россия была оценена ниже, чем в предыдущем рейтинге 2011 (тогда ее позиция была 38-я), но Беларусь и Казахстан были оценены выше, чем в предыдущем рейтинге.

Согласно Индексу готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума 2014 (World Economic Forum (WEF) Networked Readiness Index 2014)⁴, Казахстан занял 38-е место (индекс 4,58), а Россия — 50-е (4,30). В 2013 г. Казахстан занимал 43-ю позицию в рейтинге, Россия — 54-ю. Таким образом, обе страны улучшили свои позиции в 2014 г. Беларуси в этом рейтинге нет.

Согласно Индексу готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума 2013 (WEF Global Information Technology Report 2013)⁵, Казахстан занял 69-е место из 144 в 2012 г. (66-е в 2011 г.); Россия заняла 106-е место в 2012 г. (99-е в 2011 г.); Беларусь в данном рейтинге не представлена.

5. Методология и материалы исследований

Исследование базируется на принципе сравнительного анализа, оно направлено на определение роли механизмов развития информационного общества в различных странах. Анализируется законодательная база по развитию информационно-коммуникационных технологий в трех постсоветских странах (Россия, Беларусь и Казахстан), входящих в Евразийский экономический союз.

Для сравнения результатов анализа нормативной правовой базы по информационному обществу был выбран набор параметров. Сравнительный анализ стратегий, национальных программ и законов позволил выделить сходства и различия

¹ UN E-Government Global Survey 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 02.09.2014).

² KAM 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf> (дата обращения: 02.09.2014).

³ ITU ICT Development Index (IDI) 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2013/MIS2013_without_Annex_4.pdf (дата обращения: 02.09.2014).

⁴ WEF Networked Readiness Index 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalInformationTechnology_Report_2014.pdf (дата обращения: 02.09.2014).

⁵ WEF Global Information Technology Report 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения: 02.09.2014).

основных понятий и целей развития информационного общества; осуществить определение органов, ответственных за реализацию проектов в сфере ИКТ; определить приоритеты в развитии информационного общества. Эти параметры позволяют выявить ценность и эффективность законодательной базы по информационному обществу в каждой анализируемой стране, исследовать «зоны компетенций» в реализации соответствующего законодательства.

Исследование может быть неполным без осознания необходимости разработки и внедрения стратегий развития информационного общества. Один из способов оценки эффективности имплементации законодательства основывается на сравнении позиций стран в различных мировых рейтингах, рассмотренных выше. К тому же, необходимо учитывать оценку представителей органов власти и независимых экспертов, СМИ и граждан. Таким образом, исследование основано на анализе данных официальной статистики, результатах экспертных опросов, опросов общественного мнения и публикаций в СМИ.

Авторы принимают во внимание опыт Европейского Союза, учитывая особенности анализируемых стран и самого региона. Было предпринято множество попыток оценить развитие информационного общества. Одна из недавних — инициатива Европейской комиссии «Цифровая повестка дня для Европы: Европа 2020» (Digital Agenda for Europe: A Europe 2020 Initiative), которая проводит исследовательский проект «Оценка 2014 — прогрессивный отчет по целям Цифровой повестки дня» («Scoreboard 2014 — Progress Report Digital Agenda Targets»)¹. Проект оценивает цели, приоритеты и области (areas of activity set) в официальном документе по информационному обществу ЕС «Цифровая повестка дня для Европы» («Digital Agenda for Europe»), элемента Стратегии роста Европы 2020. Проект анализирует ее внедрение на основании анализа официальной статистики.

6. Основные результаты

6.1. Сравнение законодательства России, Беларуси и Казахстана

Основываясь на результатах анализа законодательной базы по развитию информационного общества в России, Беларуси и Казахстане, можно сделать следующие выводы. В Казахстане стратегия развития информационного общества отсутствует в качестве отдельного документа, как в Беларуси и России. Принимая во внимание централизацию власти и невысокий уровень развития гражданского общества в этой стране, можно допустить, что при условии наличия стратегии, позиции в рейтингах развития информационного общества в Казахстане могли бы быть выше, чем в данный момент.

В России (Стратегия развития информационного общества) и в Беларуси (Стратегия развития информационного общества до 2015 г.) стратегии были приняты, соответственно, в 2008 и 2010 гг. В них закреплены схожие цели (социально-экономическое, политическое и культурное развитие, улучшение качества жизни и т. д.) и приоритеты (современная ИКТ-инфраструктура, улучшение системы образования и здравоохранения, развитие электронной экономики, электронного правительства, информационная безопасность и т. п.). При этом только в Беларуси определен орган, ответственный за внедрение стратегии.

Во всех трех странах приняты программы развития информационного общества. Они содержат похожие цели (создание условий для ускорения процесса совершен-

¹ Digital Agenda for Europe: A Europe 2020 Initiative. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/news/scoreboard-2014-progress-report-digital-agenda-targets-2014> (дата обращения: 02.09.2014).

ствования ИКТ-сервисов для дальнейшего развития информационного общества, включая обеспечение государственных электронных услуг и т. д.) и приоритеты (современная ИКТ-инфраструктура, эффективность государственной администрации, социально-экономическое и культурное развитие, формирование национального информационного пространства, внедрение электронного правительства, преодоление цифрового разрыва и т. п.). Программы были утверждены в 2010–2011 гг. Во всех трех странах существуют органы, ответственные за реализацию программ, что повышает надежность их имплементации.

Электронное правительство и развитие ИКТ-инфраструктуры являются приоритетами соответствующих программ и стратегий в России, Беларуси и Казахстане (табл. 1). В то же время, такие важные компоненты информационного общества, как электронная идентификация и регистрация граждан, не упоминаются в программах и стратегиях этих трех стран. Однако эти компоненты присутствуют в программах и стратегиях других постсоветских стран (в частности, Молдовы, Азербайджана, Кыргызстана).

В данный момент во всех трех странах отсутствуют законы об электронной коммерции (табл. 2). Основные законы в области развития информационного общества в этих странах были утверждены в 2000-х гг. В Беларуси ключевые документы были приняты в 2008–2010 гг. В Казахстане и России законы были утверждены ранее, в 2008 г., и после 2010 г. Законы об информатизации были приняты практически в одно время в трех странах (Россия — 2006 г., Казахстан — в 2007 г., Беларусь — в 2008 г.). Законы об электронной цифровой подписи были утверждены в начале 2000-х гг., в России новый закон был принят в 2011 г. Законы о персональных данных были утверждены в различное время (2006–2013). Программы по электронному правительству в России, Беларуси и Казахстане были дополнены в 2000-х гг. Но они не были обновлены. В динамичной среде информационного общества нехватка новых актуальных законодательных документов может спровоцировать неэффективную имплементацию законов.

В России развитие электронного правительства частично регулируется государственной программой «Информационное общество» (2011–2020). Что касается стратегий информационной безопасности, ситуация в трех странах различная. В России Доктрина информационной безопасности была утверждена еще в 2000 г., в Казахстане — в 2011 г. В Беларуси таковой не существует, эта область регулируется более широкой Стратегией национальной безопасности. Следует отметить, что в других постсоветских странах (в частности, Молдове), ориентированных на ЕС и НАТО, в нормативных правовых документах и политиках используется термин «кибербезопасность», а не «информационная безопасность». Можно предположить, что термины в нормативных правовых документах зависят от политики страны.

6.2. Имплементация законодательства

Один из способов оценки эффективности имплементации законодательства основывается на сравнении позиций стран в мировых рейтингах. Индексы показывают рост большинства показателей в России и Казахстане в большей степени, чем в Беларуси. Но развитие ИКТ-инфраструктуры в Беларуси значительно превосходит Казахстан, что возможно, связано с меньшими размерами Беларуси.

Учитывая тесную связь между развитием ИКТ и экономическим развитием, сложно достичь целей, намеченных в соответствующих документах России и Беларуси. В Казахстане следует отметить позитивное влияние ИКТ-инфраструктуры на экономическое развитие. Индексы Казахстана лучше, чем соответствующие индексы России, несмотря на то, что именно высокие позиции в различных ИКТ-рейтингах являются основными приоритетами в российском законодательстве.

Таблица 1

**Приоритеты развития информационного общества
в стратегиях и программах стран Таможенного союза**

Приоритет	Страна		
	Беларусь	Казахстан	Россия
Электронное правительство	С, П	П	С, П
Электронная коммерция	П		С
Электронное образование	С, П		
Электронное здравоохранение	С, П		С
ИКТ-инфраструктура	С	П	С
Обучение персонала	П		С
Информационная безопасность	П		С

* С — компонент присутствует в стратегии; П — компонент присутствует в национальной программе.

Таблица 2

**Другие нормативные документы
в области развития информационного общества**

Приоритет	Страна		
	Беларусь	Казахстан	Россия
Коммуникации	1994	2004	2003
ИКТ	2008	2007	2006
Цифровая подпись	2009	2003	2002, 2011
Личные данные	2008	2013	2006
Электронная коммерция	—	Нет	Нет
Электронное правительство	2003–2010	2005–2007, 2008–2010	2002–2010
Информационная безопасность	Нет	2011–2016	2000

Информация по Беларуси отсутствует. Однако данные по влиянию ИКТ на экономику, имеющиеся в Индексе сетевой готовности, не соответствуют данным Индекса экономики знаний Всемирного банка, что позволяет сделать вывод, что кроме развития ИКТ, существуют другие факторы, которые влияют на формирование экономики знаний.

Кроме того, амбициозные цели, указанные в законодательстве по информационному обществу, сложно реализовать на практике. Развитие информационного общества определяется по таким параметрам, как качество законодательства, размер территории страны, имеющиеся ресурсы и наличие политической воли.

Что касается других методов оценки имплементации законодательства (внутренняя статистика, опросы общественного мнения, публикации в СМИ), то, в частности, в конце 2013 г. премьер-министр РФ Д. Медведев заявил, что государственная программа «Информационное общество» является одной из наиболее неэффективных, согласно внутреннему аудиту, государственных программ. Это отражает критику госпрограммы «Информационное общество» рос-

сийскими СМИ и официальными лицами, которые назвали ее неэффективной в части терминологии и расходов финансовых средств¹. В феврале-марте 2013 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был проведен социологический опрос по развитию электронного правительства². Экспертным центром электронного государства (Москва) было опрошено 3200 чел. по всей России. 78% респондентов являлись пользователями Интернета. Согласно опросу ВЦИОМ, среди наиболее важных пунктов граждане указали возможность онлайн-оценки государственных служащих (52% респондентов), возможность свободы действий в социально-политической сфере (включая электронные петиции — 33%) и электронные обсуждения (18%).

7. Выводы и перспективы дальнейших исследований

Анализ законодательной базы по информационному обществу Беларуси, Казахстана и России выявил сходства в подходах в этих странах к развитию информационного общества. В стратегиях, программах и законах отмечены схожие цели и терминология. Кроме того, они были внедрены в одно время.

В документах указаны практически одинаковые приоритеты. Это может способствовать кооперации и интеграции. Можно предположить, что сходные черты в законодательстве по развитию информационного общества в постсоветских странах (особенно в странах Евразийского экономического союза — России, Беларуси и Казахстане) влияют на близкие позиции в мировых рейтингах. Более того, чем сильнее политическое сотрудничество между странами, тем более схоже их законодательство в сфере информационного общества. Дальнейших исследований требует проверка гипотезы о том, что сильное политическое взаимодействие между странами влияет на схожесть механизмов имплементации законодательства в сфере информационного общества. В этом случае можно предположить, что результаты реализации законодательства будут похожи.

Следует отметить теоретические и практические аспекты возможных будущих исследований. В теоретической части следует рассмотреть институты информационного общества на Евразийском пространстве. В будущих исследованиях необходимо проанализировать экономическое сотрудничество (торговля и др.) и сравнить его со сходством в законодательстве и институтах, ответственных за развитие информационного общества. Кроме того, следует рассмотреть, насколько применима теория функционализма Дэвида Митрани в отношении постсоветских стран (согласно этой теории, политическое взаимодействие на уровне международных организаций ведет к усилению взаимодействия по конкретным вопросам, в том числе по развитию информационного общества).

Что касается практических аспектов, то здесь необходима исследовательская программа по изучению роли информационного общества в Евразийском регионе. Эта программа должна соответствовать методологии мировых рейтингов и содействовать международным организациям в проведении опросов — в частности, обновлять существующую информацию и помогать государствам лучше ориентироваться в оценке приоритетов.

¹ «Информационное общество могут закрыть — Медведев». 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://digit.ru/state/20131216/409540838.html> (дата обращения: 01.09.2014).

² Опрос общественного мнения о развитии электронного правительства и электронной демократии. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/06/Survey_EGov_EDemocracy.pdf (дата обращения: 01.09.2014).

Литература

1. Болгов Р. В. Сообщества пользователей интернет-проектов // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 55–60.
2. Abdulgalimov G. L. Progress of information society in Russia and deficit of staff potential // Life Science Journal. 2014. 11(8). P. 494–496.
3. Bershadszkaya L., Chugunov A., Dzhusupova Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance. Springer Edition. 2013. P. 87–101.
4. Bershadszkaya L., Chugunov A., Trutnev D. Monitoring methods of e-Government development assessment: comparative analysis of international and Russian experience // 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV2012). Proceedings. 2012. P. 490–491.
5. Bhuiyan S. H. Trajectories of E-government implementation for public sector service delivery in Kazakhstan // International Journal of Public Administration. 2011. 34(9). P. 604–615.
6. Bolgov R., Karachay V., Zinovieva E. Information Society Development in Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects // 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2014. Proceedings.
7. Chernova E. N. Information society and modernization in Russia // Theory & Practice of Social Development, 2013. № 12.
8. Haas E. B. The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // International Organization. 1970. 24(4). P. 607–646.
9. Lagutina M. Eurasian Economic Union Foundation: Issues of Global Regionalization // Eurasia Border Review. 2014. 5(1). P. 102.
10. Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E. The CIS, the EU and Russia. The challenges of Integration. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
11. Marushka D., Ablameyko M. E-government in Belarus: Case of integrated e-service online portal implementation // 5th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2011. Proceedings. 2011. P. 365–366.
12. Nechaev V. D., Brodovskaya E. V., Dmitrieva O. V. Russia in the World Internet Project 2012: The Main Results of Research // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. T. 15. № 11. С. 1511–1520.
13. Pardo T., Styrin E. Digital government implementation: A comparative study in USA and Russia // 16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. Vol. 5. P. 3815–3824.
14. Ramaswamy M. E-government implementation in transition countries // Handbook of Research on ICT-enabled Transformational Government: A Global Perspective. 2009. P. 441–451.

References

1. Bolgov R. V. *Community of Users of Internet-projects* [Soobshchestva pol'zovatelei internet-proektov] // *Bulletin of Moscow State Institute of International Relations* [Vestnik MGIMO-Universiteta] 2013. № 1. P. 55–60.
2. Abdulgalimov G. L. *Progress of information society in Russia and deficit of staff potential* // Life Science Journal. 2014. 11(8). P. 494–496.
3. Bershadszkaya L., Chugunov A., Dzhusupova Z. *Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation* // Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance. Springer Edition. 2013. P. 87–101.
4. Bershadszkaya L., Chugunov A., Trutnev D. *Monitoring methods of e-Government development assessment: comparative analysis of international and Russian experience* // 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV2012). Proceedings. 2012. P. 490–491.
5. Bhuiyan S. H. *Trajectories of E-government implementation for public sector service delivery in Kazakhstan* // International Journal of Public Administration. 2011. 34(9). P. 604–615.
6. Bolgov R., Karachay V., Zinovieva E. *Information Society Development in Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects* // 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2014. Proceedings.
7. Chernova E. N. *Information society and modernization in Russia* // Theory & Practice of Social Development, 2013. № 12.

8. Haas E. B. *The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing* // International Organization. 1970. 24(4). P. 607–646.
9. Lagutina M. *Eurasian Economic Union Foundation: Issues of Global Regionalization* // Eurasia Border Review. 2014. 5(1). P. 102.
10. Malfliet K., Verpoest L., Vinokurov E. *The CIS, the EU and Russia. The challenges of Integration*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
11. Marushka D., Ablameyko M. *E-government in Belarus: Case of integrated e-service online portal implementation* // 5th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2011. Proceedings. 2011. P. 365–366.
12. Nechaev V. D., Brodovskaya E. V., Dmitrieva O. V. *Russia in the World Internet Project 2012: The Main Results of Research* // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. T. 15. № 11. С. 1511–1520.
13. Pardo T., Styrin E. *Digital government implementation: A comparative study in USA and Russia* // 16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. Vol. 5. P. 3815–3824.
14. Ramaswamy M. *E-government implementation in transition countries* // Handbook of Research on ICT-enabled Transformational Government: A Global Perspective. 2009. P. 441–451.

Геополитические и экономические аспекты развития независимых государств евразийского региона в контексте евразийской интеграции (1991–2013)

Фролов Владимир Евгеньевич

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга
 Специалист организационно-протокольного управления
 Преподаватель кафедры международных процессов евразийского региона
 Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Аспирант кафедры международных отношений
 vladimir9000072@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению процесса выхода стран Евразийского региона из системного кризиса, вызванного распадом Советского Союза, в контексте развития процессов евразийской интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интеграция, евразийский регион, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, постсоветское пространство, Содружество Независимых Государств

Frolov V. E.

Geopolitical and Economic Aspects of Development of the Independent States of the Eurasian Region in the Context of the Eurasian Integration (1991–2013)

Frolov Vladimir Evgenyevich

Committee on external relations of St. Petersburg
 Specialist of Organizational and Protocol Department
 Lecturer of the Chair of International Processes of Eurasian Region of the North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Graduate student of the Chair of International Relations
 vladimir9000072@gmail.com

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the process of solution by the Eurasian countries of the systemic crisis, caused by the collapse of the Soviet Union, in the context of processes of Eurasian integration.

KEYWORDS

Integration, the Eurasian region, the Eurasian integration, the Eurasian Economic Union, the post-Soviet space, Commonwealth of Independent States

Евразийская интеграция началась в условиях глубокого системного политического и социально-экономического кризиса, в той или иной степени затронувшего все страны евразийского региона. Состояние экономики на момент распада Советского Союза говорит о низкой эффективности управления государством в течение десятилетий, предшествующих описанным событиям.

В первую очередь, следует выделить устаревание производительных мощностей, созданных в СССР в довоенные годы. Необходимость проведения реиндустриализации в 80-е гг. была проигнорирована советским руководством, что привело

к дальнейшему снижению экономических показателей. И. И. Пичурин выделяет ряд факторов низкой эффективности социалистической экономики: запрет на частную собственность, ошибки в планировании экономики и в сфере внешнеторговой деятельности, отсутствие грамотной системы оценки эффективности предприятий, большие затраты на помощь дружественным государствам в период «холодной войны» [3, с. 151–154].

Кризисное положение, в котором оказались экономическая, политическая и социальная сферы каждого из новых независимых государств, вынуждало бывшие советские республики искать пути выхода из сложившейся ситуации. Необходимость стабилизации обстановки в евразийском регионе была обусловлена высокой важностью для каждого из государств на пути их становления в качестве самостоятельных акторов международных отношений и преодоления неопределенности во внешней, и, что более важно для начального этапа, внутренней политике.

Экономика новых независимых государств, не успевая адаптироваться к новым условиям и подвергаясь давлению кризиса во всем регионе, переживала стремительный спад.

Учитывая тесную взаимосвязь политической и экономической сфер функционирования государства и региона, а также для наиболее полного отражения сложившейся ситуации, мы посчитали необходимым провести анализ процесса изменения экономики, используя пять показателей: уровень безработицы, численность населения, ВВП, ВВП на душу населения и ВНД (ППС) на душу населения за период с 1991 по 2013 г.

Проанализировав государства евразийского региона, мы, основываясь на выявленных закономерностях, выделили четыре периода развития экономики в странах региона, а также провели сравнение показателей с момента распада Советского Союза до 2013 г. Анализируемые периоды имеют четко выраженные тенденции спада (1991–1995), которые после переходного этапа (1995–1998) сменяются ростом экономики (1998–2008, 2008–2013), что подтверждается используемыми показателями (табл. 1–4).

Следует обратить внимание на различие в размерах государств евразийского региона, искажающую процентную разницу в показателях объемов ВВП, изменения численности населения, уровня безработицы и прочих данных.

Уровень безработицы в регионе вырос на 0,4%, при этом в наиболее сложном положении оказалась Армения: в 1995 г. 28,4% населения значилось безработным (рост показателя на 41,5%). Следует отметить, что на протяжении всего периода с 1991 по 2012 г. безработица в евразийском регионе оставалась на относительно среднем уровне¹ (за исключением Армении), однако при этом в каждом отдельно взятом периоде и государстве явно прослеживаются изменения. Например, Россия, несмотря на достаточно средний показатель по евразийскому региону за 1995 г. в 9,4%, продемонстрировала лучшую динамику в анализируемом периоде (сокращение безработицы на 22,3%).

Население региона увеличилось на 1,5% и составило 282,3 млн чел., при этом, по статистике, наибольший прирост населения обеспечил Узбекистан (+1,8 млн чел.). Наихудший показатель продемонстрировал Казахстан (–0,7 млн чел.), за ним следуют Россия и Украина (–0,5 млн чел.).

Как было отмечено, этот период характеризуется острой кризисной ситуацией в евразийском регионе в целом и в каждой из стран в частности. Уровень ВВП,

¹ Показатель по безработице, рассчитанный за период с 1991 по 2012 г. для 12 стран евразийского региона составляет 10,75%. Для сравнения, максимальный уровень безработицы в Македонии — 33,2%, минимальный — в Руанде — 0,6%. В Испании данный показатель составляет 16,6, в Польше — 13,2, в Финляндии — 10,1, в Италии — 9,5, в ЕС — 9,4, в США — 6,2%.

ВВП на душу населения и ВНД (ППС) на душу населения также сильно сократились (33,9, 34,7 и 41,4% соответственно), что подтверждает утверждение о глубоком экономическом кризисе в регионе. Во всех без исключения странах евразийского региона по всем трем показателям наблюдается резкий спад.

Сильнейшие потери уровня ВВП в регионе понесла Россия, в разы превосходящая по данному показателю вместе взятые рассматриваемые нами страны (сокращение уровня ВВП на 113,85 млн долл. США). Также наиболее сильно кризис ударил по Украине (–29,25 млн долл. США), Казахстану (–4,51 млн долл. США) и Беларуси (–3,84 млн долл. США), чьи показатели были наилучшими в регионе после России. Наиболее стабильным в данном отношении оказался Узбекистан: имея по итогам 1995 г. уровень ВВП, сопоставимый с Беларусью, потери этой страны составили всего 450 тыс. долл. США.

Анализ стран региона по показателям уровня ВВП на душу населения и ВНД (ППС) на душу населения за рассматриваемый период рисует несколько иную картину. Из тройки лидеров, России, Казахстана и Беларуси (к которым, впрочем, также можно добавить Украину, занимающую прочное четвертое место по обоим показателям), явно выделяется Казахстан, продемонстрировавший минимальные потери не только в рамках «тройки» («четверки») стран-лидеров, но и в рамках евразийского региона. При этом на 1995 г. Казахстан имел уровень ВВП на душу населения, сопоставимый с Беларусью, и уровень ВНД (ППС) на душу населения, превосходящий аналогичный показатель в России.

Не будем исключать, что, возможно, подобное положение явилось одной из предпосылок, побудивших именно президента Казахстана Н. Назарбаева еще в 1994 г. выдвинуть идею Евразийского союза.

Таким образом, на момент завершения первого периода из общего числа государств евразийского региона начали выделяться названные выше четыре страны с наилучшими экономическими показателями.

В сложившихся условиях не было объективной основы для развития интеграционных процессов, учитывая слабость государств, негативные социальные и экономические процессы. Это был период формирования национальных государств, которые поставили перед собой задачу создать свои государства с собственной валютой, вооруженными силами и прочими атрибутами самостоятельного государства, по этой причине интеграционные процессы воспринимались как помеха для реализации стремлений новых руководителей. Следует отметить бессмысленное с функциональной точки зрения Соглашение¹ о создании зоны свободной торговли стран СНГ, подписанное сторонами без последующего выполнения условия согласования участниками в шестимесячный срок общего Перечня изъятий из режима свободной торговли, как это было установлено п. 2 ст. 3 Соглашения.

Известно, что в этот период государства были поражены кризисом, затронувшем все сферы. Уже в 1995 г. специалисты отмечали необходимость создания экономического объединения независимых государств, поскольку СНГ не оправдывало ожиданий глав государств-участников [4, с. 175]. Оформление группы ведущих стран, по экономическим показателям превосходящих своих соседей по региону, привело к формированию интеграционного «ядра», обладающего большим потенциалом для развития экономики.

Также рассматриваемый период характеризуется повышением интереса к странам евразийского региона со стороны Европы, по всей видимости, обусловленным желанием Запада усилить свое влияние на постсоветском пространстве. Понимая

¹ О создании зоны свободной торговли: Соглашение стран СНГ от 15 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 9.

Развитие экономики в странах евра

Государство	ВВП					ВВП на	
	1991	1992	1993	1994	1995	1991	1992
Азербайджан	8,79	4,99	3,97	3,31	3,05	1,21	0,68
Армения	2,07	1,27	1,2	1,32	1,47	0,59	0,37
Беларусь	17,81	17,02	16,28	14,93	13,97	1,75	1,67
Грузия	6,34	3,69	2,7	2,51	2,69	1,31	0,76
Казахстан	24,88	24,91	23,41	21,25	20,37	1,51	1,52
Киргизия	2,57	2,32	2,03	1,68	1,66	0,58	0,51
Молдавия	3,09	2,32	2,37	1,7	1,75	0,84	0,63
Россия	509,38	460,21	435,06	395,09	395,53	3,43	3,1
Таджикистан	2,54	1,91	1,65	1,35	1,23	0,47	0,35
Туркменистан	3,2	3,2	3,18	2,56	2,48	0,85	0,82
Узбекистан	13,8	12,95	13,1	12,9	13,35	0,66	0,6
Украина	77,46	73,94	65,65	52, 55	48,21	1,49	1,42

Развитие экономики в странах евра

Государство	ВВП				ВВП на душу	
	1995	1996	1997	1998	1995	1996
Азербайджан	3,05	3,18	3,96	4,45	0,40	0,41
Армения	1,47	1,60	1,64	1,89	0,46	0,50
Беларусь	13,97	14,76	14,13	15,22	1,37	1,45
Грузия	2,69	3,09	3,51	3,61	0,57	0,67
Казахстан	20,37	21,04	22,17	22,14	1,29	1,35
Киргизия	1,66	1,83	1,77	1,65	0,36	0,39
Молдавия	1,75	1,7	1,93	1,64	0,48	0,46
Россия	395,53	391,72	404,93	270,95	2,67	2,65
Таджикистан	1,23	1,04	0,92	1,32	0,21	0,18
Туркменистан	2,48	2,38	2,45	2,61	0,59	0,56
Узбекистан	13,35	13,95	14,74	14,99	0,59	0,60
Украина	48,21	44,56	50,15	41,88	0,94	0,87

неблагоприятную сложившуюся ситуацию в регионе и экономическую слабость бывших советских республик, Европой была предложена помощь странам Содружества Независимых Государств, заключающаяся в предоставлении грантов для передачи ноу-хау, направленных на стимуляцию экономических реформ в этих странах и их скорейший выход из кризиса. Отметим, что, по нашему мнению, данная программа, называемая ТАСИС, была выгодна Европе еще и с точки зрения

Таблица 1

зийского региона, I этап (1991–1995)

душу населения			ВНД (ППС) на душу населения				
1993	1994	1995	1991	1992	1993	1994	1995
0,53	0,44	0,4	—	—	3,37	2,72	2,41
0,36	0,4	0,46	2,23	1,13	1,18	1,42	1,58
1,59	1,46	1,37	5,34	4,93	4,65	4,19	3,84
0,55	0,52	0,57	4,21	2,34	1,66	1,54	1,61
1,43	1,32	1,29	—	—	6,82	6,16	5,86
0,45	0,37	0,36	2,11	1,84	1,58	1,28	1,21
0,64	0,46	0,48	3,6	2,61	2,65	1,86	1,87
2,93	2,66	2,67	7,83	6,79	6,36	5,72	5,58
0,29	0,24	0,21	2,21	1,57	1,31	1,02	0,89
0,8	0,63	0,59	—	—	4,46	3,78	3,4
0,6	0,58	0,59	—	1,75	1,71	1,63	1,62
1,26	1,01	0,94	6,56	5,91	5,07	4,08	3,65

Таблица 2

зийского региона, II этап (1995–1998)

населения		ВНД (ППС) на душу населения			
1997	1998	1995	1996	1997	1998
0,51	0,56	2,41	2,43	2,63	2,90
0,52	0,61	1,58	1,78	1,96	2,08
1,40	1,51	3,84	4,04	4,58	5,04
0,77	0,81	1,61	1,91	2,32	2,48
1,45	1,47	5,86	6,07	6,35	6,41
0,38	0,35	1,21	1,30	1,41	1,42
0,53	0,45	1,87	1,89	1,95	1,84
2,75	1,84	5,58	5,46	5,60	5,26
0,16	0,22	0,89	0,72	0,77	0,81
0,57	0,59	3,4	3,63	3,30	3,45
0,62	0,62	1,62	1,64	1,71	1,78
0,99	0,84	3,65	3,39	3,37	3,35

восстановления покупательной способности государств, формирующих крупный рынок сбыта европейских товаров и услуг.

Данный период можно охарактеризовать как «переходный», поскольку он отмечен позитивными тенденциями в развитии экономики евразийского региона.

Уровень безработицы в 1998 г. по сравнению с 1995 г. увеличился на 14,2%, однако на общем фоне восходящего тренда рассматриваемого показателя поло-

жительные изменения произошли в Армении (26,2%, сокращение безработицы на 7,4%) и Грузии (12,4%, сокращение на 13,3%). Следует обратить внимание на тот факт, что безработица в Армении на протяжении всех лет независимого существования остается на самом высоком уровне в евразийском регионе. Это обусловлено рядом факторов, среди которых следует отметить низкий уровень развития предпринимательства, непопулярность малого бизнеса, неэффективность службы занятости, невысокие зарплаты, а также неразвитость антимонопольной и слабость внутренней конкуренции в стране¹.

Особенно сильно в этот период вырос уровень безработицы в России (на 41,5%) и на Украине (в два раза). В России безработица объясняется общей кризисной ситуацией в экономике страны в 1998 г. Сложившаяся ситуация на Украине обусловлена тем, что руководство страны в это время не проводило серьезных экономических реформ, также в этой стране начала формироваться олигархическая форма правления, которая была не сильно заинтересована в вопросах социальной ответственности бизнеса. Таким образом, государство было поражено кризисом не только в сфере экономики, но и в управленческой сфере.

Численность населения в евразийском регионе за рассматриваемый период незначительно увеличилась (0,3%), наилучшую динамику роста продемонстрировали среднеазиатские страны: Узбекистан (5,5%), Туркменистан (5%), Киргизия (4,6%), Таджикистан (4%), а также Азербайджан (2,9%).

Показатели ВВП, ВВП на душу населения и ВНД (ППС) на душу населения в регионе в целом, в отличие от предыдущего периода, преимущественно перешли в стадию роста (рост на 8,2, 8,1 и 15% соответственно). При этом особенно заметной в рассматриваемый период являлась кризисная ситуация в России: она по-прежнему испытывала резкий спад по всем анализируемым показателям, демонстрируя наихудшие результаты в регионе; сокращение уровней ВВП и ВВП на душу населения превысило предыдущий период. Отметим, что сокращение показателей экономики России явилось отражением ухудшения социально-экономического положения и объявленного дефолта в августе 1998 г. [5, с. 87].

Также сильный спад экономических показателей в анализируемый период наблюдается на Украине, однако по сравнению с предыдущими годами сокращение является не настолько активным. При этом уменьшение уровня ВНД (ППС) на душу населения сопоставимо с российским, таким образом, учитывая разницу в показателях этих стран в пользу России, можно сделать вывод об острой кризисной ситуации в Украине.

На фоне других государств региона следует выделить Казахстан и Беларусь, поскольку, во-первых, эти страны занимают лидирующие позиции по всем анализируемым показателям в евразийском регионе, и, во-вторых, в рассматриваемый период они демонстрируют уверенный рост этих показателей.

Отдельно необходимо отметить Грузию, Азербайджан и Узбекистан, как страны, которым удалось продемонстрировать относительно стабильный рост показателей, что в особенности касается уровня ВВП. При этом подчеркнем, что эти три страны объединяет ряд факторов: во-первых, они продемонстрировали относительно стабильный рост по трем анализируемым показателям². Во-вторых, все три показателя этих стран в 1998 г. были близки к среднему уровню по евразийскому региону, а в некоторых случаях были выше среднего³. В-третьих, перечисленные стра-

¹ Доклад Всемирного банка «Накопление, конкуренция и вовлеченность».

² Средний уровень для евразийского региона рассчитан без учета показателей России. Средний показатель роста ВВП за анализируемый период 0,1; роста ВВП на душу населения 0,07; роста ВНД (ППС) на душу населения 0,32.

³ Средний уровень для евразийского региона рассчитан без учета показателей России. Средний показатель ВВП за анализируемый период 10,12; ВВП на душу населения 0,73; ВНД (ППС) на душу населения 2,86.

Развитие экономики в странах евразийского региона, III этап (1998–2008)

Государство	ВВП			ВВП на душу населения			ВНД (ППС) на душу населения		
	1998	2003	2008	1998	2003	2008	1998	2003	2008
Азербайджан	4,45	7,28	48,85	0,56	0,88	5,57	2,90	4,65	12,32
Армения	1,89	2,81	11,66	0,61	0,92	3,92	2,08	3,63	7,39
Беларусь	15,22	17,83	60,76	1,51	1,82	6,38	5,04	7,39	13,77
Грузия	3,61	3,99	12,8	0,81	0,92	2,92	2,48	3,46	5,63
Казахстан	22,14	30,83	133,44	1,47	2,07	8,51	6,41	10,47	15,45
Киргизия	1,65	1,92	5,14	0,35	0,38	0,97	1,42	1,85	2,59
Молдавия	1,64	1,98	6,05	0,45	0,55	1,70	1,84	2,69	4,11
Россия	270,95	430,35	1660,85	1,84	2,98	11,70	5,26	8,97	19,85
Таджикистан	1,32	1,55	5,16	0,22	0,24	0,71	0,81	1,21	1,91
Туркменистан	2,61	5,98	19,27	0,59	1,29	3,92	3,45	4,64	8,08
Узбекистан	14,99	10,13	27,93	0,62	0,40	1,02	1,78	2,24	3,81
Украина	41,88	50,13	179,99	0,84	1,05	3,89	3,35	5,17	8,37

ны в 1999 г. отказались от продления Договора о коллективной безопасности, при этом Азербайджан и Грузия еще в 1997 г. (Узбекистан — в 1999 г.) присоединились к Консультативному форуму ГУАМ, ставшему впоследствии Организацией за демократию и экономическое развитие, ориентированной на углубление европейской интеграции.

Подчеркнем, что анализируемый этап характеризуется по-прежнему высокой степенью поражения экономик стран региона кризисом, однако наметившиеся положительные тенденции говорят о постепенном развороте ситуации к выходу из состояния упадка и стабилизации экономики.

Как отмечали исследователи, страны, ориентированные на интеграцию в рамках Содружества Независимых Государств, в этот период преследовали одновременно две цели: выйти из кризиса с наименьшими потерями и при этом сохранить суверенитет [2, с. 57]. Отметим, что ключевая роль в интеграционных процессах в рассматриваемый период была отведена России: сотрудничество с независимыми государствами в двустороннем формате способствовало смягчению общего политико-экономического стресса в странах евразийского региона и помогало в незначительной мере снизить социальную напряженность. Ряд государств, а именно Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия и Украина, получили возможность приобретать российские энергоресурсы по сниженным ценам с учетом предоставленных преференций.

Подводя итог по проанализированному этапу, мы отметили тот факт, что государства евразийского региона в большинстве своем все еще не были готовы к активному участию в интеграционных процессах, однако в регионе наметился ряд тенденций (табл. 3).

Третий этап характеризуется стабилизацией политико-экономической обстановки в евразийском регионе, о чем говорит уверенный рост всех анализируемых показателей: уровень безработицы сократился на 11,9%, прирост населения со-

Развитие экономики в странах

Государство	ВВП				ВВП на	
	2008	2010	18,987	18,987	18,987	
Азербайджан	48,85	52,91	66,6	73, 56	5,57	
Армения	11,66	9,26	9,95	10, 43	3,92	
Беларусь	60,76	55,22	63,27	71, 71	6,38	
Грузия	12,8	11,64	15,75	16, 13	2,92	
Казахстан	133,44	148,05	203,52	224,41	8,51	
Киргизия	5,14	4,79	6,47	7,23	0,97	
Молдавия	6,05	5,81	7,25	7,94	1,70	
Россия	1660,85	1524,92	2014,78	2096,78	11,70	
Таджикистан	5,16	5,64	7,63	8,51	0,71	
Туркменистан	19,27	22,15	35,16	41, 85	3,92	
Узбекистан	27,93	39,33	51,11	56,8	1,02	
Украина	179,99	136,42	176,31	177,43	3,89	

ставил 4%, ВВП увеличился в 5,6 раза (409,3%), этот же показатель в расчете на душу населения вырос в 5,1 раза (392,2%), валовый национальный доход по паритету покупательной способности на душу населения увеличился в 2,6 раза (152,1%).

За 10 лет половине стран евразийского региона удалось преодолеть тенденции прошлых лет и сократить уровень безработицы. Наибольших успехов добились Россия (сокращение показателя по сравнению с 1998 г. на 53,4%), Казахстан (49,6%) и Украина (43,4%).

В среднеазиатских странах региона, за исключением Киргизии (сокращение на 15,5%), продолжился рост безработицы. Сложнее всего положение с трудоустройством в 2008 г. обстояло в Грузии (рост на 33,1%): нетрудоустроенными числились 16,5% трудоспособного населения страны. Это объясняется, во-первых, общей неразвитостью рынка труда в этих странах и традиционно высоким уровнем безработицы, и, во-вторых, как следствие, активной трудовой миграцией в соседние государства региона, в том числе в Россию. Ситуацию с безработицей в Грузии можно также объяснить эскалацией грузино-абхазского и грузино-южноосетинского кризиса в августе 2008 г.

Демографические процессы в регионе разделились по географическому признаку: на юге государства евразийского региона традиционно испытывали прирост населения, в то время как в России, на западе и юго-западе региона происходило сокращение населения.

Во всех странах региона наблюдается рост экономических показателей, замедленный всемирным финансово-экономическим кризисом 2008 г. Наиболее заметных результатов добились Россия, Казахстан, Беларусь, Украина и Азербайджан.

Отметим, что экономический расцвет экономики Азербайджана объясняется крупными капиталовложениями в отрасль нефтедобычи, имевшими место в первой половине 2000-х гг.

Положительные тенденции в экономиках государств евразийского региона в анализируемый период объясняются также диверсификацией их внешнеэкономических

Таблица 4

евразийского региона, IV этап (2008–2013)

душу населения			ВНД (ППС) на душу населения			
2010	2012	2013	2008	2010	2012	2013
5,84	7,17	7,81	12,32	14,62	14,9	16,2
3,12	3,35	3,5	7,39	6,62	7,9	8,1
5,82	6,69	7,58	13,77	15,08	16,8	16,9
2,61	3,51	3,6	5,63	5,73	6,8	7
9,07	12,12	13,17	15,45	16,71	18,9	20,6
0,88	1,15	1,26	2,59	2,54	2,9	3,1
1,63	2,04	2,23	4,11	4,17	4,7	5,2
10,71	14,04	14,61	19,85	19,89	22,7	23,2
0,74	0,95	1,04	1,91	2,04	2,3	2,5
4,39	6,80	7,99	8,08	9,00	11	12,9
1,38	1,72	1,88	3,81	4,23	4,9	5,3
2,97	3,87	3,9	8,37	7,59	8,7	9

связей. Если предыдущие периоды преимущественно отмечались двусторонней торговлей внутри региона, то в рассматриваемый период наблюдается активизация торговли с государствами вне рамок евразийского региона как в западном направлении — странами Европейского союза и США, так и в восточном — в первую очередь, с Китаем¹.

Выход на мировые рынки говорит о достаточной степени интеграционной готовности государств региона, которая является отражением уровня их экономического развития. На данном этапе государства перешли на следующий уровень.

Этап, последовавший за началом финансового кризиса, переросшего затем в мировой экономической кризис, несмотря на существенные негативные последствия в социально-экономической и политической сферах, характеризуется позитивными тенденциями по всем используемым показателям. Так, уровень безработицы в евразийском регионе (данные за период 2008–2012 гг.) сократился на 3%, численность населения увеличилась на 4,5%, показатель ВВП вырос на 44,5%, при этом показатели ВВП на душу населения и ВНД (ППС) на душу населения также продемонстрировали уверенный рост: 37,2 и 28,9% соответственно. Безусловно, учитывая большое количество государств евразийского региона и различные политико-экономические ситуации в каждой из них, данная статистика не может служить для объективной оценки сложившейся действительности. Тем не менее, следует принять во внимание полученные результаты и проанализировать экономическое состояние евразийского региона более подробно.

Большинство государств региона продемонстрировало сокращение уровня безработицы, при этом наиболее впечатляющих результатов добились Армения (35,3%), Казахстан (19,7%), Азербайджан (11,5%), Россия (11,3%) и Грузия (9,1%). Наихудшими показателями отличилась Молдавия, где рост безработицы составил

¹ Международный статистический комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.org/index.html>

40%, а также Украина — 20,3%. Отметим, что, фактически, увеличение количества нетрудоустроенных граждан в этих странах увеличилось с 4 до 5,6% и с 6,4 до 7,7% соответственно. Однако при этом показатели Армении действительно имеют под собой яркую положительную динамику: под сокращением числа безработных на 35,3% скрывается изменение с 28,6% в 2008 г. до 18,5% в 2012 г., что, помимо всего прочего, является лучшим показателем для Армении за весь период с 1991 г.

Южные республики евразийского региона, за исключением Армении (-0,3%), продемонстрировали традиционную для них положительную динамику по численности населения.

Почти все государства, за исключением Украины (-1,4%) и Армении (-10,5% по обоим показателям), продемонстрировали положительную динамику ВВП и ВВП на душу населения. По показателю ВНД (ППС) на душу населения все государства показали уверенный рост.

Нам представилась интересной особенностью результатов Армении: при отрицательном значении изменения первых двух показателей по третьему (ВНД (ППС) на душу населения) Армения заняла четвертое место в регионе по росту (29,6%), более того, фактическое изменение показателя (1860 долл. США) является средним значением для всего региона в анализируемый период. Данный факт, а также значительное сокращение безработицы в этой стране может говорить об интенсивной работе властей Армении для преодоления кризисной ситуации и стабилизации экономики. Необходимо учитывать и то, что государство развивается в сложнейших условиях, будучи заблокированным с востока и запада недружественными государствами.

Также, принимая во внимание тот факт, что показатель ВНД (ППС) на душу населения учитывает доходы, полученные резидентами страны, находящимися, в том числе, и за пределами страны, мы пришли к следующему выводу. Рост показателя ВНД (ППС) на душу населения Армении с одновременным сокращением показателей ВВП и ВВП на душу населения можно объяснить помощью крупных армянских общин, проживающих за пределами Армении, а также активной трудовой миграцией граждан в другие страны евразийского региона.

Что касается Украины, подобная тенденция была отмечена нами выше в данной работе на II этапе. Кризисная ситуация вызвана управленческим кризисом внутри государства и обусловлена некомпетентностью политических элит.

Напряженная экономическая обстановка наблюдается в Таджикистане, экономические проблемы которого подчеркивает, в том числе, и ряд исследователей [1, с. 43].

Отмена таможенного контроля на границах Беларуси, Казахстана и России в 2011 г., создание Евразийской экономической комиссии, Единого экономического пространства в 2012 г. дали импульс экономическому развитию трех перечисленных государств. Следует еще раз отметить, что Беларусь, Казахстан и Россия являются государствами с наивысшими экономическими показателями в евразийском регионе.

Таким образом, проведенное исследование дает нам представление об уровне развития экономики государств евразийского региона, что позволяет делать определенные выводы об их интеграционных возможностях в рамках евразийской экономической интеграции, а также об экономической целесообразности их участия для интеграционного объединения.

Отметим также, что политический кризис на Украине, вызвавший широкий общественный резонанс, а также обусловивший ряд негативных изменений в международных отношениях, включая, помимо боевых действий на востоке страны, в том числе, секторальные санкции западных стран против России, а также ответные

меры нашей страны, наложит свой отпечаток на экономические показатели в 2015 г. При этом изменения коснутся не только непосредственных участников, Украины и России, но и ряда других государств.

Среди стран евразийского региона также следует отдельно отметить Азербайджан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Эти государства отличаются положительной динамикой демографического показателя вне зависимости от политико-экономической ситуации в странах и в регионе в целом: за весь период с 1991 по 2013 г. население упомянутых стран неуклонно увеличивалось, даже в период системного кризиса и всеобщего экономического спада 1991–1995 гг. Это обусловлено традиционными для этих стран многодетными семьями. Население перечисленных пяти стран составляет $\frac{1}{5}$ всего населения евразийского региона, на сегодняшний день это 53,5 млн чел., при этом происходит ежегодный стабильный прирост.

Подчеркнем, что рост численности населения при сохранении среднего уровня безработицы (в Таджикистане и Узбекистане уровень безработицы превышает 11%) в небогатых странах юга евразийского региона несет угрозу внутренней безопасности. В условиях невысокой занятости, низких заработных плат и общих тенденций трудовой миграции граждане подвержены риску быть вовлеченными в незаконную деятельность организованных преступных группировок. Помимо преступной деятельности в рамках одной страны существует опасность, во-первых, распространения этнической преступности в соседние, более благополучные с точки зрения уровня жизни государства, например, Россию. Во-вторых, серьезную угрозу безопасности в регионе несет незаконное распространение наркотических средств, которое в условиях безработицы является крайне рискованным, но прибыльным бизнесом. Отметим, что безработица в настоящее время находится на достаточно высоком уровне в Армении (18,5%), Грузии (15%) и Туркменистане (11,3%), на что также следует обратить внимание.

В связи с этим становится особенно актуальным усиление мер безопасности, поскольку при вступлении новых государств в Евразийский экономический союз на границах с этими государствами будет отменен таможенный контроль. Это заставляет в очередной раз задуматься об экономической целесообразности принятия в Евразийский экономический союз таких государств, как Таджикистан и Киргизия, поскольку, помимо затрат на модернизацию и стабилизацию их экономик, потребуются серьезные ресурсы на усиление внешнего пограничного и таможенного контроля. При этом для Киргизии и Таджикистана вступление в Евразийский экономический союз является наилучшим выходом для укрепления внутренней стабильности.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Перспективы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве / С. Ю. Глазьев, В. А. Вашанов // Современные производительные силы. 2014. № 1. С. 38–50.
2. Иванов В. Н. Интеграция в СНГ: тенденции и проблемы / В. Н. Иванов, В. И. Михалюк // Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, центр социологии межнац. отношений. М., 1996. № 3. С. 56–58.
3. Пичурин И. И. Причины кризиса социалистической экономики СССР в 1989–1991 годах / И. И. Пичурин // Экономика региона. 2012. № 1. С. 150–160.
4. Празаускас А. А. Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация / А. А. Празаускас // Вестник Евразии. 1995. № 1. 173–178.
5. Чистый М. Б. Финансовый кризис 1998 года и его отражение в программах политических партий России / М. Б. Чистый // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 86–92.

References

1. Glazyev S. Yu. *Prospects of development of integration processes in the former Soviet Union* [Perspektivy razvitiya integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve] / S. Yu. Glazyev, V. A. Vashanov // *Modern productive forces* [Sovremennye proizvoditel'nye sily]. N 1. 2014. P. 38–50.
2. Ivanov V. N. *Integration into the CIS: tendencies and problems* [Integratsiya v SNG: tendentsii i problem] / V. N. Ivanov, V. I. Mikhalyuk // Institute of the Social and Political Researches RAS, Center of sociology international relations [In-t sots.-polit. issled. RAN, tsentr sotsiologii mezhnats. otnoshenii]. M. N 3.1996. P. 56–58.
3. Pichurin I.I. *The reasons of crisis of socialist economy of the USSR in 1989-1991* [Prichiny krizisa sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR v 1989–1991 godakh] / I. I. Pichurin // *Economy of Region* [Ekonomika regiona]. 2012. N 1. P. 150–160.
4. Prazauskas A.A. *Eurasian space: integration potential and its realization* [Evraziiskoe prostranstvo: integratsionnyi potentsial i ego realizatsiya] / A. A. Prazauskas // *Bulletin of Eurasia* [Vestnik Evrazii]. N 1. 1995. 173–178.
5. Chistiy M. B. *Financial crisis of 1998 and its reflection in programs of political parties of Russia* [Finansovyi krizis 1998 goda i ego otrazhenie v programmakh politicheskikh partii Rossii] / M. B. Chistiy // *News of Irkutsk State University* [Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta]. Series: Political science. Religious studies. N 1. 2013. P. 86–92.

Захарова Н. В., Лабудин А. В.

Формирование инновационных кластеров в Италии: Тосканский регион

Захарова Наталья Васильевна

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва)
 Профессор кафедры «Мировая экономика»
 Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)
 Профессор кафедры «Мировая экономика и международный бизнес»
 Доктор экономических наук
 Nat_zakh@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры финансового менеджмента
 Доктор экономических наук, профессор
 Labudin59@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется феномен кластеров, их роль в развитии инновационной экономики. Определены факторы и основные тенденции их развития. Проанализированы основные особенности кластерной политики в Италии. На примере высокотехнологичных кластеров в Тосканском регионе выявлена связь инновационных кластеров и университетского образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

кластер, инновационная экономика, высокотехнологичный сектор, университеты, Италия, Тоскана, венчурное финансирование

Zakharova N. V., Labudin A. V.

Formation of the Innovative Clusters in Italy: Toscana Region

Zakharova Natalya Vasilievna

Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation)
 Professor of the Chair "World Economy"
 Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
 Professor of the Chair "World Economy and International Business"
 Doctor of Science (Economy)
 Nat_zakh@mail.ru

Labudin Alexander Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of the Financial Management
 Doctor of Science (Economy), Professor
 Labudin59@szags.ru

ABSTRACT

In the article the phenomenon of the clusters, their role in the formation of the innovative economy is defined. The main factors & main tendencies of the development are determined. The main peculiarities of the cluster policy in Toscana are analysed. On the example of the high-technology clusters the connection between innovative clusters & university education is defined.

KEYWORDS

cluster, innovative economy, high-technology sector, universities, Italy, Toscana, venture financing

Понятие «кластер» по отношению к отраслям и компаниям было введено в научный оборот американским экономистом М. Портером в 1990 г. вместе с его концепцией ромба национальных конкурентных преимуществ [7]. После публикации двух новаторских книг по межфирменной и внутриотраслевой конкуренции [5; 6] М. Портер стал считаться ведущим экспертом по вопросам конкурентоспособности и кластерной политики.

Термин «кластер» (который можно перевести с английского языка как: 1) кисть, гроздь; 2) скопление, концентрация; 3) группа) имел устоявшееся значение и успешно применялся ранее в естественных науках. Вероятно, впервые термин «кластер» вошел в научный оборот в математике, когда в конце 1930-х гг. был сформулирован аппарат кластерного анализа многомерных данных. Необходимо отметить, что термин «кластер» использовался советскими и российскими географами А. П. Горкиным и Л. В. Смирнягиным и шведскими экономистами К. Фредрикссоном и Л. Линдмарком для обозначения скоплений предприятий в пространстве еще в 1970-х гг. [1; 9].

На наш взгляд, кластер — это группа географически локализованных взаимосвязанных компаний, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и всей структуры в целом. Слово «кластер» со временем стало весьма выгодно как маркетинговое средство для привлечения внимания к концепции. Кластерная политика стала столь популярной еще и потому, что правительства многих стран разочаровались в 1970–1980-х гг. в других формах государственной политики.

Однако с точки зрения теории очевидно, что термин «кластер» утрачивает реальный смысл, все больше превращаясь в символ, который многие региональные правительства используют для привлечения иностранных инвестиций, изменения имиджа региона и других целей. Ведь, исходя из основных положений концепции Портера, если в регионе есть кластер, то регион обязательно является конкурентоспособным, что не всегда верно в действительности. Так, например, в Португалии в 1994 г. группой М. Портера были выделены 33 кластера, однако по прошествии нескольких лет стало ясно, что часть выделенных структур или изначально были неконкурентоспособными, или вовсе являлись простым скоплением несвязанных фирм [8].

Становление в 1970–1980 гг. «постфордизма» сопровождалось дезинтеграцией крупных вертикально-интегрированных заводов, активизацией процесса «spin-off» — «отпочкования» малых и средних предприятий от более крупных фирм, которые могли более успешно специализироваться на определенных стадиях производственного процесса и быть более «гибкими» в отличие от крупных предприятий. Как следствие, в экономике развитых стран наблюдалось сокращение персонала в крупных компаниях и неуклонное повышение роли малого и среднего бизнеса как работодателя. Таким образом, проблема повышения конкурентоспособности напрямую зависела от обеспечения благоприятных условий развития для малых и средних предприятий.

Важно, что М. Портер не просто предложил новый термин для определения форм организации производства. Кластеры им стали трактоваться как новые объекты проведения государственной политики по повышению национальной конкурентоспособности. Это, в свою очередь, способствовало быстрой популяризации этого термина в широких кругах. В настоящее время в связи с формированием теории инновационной экономики и теории национальных инновационных систем особую роль начинает играть концепция инновационных кластеров, роль инновационных кластеров в формировании инновационной экономики.

Инновационные кластеры, в отличие от кластеров как таковых, сосредоточены в высокотехнологичных отраслях и имеют большой потенциал в плане формиро-

вания новой, высокотехнологической структуры экономики, а также ее инновационного потенциала. Особую роль в формировании инновационных кластеров может играть высшее образование, в частности, наличие университетов в определенном регионе, их связь с развитием предпринимательства. Особенно интересным в данном случае представляется история, предпосылки и факторы развития кластера высокотехнологической продукции в г. Пиза (Тоскана, Италия).

Функционирование этого кластера в значительной степени изменило экономику города и близлежащих территорий. Начиная с 1960-х гг. Пиза была долгое время типичным итальянским промышленным городом среднего уровня развития. Сектор услуг стал развиваться несколько позже. В 1980-е гг. его рост ускорился. Новые виды деятельности в большей или меньшей степени интегрировались со старыми, изменяя структуру производства, и становились новым элементом местной экономики.

Традиционной производственной специализацией для провинции Пиза являются кожевенная и обувная промышленности (в Santa Croce и в близлежащих городах), промышленность по производству мотоциклов (компания Piaggio в Pontedera), а также производство в сфере изделий из дерева и мебельное, которые прошли через серьезные кризисы и череду глубоких перемен. Еще одним важным ресурсом для местной экономики является туризм. Одним из высокотехнологичных производств в течение нескольких десятилетий является фармацевтическая отрасль. Все это вполне характерно для среднего итальянского города.

Не совсем типично присутствие трех крупных университетов (Университет Пизы, «Высшая школа», «Высшая школа Сант-Анна» (Scuola Sant'Anna)) и ряда других государственных научно-исследовательских центров (CNR, INFN, INFM), а также еще ряда учреждений — посредников в области передачи технологий (Consorzio Pisa Ricerche, Consorzio Qualital, Polo Tecnologico di Navacchio, Pont-Tech). Около 50 тыс. студентов обучаются в Университете Пизы, а 3,8 тыс. чел. непосредственно работают в местной университетской системе. Примерно столько же работают по совместительству (контрактная основа) [2].

Многочисленные высокотехнологичные фирмы начинают свою работу или перемещаются в Пизу из-за тесных связей с местными университетами. Тут можно отметить информационно-коммуникационные технологии, электронику, станкостроение и фармацевтику. Город является родиной информационных технологий в Италии. В 1955 г. группа исследователей создала первый итальянский компьютер, названный CEP (Пизанский электронный калькулятор). Полностью сделанный в Италии, в то время он был одним из самых современных в мире. После этого проектом развитием ИТ-сектора в городе дополнительно заинтересовались власти. Для этого в национальном университете были открыты первые школы компьютерной науки. Отчасти поэтому еще в 60–70-е гг. XX в. ряд весьма известных компаний, таких, как Olivetti, IBM и некоторые другие, менее значимые, проявили интерес к этому региону. По мнению экспертов, это объяснялось интересом к местным научным кадрам и их потенциалу.

Создание на основе этих инвестиций небольших высокотехнологичных компаний стало важным явлением, но не оказало серьезного влияния на структуру экономики региона [4]. Несколько позже, в 80-е гг. XX в., внимание к развитию новых производств в городе Пиза значительно возросло, несмотря на то, что региональные власти не разработали общей концепции. Вместе с тем в эти годы развивалась диверсификация научно-исследовательского потенциала, рост новых предприятий ускорился. Стали формироваться предпосылки для «кластеризации» экономики, между различными компаниями стали возникать тесные связи.

Однако именно после 1995 г. и вплоть до настоящего времени в экономике региона стали происходить действительно ощутимые перемены, те перемены, ко-

торые ведут к изменению хозяйственной структуры региона¹. Именно на этой фазе район Пизы был широко признан в качестве важного высокотехнологического кластера. Осознание важности развития, основанного на знаниях, возрастает на региональном и местном административных уровнях. Развиваются высокотехнологические сектора: медико-фармацевтический, электроника, микроэлектроника и телекоммуникации. Статистические данные показывают быстрое увеличение как количества, так и оборота высокотехнологических предприятий, несмотря на кризисные явления в отдельные годы.

В конце 1980-х гг. «Высшая школа Сант-Анна» диверсифицировала свою исследовательскую деятельность, что привело в результате к созданию 16 дочерних фирм, возглавляемых профессорами и/или исследователями (spin-offs). Последующая кластеризация этих фирм происходила значительно быстрее, так как их руководители, как правило, были уже хорошо знакомы. Таким образом, фактор личных контактов был весьма значимым. Районные и местные городские власти также способствовали учреждению новых компаний, например, Pont-Tech, для того чтобы стимулировать развитие венчурных технологий в этой области страны. Такой технологический инкубатор, финансируемый местными органами власти, а также ЕС, был создан на территории бывшей фабрики в городе Наваккьо (Navacchio).

Пизанский научно-исследовательский консорциум стремится оказывать поддержку проектам по повышению качества управленческой практики в области передачи технологий существующим компаниям (например, Qualital, созданный в 1988 г.). По данным на конец 2010 г. район Пизы характеризовался наличием 269 высокотехнологических компаний (в 2001 г. их было 209) с оборотом 1,7 млрд евро и занятостью примерно 7400 чел., в основном высококвалифицированного персонала [10]. Так называемое «ИТ-распределение» и фармацевтический сектор являются самыми крупными с точки зрения оборота, на их долю приходится соответственно 55 и 21% от общего объема доходов. Кроме того, в рамках высокотехнологического сектора можно наблюдать дуализм между малыми фирмами и крупными компаниями. На предприятиях информационных технологий доминируют фирмы, которые используют в среднем 12 чел. в компании, в то время как на предприятиях фармацевтического сектора в среднем работают 208 чел.

Уровень занятости в «новых секторах» также интенсивно возростал, в течение периода 1998–2011 — на 92% [Ibid.]. Наиболее быстрыми темпами занятость росла в микроэлектронике: только за период 1998–2011 гг. среднегодовые темпы прироста занятости в микроэлектронике составили 76,3% [Ibid.].

Помимо количественных аспектов в рамках высокотехнологической промышленности в районе Пизы также происходила финансовая и управленческая реструктуризация. Стоит отметить три основных изменения: (1) слияния и приобретения местных компаний международными корпорациями; (2) укрепление связей с национальными компаниями; (3) рост числа местных промышленных групп. С этой точки зрения фармацевтический сектор являлся наиболее динамичным. Пять из семи компаний, базирующихся в провинции, получили доступ к иностранному капиталу и сменили своих владельцев. В 1997 г. Gentili Institute, одна из старейших фармацевтических компаний в Пизе (создана в 1917 г.), стала частью группы Merck Sharp & Dohme Group. В том же году американская компания Baxter приобрела австрийскую Immuno, а финансовая группа 3i из Великобритании приняла участие

¹ Итальянские исследователи данного кластера А. Минин, М. Лаццерони, А. Пиккалуга называют эту фазу «кластеризация и перезапуск» (Di Minin A., Lazzeroni M., Piccaluga A. Economic Growth in emerging knowledge-intensive areas: the high-tech cluster in Pisa // Regional Development in the knowledge economy / by Cooke P., Piccaluga A. London & New York : Routledge. 2006. P. 188).

в приобретении контрольного пакета акций компании Farmigea в 2001 г. Наконец, в Пизу инвестировали две иностранные компании: испанская Grifols (1994) и американская Abiogen Pharma (1997).

Но не только в сфере фармацевтики, но и в других отраслях промышленности иностранные группы в Пизе проводили активную инвестиционную деятельность. В аэрокосмической сфере была основана компания Alema Marcom System, которая появилась в результате создания совместного предприятия британской фирмой British Aerospace и итальянской Italian Investments. Они вместе инвестировали в создание исследовательского центра. Что касается механики и электроники, то есть пример совместной работы японской компании Mitsuba и немецкой Siemens, которые также инвестировали в Пизу. В ИТ-секторе компания Engisanita (ранее часть Olivetti group) была создана как совместное предприятие французской группы GFI Infonnatique и итальянской Ingegneria Infornatica. В 1997 г. ISL (местная ИТ-компания) была приобретена французской группой Altran.

Итальянские корпорации также инвестировали в этот район. Это происходило либо путем приобретения местных компаний (таких, как Espresso Group, приобретенная компанией Ksolutions, специализирующейся в области ИТ, или Laboratori Guidotti, ставшая частью Menarini Group в сфере фармацевтики). Также в районе Пизы были созданы филиалы компании Netikos, которая является частью Telecom Italia. Как следствие, 27,2% из ИТ-компаний и 57% из фармацевтических в настоящее время являются частью более крупных бизнес-групп [10].

Еще одна особенность кластера в Пизе — очень большая доля исследований и разработок (ИиР), проводимых компаниями совместно с университетами, что более чем в два раза превышает долю совместных с другими предприятиями ИиР [3]. Несмотря на небольшую численность населения, в регионе насчитывается более чем 4% от общего числа итальянских исследователей и издается более чем 5% от общего числа научно-технических изданий. Пиза также обладает приблизительно 5% от всех американских патентов, когда-либо выданных итальянским организациям. Здесь насчитываются более 8% от общего числа исследовательских фирм всей Италии [Ibid.]. Также Пиза участвует более чем в 6% научно-исследовательских проектов в рамках Евросоюза, с итальянскими организациями в качестве координатора.

Значительное распространение государственной научно-исследовательской деятельности приводит к формированию относительно большого местного рынка квалифицированной рабочей силы. Это один из самых важных элементов, на который указывают местные предприниматели. Очевидно, что государственные лаборатории являются важными научно-исследовательскими партнерами для крупнейших компаний. Такие компании, как Marconi, Ericsson, Telecom и Austria-microsystem International в секторе микроэлектронной промышленности, Komo Machine Inc в механике и электронике, а также Ital TBS в биомедицине основали научно-исследовательские учреждения в городе, пользуясь соседством с местными университетами.

Итак, процессы кластеризации в Пизе и ее окрестностях, создание новых высокотехнологичных отраслей проходили вполне успешно. Вместе с тем этот кластер в значительной степени отличается от других высокотехнологичных кластеров. Самыми важными предпосылками в Пизе были:

- наличие высококласных университетов мирового уровня, а также известных исследователей, чьи труды получили признание;
- на наш взгляд, в отличие от ситуации в других регионах, можно отметить большую «готовность» Пизы к технологическому рывку (традиции фармацевтической промышленности, кроме того, как уже было отмечено, первый компьютер в Италии был построен именно в этом городе).

В целом, кластерные концепции в Пизе характеризовались следующими чертами:

- акцент на связи: предприятия — университеты. В отличие от некоторых других кластеров, тут большая часть ИиР была выполнена в сотрудничестве с местными университетами;
- кластер в Пизе можно обозначить как вид политики «снизу вверх», т. е. во многом он формировался стихийно;
- новые высокотехнологичные предприятия часто создавались людьми, работавшими ранее в более крупных компаниях (spin-offs). Эти же люди часто ранее вместе учились в университетах, что облегчало дальнейшее сотрудничество предприятий и их последующую кластеризацию (личные связи).

Благодаря реализации кластерной политики рассматриваемый нами регион получил стимул для дальнейшего инновационного развития. В частности:

- в экономике гораздо большую роль, чем раньше, играют новые высокотехнологичные отрасли, их доля в ВРП значительно возросла;
- вследствие роста новых предприятий и увеличения потребности в квалифицированной рабочей силе возрос уровень квалификации и образования населения. Здесь следует отметить, что Пиза — действительно университетский город: количество студентов на 1 тыс. чел. населения — 122,4, в то время как по Италии в целом — 30,2, во Флоренции — 62,9, в Сиене — 76,6, по Тоскане в целом — 35,8 [3];
- вследствие высокой грамотности и высокой квалификации населения ситуация с занятостью в этом регионе несколько лучше, чем по Италии в целом. В общем, можно отметить, что в определенной степени «кластеризация» экономики Пизы способствует социально-экономической устойчивости региона.

Среди недостатков кластера в регионе можно отметить следующие:

- слабую государственную политику в отношении этого объекта. Большая часть шагов по дальнейшему развитию была реализована стихийно;
- процесс установления деловых контактов в рамках кластеров высокотехнологичных фирм также должен протекать более интенсивно. В частности, недостатком является отсутствие согласованной стратегии по содействию развитию ИиР в данном секторе. Промышленные объединения являются более или менее активными, но, по сути, ни одно из них не играет стратегической, руководящей роли. В сущности, экспертами уже не раз высказывалось мнение, что весь потенциал высокотехнологических объединений, уже присутствующих в Пизе, не в полной мере понимается и эксплуатируется;
- рост числа компаний порой ограничивается отсутствием венчурного капитала. Как показало исследование, большинство высокотехнологичных компаний в Пизе были созданы на основе личного капитала. Отмечается недостаточное количество финансовых инструментов, которые могли бы помочь компаниям на начальной стадии их развития. Ощущается нехватка организаций, специализирующихся на оказании поддержки новым предприятиям. Большое число фирм без соответствующей поддержки внешнего капитала никогда не выходят из начальной стадии развития. Кроме того, активные действия венчурных организаций приводят к установлению важных деловых контактов между фирмами. Такие деловые связи могут быть крайне полезны для поддержания конкурентоспособности на местном уровне.

Вместе с тем кластер в Пизе в целом развивается вполне успешно. Вопрос, насколько опыт этого кластера применим к другим странам и территориям, неоднозначен. Данный опыт был реализован в конкретном контексте среднего промышленного города области Тоскана с хорошими университетскими традициями и с высокой туристической привлекательностью (рядом — Флоренция, к тому же во всей Тоскане хорошие возможности для так называемого «агритуризма»). Все

вышеперечисленное является дополнительными «точками опоры» для реализации хозяйственной деятельности в регионе. Многие мероприятия, стимулирующие развитие этого кластера, могут быть применимы и в других странах, однако лишь при условии учета местной экономической, социальной и культурной идентичности.

Опыт европейских стран, в частности, Италии, в настоящее время привлек внимание и российских властей, которые поставили своей стратегической целью развитие кластерной политики с упором на разработку и внедрение инноваций. Инновации в настоящее время являются тем направлением, которое ставится властями РФ на одно из первых мест по актуальности не только на региональном уровне, но и на федеральном. Для России вопрос кластерной политики приобретает стратегический характер, так как он дает реальную возможность поменять ярко выраженную сырьевую направленность отраслей хозяйства на более высоко-технологичную, увеличить долю обрабатывающих отраслей.

Все это становится еще более актуальным в связи с развернувшимся в настоящее время мировым финансовым кризисом, так как потребление энергоносителей падает в связи с уменьшением объема производства во многих странах, и, как следствие, снижаются цены на них, что ставит Россию в уязвимое положение. Поэтому сейчас особенно необходимо задуматься о структурной перестройке экономики и о важности развития инновационных отраслей.

Безусловно, опыт итальянских кластеров является очень полезным для России, однако слепое копирование этого опыта вряд ли целесообразно. Российские условия ставят необходимость разработки своей собственной модели, которая бы учитывала все национальные особенности как экономического, так и социального, а также культурного характера.

Литература

1. Пилипенко И. В. Кластерная политика в России // Общество и экономика. 2007. № 8. С. 28–64.
2. Di Minin A., Lazzeroni M., Piccaluga A. Economic Growth in emerging knowledge-intensive areas: the high-tech cluster in Pisa // Regional Development in the knowledge economy / by Cooke P., Piccaluga A. London & New York : Routledge. 2006. P. 187.
3. Emmott B. Good Italy, bad Italy: Why Italy must conquer its demons to face the future. Yale: Yale University Press, 2013. P. 184.
4. Gambardella A. Perché alcune delle 'nuove' Silicon Valley sono nate in paesi emergenti? I risultati di una ricerca internazionale // Cesaroni P. e Piccaluga A. (a cura di), Distretti industriali e distretti tecnologici. Modelli possibili per il Mezzogiorno : Milano: Franco Angeli, 2003. P. 33–46.
5. Porter M. E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. N. Y. : Free Press, 1980, First Free Press Export Edition 2004.
6. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. N. Y. : Free Press, 1985, First Free Press Export Edition 2004.
7. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N. Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998.
8. Promoting innovation in Clusters / A. Rao, M. Gulati, T. Sarkar. Create Space SPP, 2013. P. 10–15.
9. Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment. Progress in Research and Applications. Vol. 1. Industrial systems / ed. by F. E. I. Hamilton and Linge G. J. R. Chichester, N.Y., Brisbane, Toronto : Wiley, 1979.
10. Tonido G. The Oxford Handbook of the Italian Economy since Unification. Oxford : Oxford University Press. 2013. P. 510–515.

References

1. Pilipenko I. V. *Cluster policy in Russian Federation* [Klasternaya politika v Rossii] // Society and Economy [Obshchestvo i ekonomika]. 2007. №8. P. 28–64.

2. Di Minin A., Lazzeroni M., Piccaluga A. *Economic Growth in emerging knowledge-intensive areas: the high-tech cluster in Pisa* // Regional Development in the knowledge economy / by Cooke P., Piccaluga A. London & New York : Routledge. 2006. P. 187.
3. Emmott B. *Good Italy, bad Italy: Why Italy must conquer its demons to face the future*. Yale: Yale University Press, 2013. P. 184.
4. Gambardella A. *Perche alcune delle 'nuove' Silicon Valley sono nate in paesi emergenti? I risultati di una ricerca internazionale* // Cesaroni P. e Piccaluga A. (a cura di), Distretti industriali e distretti tecnologici. Modelli possibili per il Mezzogiorno : Milano: Franco Angeli, 2003. P. 33–46.
5. Porter M. E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. N. Y. : Free Press, 1980, First Free Press Export Edition 2004.
6. Porter M. E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. N. Y. : Free Press, 1985, First Free Press Export Edition 2004.
7. Porter M. E. *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*. N. Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998.
8. *Promoting innovation in Clusters* / A. Rao, M. Gulati, T. Sarkar. Create Space SPP, 2013. P. 10–15.
9. *Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment*. Progress in Research and Applications. Vol. 1. Industrial systems / ed. by F. E. I. Hamilton and Linge G. J. R. Chichester, N.Y., Brisbane, Toronto : Wiley, 1979.
10. Tonido G. *The Oxford Handbook of the Italian Economy since Unification*. Oxford : Oxford University Press. 2013. P. 510–515.

Чентуков Ю. И., Булатова Е. В.

Многосторонняя торговая система: проблемы гармонизации механизма многостороннего и регионального регулирования торгово-экономических отношений

Чентуков Юрий Ильич

Мариупольский государственный университет (Украина)
Первый проректор
Доктор экономических наук, профессор
mdu@mariupol.net

Булатова Елена Валерьевна

Мариупольский государственный университет (Украина)
Проректор по научной работе, заведующий кафедрой международной экономики
Доктор экономических наук, профессор
olena_bulatova@yahoo.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируются вопросы развития глобальной и региональной экономической интеграции в современных условиях. Авторы выделили и характеризуют основные составляющие транспарентного механизма развития региональных торговых соглашений в рамках многосторонней торговой системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальная интеграция, региональная интеграция, регионализация, региональные торговые соглашения

Chentukov Yu. I., Bulatova E. V.

The Multilateral Trading System: Problems of Harmonization of The Multilateral and Regional Regulation of Trade and Economic Relations

Chentukov Yuri Ilyich

Mariupol State University (Mariupol, Ukraine)
First Vice-Rector
Doctor of Science (Economics), Professor
mdu@mariupol.net

Bulatova Elena Valerievna

Mariupol State University (Mariupol, Ukraine)
Vice-Rector for Research, Head of the Department of International Economics
Doctor of Science (Economics), Professor
olena_bulatova@yahoo.com

ABSTRACT

The article analyzes the development of global and regional economic integration in modern conditions. The authors identified and characterized the main components of a transparent mechanism for the development of regional trade agreements in the multilateral trading system.

KEY WORDS

global integration, regional integration, regionalization, regional trade agreements

Современное состояние межгосударственных отношений характеризуется высоким уровнем взаимозависимости, когда резко сужаются возможности проведения индивидуальной политики, как во внешней, так и во внутренней сферах [3, с. 16].

Мировая практика показывает увеличение количества конфликтов с ростом торгового оборота, что, в свою очередь, требует соответствующего механизма их урегулирования на всех уровнях. Экономическое неравенство и неспособность глобального управления оказывают влияние на развитие значительно больше, нежели все иные глобальные риски [6, с. 83]. Вследствие этого улучшение системы глобального управления, гармонизация его с иными уровнями регулирования (региональными, национальными) приобретают большое значение.

Процессы развития региональной интеграции отличаются особой (собственной) логикой, поэтому они не могут быть в одностороннем порядке полностью урегулированы такой наднациональной институцией, как ВТО, поскольку развитие региональных интеграционных объединений предполагает создание собственной системы наднациональных институтов. При таких условиях возникает определенное противоречие между урегулированием торгово-экономических отношений между ВТО и особым механизмом реализации региональных интеграционных соглашений, что и вызывает необходимость соответствующей гармонизации.

Деятельность ВТО направлена на обеспечение единых правил развития мировой торговли, основанной на справедливом, недискриминационном и взаимно уважительном характере торгово-экономических отношений между всеми странами мира. Именно многосторонний механизм регулирования не позволил существенно расширить применение протекционистских мер, которые начали активно использовать страны в 2009 г. в условиях кризиса для защиты своих национальных экономик.

Своего рода конкуренция между региональным и многосторонним механизмами регулирования по своей сути определяет характер взаимоотношений между мультилатерализмом и регионализмом. Однако эта конкуренция имеет взаимодополняющий характер в интеграционных инициативах, как результат синергии между региональным и многосторонним переговорными процессами, направленными, так или иначе, на развитие открытости рынков и либерализацию торговли. Можно предположить, что следующим шагом станет абсорбция (поглощение) этих двух важнейших стратегических направлений интеграционных инициатив с точки зрения лучшего опыта и результатов [7, с. 22–24], соответственно, региональные интеграционные соглашения станут важнейшей составляющей многосторонней системы регулирования торгово-экономических отношений.

Механизм урегулирования проблем нормативного характера требует дальнейшего развития, в первую очередь через интенсификацию переговорного процесса под эгидой ВТО в рамках Дохийского раунда, направленного на согласование многостороннего надзора за региональными интеграционными соглашениями; обеспечение их прозрачности; определение и согласование конкретных формулировок, процедур и норм, специфичных для региональных торговых соглашений. Правила, регламентирующие развитие и деятельность региональных соглашений со стороны ВТО, имеют, к сожалению, недостаточную эффективность. Важным шагом в развитии этого механизма стало принятие членами ВТО «Компендиума положений, регламентирующего региональные торговые соглашения» [5], действие которого направлено на установление транспарентного механизма развития региональных интеграционных инициатив в рамках многосторонней торговой системы.

Данный механизм должен охватывать следующие составляющие: определение периода сообщения о заключении регионального торгового соглашения; обеспечение доступности и полноты статистической информации, характеризующей деятельность регионального объединения; обязательное сообщение об обязательствах участников объединения; усовершенствование многостороннего механизма надзора за региональными торговыми соглашениями, что обеспечивает системность анализа, однородность требований и т. п.

В контексте проведенного анализа существующих в мировом хозяйстве региональных торговых соглашений можно выделить проблему недостаточного статистического наблюдения за реализацией региональных торговых соглашений, однако без полноты статистической информации дать качественную оценку динамики экономической интеграции невозможно. Проблемным остается и вопрос определения эффективности нотифицированных торговых соглашений с перекрестным членством стран-участниц. Разная интерпретация критериев и правил усложняет процесс проверки со стороны ВТО и делает неурегулированным взаимодействие глобального и регионального уровней развития торгово-экономического сотрудничества.

В соответствии со своими полномочиями Комитет по региональным торговым соглашениям ВТО восстановил требование регулярных отчетов внедрения зон свободной торговли и таможенных союзов (не менее двух раз в год). Подобные отчеты позволяют увеличить транспарентность региональных торговых соглашений (раздел I Компендиума). Периодическое сообщение необходимо расширить до всех типов соглашений, связанных с экономической интеграцией, независимо от ее формы и этапа реализации.

В целях обеспечения системного анализа деятельности интеграционных объединений ко всем типам региональных соглашений должны быть применены однородные требования (раздел II Компендиума). Однако влияние региональных торговых соглашений на страны с разным уровнем социально-экономического развития проявляется по-разному. Несмотря на то, что интеграция способствует активизации сотрудничества, для развивающихся стран существует определенная угроза развитию национальной промышленности.

Либерализация торгово-экономических отношений с развитыми государствами приводит к тому, что местные товаропроизводители попадают в менее выгодные условия конкурентной борьбы по отношению к производителям из развитых государств, а это, как следствие, приводит к существенным ограничениям в проведении промышленной структурной трансформации, так необходимой развивающимся странам. Соответственно, одной стране предоставляется право использования более длительного периода для имплементации торговых преференций, а это уже позволяет говорить об асимметричности региональных торговых соглашений, поскольку преференции не имеют до конца взаимной основы.

В ходе переговорного процесса в рамках Дохийского раунда оставление проблемных вопросов нерешенными приведет к ослаблению мировой системы многостороннего регулирования, основанной на правилах и нормах ВТО. Главной причиной отсутствия прогресса в рамках последнего раунда переговоров являются требования некоторых стран — членов ВТО в отношении развивающихся стран в части снижения тарифов со стороны последних на свою несельскохозяйственную продукцию до уровня, который сегодня присущ развитым странам. Кроме того, значительно уменьшаются экспортные возможности развивающихся стран и сельскохозяйственные субсидии местным производителям, которые активно применяют развитые страны. Все это существенно ограничивает доступ на рынки для развивающихся стран, заинтересованных сегодня именно во внедрении экспортно-ориентированных моделей развития.

В целом, можно систематизировать трудности переговорного процесса в рамках Дохийского раунда переговоров следующим образом:

- переговоры, проходившие в рамках предыдущих раундов, были достаточно успешными, поскольку касались большей частью промышленных товаров и не затрагивали проблемных групп чувствительных товаров и связанных с ними процедур (торговля услугами, сельскохозяйственной продукцией, поддержка агропромышленного производства, антидемпинговые меры и т. д.);

- предшествующие раунды переговоров сосредотачивались в основном на тарифах, которые достаточно легко измеримы, а потому легко обсуждаемы, однако добавление других предметов обсуждения замедлило процесс переговоров;
- разнообразие интересов и приоритетов стран — участниц переговорного процесса повлияло на формирование повестки дня переговоров;
- развитые страны продвигают развитие секторального подхода (производство электроники, химической продукции, промышленного оборудования и др.) относительно рынков развивающихся стран, особенно таких, как Аргентина, Бразилия, Китай, Индия, Южная Африка;
- различия в использовании развивающимися странами специальных защитных механизмов по отношению к сельскохозяйственным производствам, где уровень тарифов становится выше относительно уровня режима наибольшего благоприятствования (развивающиеся страны настаивают на временном использовании высоких тарифов для защиты внутреннего рынка от увеличения импорта).

Неурегулирование вышеуказанных проблем в рамках Дохийского раунда одновременно с активным расширением практик заключения двусторонних и региональных торговых соглашений в определенной степени ставит под сомнение идею многосторонней торговли, регламентированной ВТО [2].

Глобальные кризисные явления обнаружили несоответствие текущих договоренностей, действующих на глобальном уровне, в таком важном вопросе мирохозяйственного развития, как снижение мирового экономического дисбаланса. В этой связи именно региональные институты и соглашения могут стать важной составляющей в структуре современного глобального управления, поскольку они способны адаптировать глобальные соглашения к региональной специфике, тем самым обеспечив их эффективную реализацию.

Несмотря на то, что с 1960-х гг. развивающиеся страны формировали большинство членов ГАТТ/ВТО, различие взглядов между ними и развитыми странами не мешало прогрессу переговорного процесса. Развивающиеся страны были, с одной стороны, заинтересованы в распространении режима наибольшего благоприятствования, а с другой, отсутствие снижения тарифов имело незначительное влияние на их экономическое развитие из-за малых размеров национальных экономик. Однако в последние десятилетия ситуация кардинально изменилась, и пренебрегать влиянием Китая, Бразилии, Индии и других стран на мирохозяйственное развитие было бы принципиальной ошибкой [4].

Это, в свою очередь, следует принимать во внимание в переговорном процессе между развитыми и развивающимися государствами. Следует учитывать и то, что развитие производственных сетей привело к существенным структурным изменениям в современной мировой торговле, поскольку значительная ее часть приходится на внутрифирменные потоки (в первую очередь, транснациональных компаний), по отношению к которым торговые барьеры являются более сложными. Это не позволяет развивающимся странам использовать в полном объеме преимущества торговых возможностей.

В традиционных концептуальных дебатах «регионализм — мультилатерализм», как правило, региональные торговые соглашения характеризуются как имеющие более быстрые темпы развития по сравнению с многосторонней системой регулирования. Страны, заключающие различные региональные торговые соглашения, вводят собственный торговый режим, который должен находиться в пределах общего многостороннего торгового режима. Однако принципы функционирования региональных соглашений часто выходят за рамки принципов ВТО. Таким образом, возникает объективная необходимость урегулирования взаимоотношений между странами — членами ВТО, реализующими региональные торговые соглашения, и другими странами — членами ВТО, не входящими в региональные объединения. Положения регио-

нального и многостороннего механизмов регулирования требуют соответствующей гармонизации. При таких обстоятельствах задачей ВТО должно стать обеспечение развития инициатив стран — членом ВТО от двусторонних к более сложным — многосторонним, обеспечивающим реализацию принципа недискриминационной торговли в мире в целом. Соответственно, региональная интеграция должна быть не альтернативой многостороннего механизма регулирования торговли, а важной составляющей этого механизма.

Исследования показывают, что значительная часть региональных соглашений (более трети) включает положения, которые сегодня находятся вне правил ВТО (так называемые положения ВТО-Х). Их появление приходится уже на период проведения Дохийского раунда переговоров: в первую очередь, это касается конкурентной политики (подобная норма содержится в 47% всех соглашений), движения капитала (39%), прав интеллектуальной собственности, которые не попадают под действие положений TRIPs (37%), инвестиций (31%). Треть действующих соглашений охватывает вопросы экологических норм, регулирования рынка труда, визовые вопросы и т. д. [8, с. 11].

Следует подчеркнуть, что в действующих региональных соглашениях содержатся положения, относящиеся к более глубокой интеграции в тех областях, которые сегодня регламентируются правилами ВТО (так называемые положения ВТО+). Это касается промышленных и сельскохозяйственных тарифов, технических барьеров, торговли услугами, прав интеллектуальной собственности. Именно данные положения (ВТО+) могут быть быстрее приняты на многосторонней основе по сравнению с теми нормами, которые уже представлены в региональных соглашениях, но пока правилами ВТО не регламентируются (ВТО-Х).

Во время принятия программного документа Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» [1, с. 66] было особо отмечено, что недискриминационная, открытая и справедливая многосторонняя торговая система, одновременно с реальной либерализацией торговли, может стать важнейшим фактором стимулирования экономического роста во всем мире, что позволит всем странам внедрять стратегии устойчивого развития. Но это требует успешного продолжения Дохийского раунда переговоров под эгидой ВТО. Прозрачность, открытость, консенсус в принятии решений будут способствовать укреплению многостороннего механизма регулирования мировой экономики. Пакет вопросов, подлежащих обсуждению в рамках Дохийского раунда переговоров, является весьма существенным, и хотя по значительному объему договоренностей уже достигнут консенсус [4, с. 43], баланс между различными переговорными группами (развитыми и развивающимися странами) еще не достигнут.

Распространение идей регионализма в глобальном мире, активное появление новых региональных интеграционных инициатив в мировой экономике фактически доказывают, что региональные механизмы интеграционного взаимодействия не могут быть проигнорированы со стороны многосторонней системы глобального управления. Региональные интеграционные соглашения должны стать важным инструментом дальнейшей многосторонней либерализации. Учет норм и положений ВТО на уровне региональных торговых соглашений должен происходить с учетом следующих положений:

- предсказуемость в управлении и применение правил и процедур, установленных нормами ВТО (принцип транспарентности), что позволит снизить уровень неопределенности, минимизирует транзакционные издержки через (1) своевременные публикации, связанные с законами, правилами и процедурами торговли; (2) организацию деятельности информационных центров; (3) своевременное администрирование решений;
- упрощение и согласование с нормами ВТО соответствующих норм и правил, которые включаются в региональные торговые соглашения, что будет способ-

ствовать их рационализации в соответствии с признанными международными стандартами, рекомендованными соответствующими международными учреждениями;

- использование механизмов совместного сотрудничества (рабочие группы, комитеты и т. п.), которые объединяют всех стейкхолдеров (в первую очередь, государственные институты и бизнес), что позволит обеспечить упрощение процедур торговли для значительного количества участников и государственного, и частного секторов.

Стремительное появление новых региональных соглашений в современной мировой экономике может нести определенную угрозу целостности многосторонней торговой системы. Развитие интеграционных блоков предусматривает создание собственной системы наднациональных институтов, что может способствовать усилению определенных противоречий между регуляторным механизмом ВТО и особым механизмом реализации региональных торговых соглашений. С другой стороны, правила ВТО, регламентирующие деятельность региональных торговых соглашений, имеют недостаточную эффективность, что требует принятия новых механизмов торгового взаимодействия и на многостороннем, и на региональном уровнях.

Подводя итог анализу проблемы, следует подчеркнуть, что появление и распространение новых форм региональных интеграционных процессов в условиях глобальной интеграции стало важной компонентой глобализационного развития. Регионализация мировой экономики стала объективным процессом формирования новой полисистемной конфигурации мирового экономического пространства. Его основными системными элементами являются регионы, чье формирование определяется характером развития интеграционного взаимодействия, а логика экономической конвергенции самих регионов определяет характер глобальной интеграции в целом.

В этом контексте регион в международной экономике необходимо рассматривать как пространство, образуемое совокупностью стран с высокой интенсивностью экономических связей (возникающих на основе общих интересов, ресурсного обеспечения, уровня развития производительных сил и характера специализации, комплементарности торговли), в том числе в формате интеграционного объединения. В связи с этим исследователи вполне могут применять термин «глобальная регионализация», характеризующий современный этап мирохозяйственного развития в условиях глобальной и региональной интеграции.

Литература

1. Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «РИО+20». Рио-де-Жанейро, Бразилия 20–22 июня 2012 года. 66 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>
2. Глобальное партнерство в целях развития: время выполнять обещания // Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ, 2011 год. Нью-Йорк: Издание ООН, 2011. 100 с.
3. *Загашвили В.* На пороге нового этапа экономической глобализации / В. Загашвили // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 3. С. 15–23.
4. *Bhagwati J.* World Trade And The Doha Round. Final Report Of The High-Level Trade Experts Group [Electronic resource] / J. Bhagwati, P. Sutherland. London: Information Policy Team, The National Archives, Kew, 2011. 56 p.
5. Compendium of Issues Related to Regional Trade Agreements [Electronic resource] // World Trade Organization [Official website]. URL: // http://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_negoti_e.htm

6. Global Risks 2011 [Electronic resource] // World Economic Forum [Official website]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Executive_Summary_2011_EN.pdf
7. Taifeng C. Regional Trade Agreements vs. Multilateral Trading System: A Study of Chinese Interests and Policy Options / C. Taifeng. Norwegian, Oslo: Institute of International Affairs, 2009. 46 p.
8. World Trade Report 2011. The WTO and preferential trade agreements: from co-existence to coherence [Electronic resource]. Geneva : WTO Publications, 2011. 251 p. // World Trade Organization [Official website]. URL: www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf

References

1. The future we want: Final paper of Conference of the United Nations on a sustainable development of "RIO+20" [Budushchee, kotorogo my khotim : itogovyi dokument Konferentsii Organizatsii ob"edinennykh natsii po ustoichivomu razvitiyu «RIO+20»]. Rio de Janeiro, Brazil on June 20–22, 2012. 66 p. [An electronic resource]. URL: <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>
2. *Global partnership for development: time to keep promises* [Global'noe partnerstvo v tselyakh razvitiya: vremya vpolnyat' obeshchaniya] // Report of Target group on an assessment of progress in achievement of MDG, 2011. — New York : Edition of the UN [Izdanie OON], 2011. 100 p.
3. Zagashvili V. On a threshold of a new stage of economic globalization [Na poroge novogo etapa ekonomicheskoi globalizatsii] / V. Zagashvili // World economy and the international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2009. N 3. P. 15–23.
4. Bhagwati J. World Trade And The Doha Round. Final Report Of The High-Level Trade Experts Group [Electronic resource] / J. Bhagwati, P. Sutherland. London: Information Policy Team, The National Archives, Kew, 2011. 56 p.
5. Compendium of Issues Related to Regional Trade Agreements [Electronic resource] // World Trade Organization [Official website]. URL: // http://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_negoti_e.htm
6. Global Risks 2011 [Electronic resource] // World Economic Forum [Official website]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Executive_Summary_2011_EN.pdf
7. Taifeng C. Regional Trade Agreements vs. Multilateral Trading System: A Study of Chinese Interests and Policy Options / C. Taifeng. Norwegian, Oslo: Institute of International Affairs, 2009. 46 p.
8. World Trade Report 2011. The WTO and preferential trade agreements: from co-existence to coherence [Electronic resource]. Geneva : WTO Publications, 2011. 251 p. // World Trade Organization [Official website]. URL: www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf

Системообразующие признаки законодательной власти Российской Федерации в федеративном государстве

Копятина Гильнара Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Преподаватель кафедры конституционного и административного права
kopyatina-gn@sziu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена выявлению и рассмотрению системообразующих признаков законодательной власти в Российской Федерации. Единство системы законодательной власти рассматривается через призму федеративных отношений, поэтому акцент делается на взаимодействии органов законодательной власти РФ и органов законодательной власти субъектов РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

единство системы государственной власти, единство системы законодательной власти, системообразующие признаки законодательной власти

Kopiatina G. N.

System-Forming Signs of the Legislative Power in the Russian Federation

Kopiatina Gulnara Nikolaevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
The lecturer of the chair constitutional and administrative law
kopyatina-gn@sziu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the reveal and observe of the system-forming signs of the legislative power in the Russian Federation. The unity of the legislative power system is being regarded through a prism of federal relations, because the author is concentrating on the interaction of the legislative power organs of the Russian Federation and its regions.

KEYWORDS

the unity of the state power system, the unity of the legislative power system, the system-forming signs of the legislative power

Единство государственной власти закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, т. е. не только для организации власти на федеральном уровне, но и для организации государственной власти в ее субъектах. В ст. 10 Конституции РФ закреплено, что «органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹. Следовательно, можно говорить и самостоятельности законодательной власти, при этом существует два уровня парламентов в РФ — федеральный и субъектов Федерации, которые напрямую не подчиняются друг другу, и «не составляют единого структурированного механизма» [5, с. 25].

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

Вопрос единства системы законодательной власти достаточно сложный и потому существуют разные мнения о том, существует ли единство системы законодательной власти или законодательная власть не представляет собой единой системы. Наиболее полный ответ по этому вопросу дает С. В. Нарутто, говоря о единстве системы законодательной власти, но никак не о единстве органов законодательной власти, поскольку между органами законодательной власти нет взаимоподчинения, как это можно наблюдать в системе органов исполнительной власти [1, с. 149].

Говоря о единстве законодательной власти, С. В. Нарутто выделяет системообразующие признаки законодательной власти: «тесные связи и взаимодействие между элементами этой системы, обусловленные двухпалатной структурой Федерального Собрания, а также право региональных законодательных органов на законодательную инициативу в Государственной Думе, на участие субъектов Федерации в федеральном законотворческом процессе по предметам совместного ведения, на одобрение поправок к Конституции Российской Федерации. Законодательные органы не являются разрозненными элементами, их объединяет общее, присущее всем представительным органам — их выборность народом, осуществление властных полномочий от его имени, коллегиальная форма работы и принятие властных решений. При формировании законодательных органов действуют единые стандарты избирательных прав граждан, установленные Конституцией РФ и федеральными законами. Палаты Федерального Собрания РФ и законодательные органы субъектов Федерации могут опосредованно воздействовать друг на друга через обращение в Конституционный суд РФ. Всем законодательным органам в Российской Федерации присущи однородные цели и задачи, что тоже рассматривается признаком их системности вне зависимости от субординационных отношений» [1, с. 150]. Следует отметить, что требования, касающиеся единых стандартов избирательных прав в субъектах Федерации, могут закрепляться в отношении высшего должностного лица субъекта РФ и в отношении депутатов законодательного (представительного) органа субъекта РФ.

Соглашаясь с мнением С. В. Нарутто о системообразующих признаках законодательной власти, следует дополнить такой признак, как право на участие субъектов Федерации на одобрение поправок к Конституции Российской Федерации тем, что кроме одобрения поправок к Конституции РФ, законодательный (представительный) орган субъекта РФ выступает с инициативой внесения поправки в Конституцию РФ. Таким образом, этот признак должен быть изложен следующим образом: право на внесение предложений о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, право на одобрение поправок к Конституции Российской Федерации.

В ч. 3 ст. 5 Конституции указано, что «федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти»¹. Поскольку существует система исполнительной и судебной власти, то единство государственной власти невозможно без наличия системы законодательной власти. Тем более что законодательная власть создает необходимые условия для деятельности исполнительной и судебной власти, а также для деятельности Президента РФ, что позволяет обеспечивать реализацию принципа единства государственной власти в Российской Федерации.

Вместе с тем способом обеспечения единства законодательной власти является установление мер юридической ответственности региональных органов государственной власти за нарушение Конституции РФ и федеральных нормативных правовых актов.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445..

Таким образом, системообразующими признаками единой законодательной власти, требующими законодательного закрепления в субъектах Российской Федерации, являются:

- взаимодействие палат Федерального Собрания Российской Федерации;
- право на законодательную инициативу в Государственной Думе законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации;
- право на участие субъектов Федерации в федеральном законотворческом процессе по предметам совместного ведения;
- право на внесение предложений о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, право на одобрение поправок к Конституции Российской Федерации;
- единые стандарты избирательных прав в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и депутатов законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации;
- применение мер юридической ответственности в отношении законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации.

Данные системообразующие признаки можно рассмотреть в трех аспектах:

- первый — с точки зрения содержания нормативно-правовых актов. К нему относятся: право на законодательную инициативу в Государственной Думе законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, право на участие субъектов Федерации в федеральном законотворческом процессе по предметам совместного ведения, право на внесение предложений о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, право на одобрение поправок к Конституции Российской Федерации, единые стандарты избирательных прав в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и депутатов законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации;
- второй аспект — организационный, т. е. полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации реализуются посредством участия в решении вопросов различного уровня власти. К этому аспекту относится взаимодействие палат Федерального Собрания Российской Федерации;
- третий аспект — это наличие мер федерального вмешательства, к которым, следует отнести досрочное прекращение полномочий (ропуск) законодательного (представительного) органа государственной власти РФ.

Не ставя целью охватить большое количество вопросов, в статье будут рассмотрены системообразующие признаки законодательной власти с точки зрения содержания нормативно-правовых актов.

1. Обеспечению требования согласованности и учета интересов субъектов Федерации в федеративном государстве способствует законодательная инициатива в Государственной Думе законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации.

Право законодательной инициативы закреплено за законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации в ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации и урегулировано в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ст. 103–115)¹.

Имея возможность вносить законопроекты в Государственную Думу РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ активно пользуются предоставленным им Конституцией РФ правом, но законодательные инициативы субъектов Феде-

¹ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 4718-ГД) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

рации недостаточно учитываются на федеральном уровне. Такая ситуация связана с тем, что «законопроекты субъектов РФ зачастую не имеют целостного характера, обладают неоправданно узким предметом регулирования, в них не вполне соблюдены требования юридической техники» [3, с. 50]. Кроме того, это связано с тем, что «законодатель субъекта Федерации учитывает лишь собственные условия, но далеко не всегда может предвидеть развитие ситуации в других субъектах. Более того, интересы разных субъектов Федерации могут быть противоположными» [6, с. 316]. Шаклеин тоже называет несколько причин, это «запаздывание с выдвиганием инициатив и длительный срок («устаревание») нахождения их на рассмотрении в палате (от 14 до 3710 дней); несовершенство порядка осуществления законодательной инициативы в Государственной Думе, позволяющее отклонять их по формальным признакам; большие сложности (этот вопрос неоднократно обсуждался на различных уровнях государственной власти, в том числе и в Государственной Думе) и с получением финансово-экономического обоснования (положительного заключения) законопроекта и т. д.» [7, с. 6].

Ряд авторов предлагают пути решения данных вопросов. Так, Н. И. Шаклеин считает необходимым использование опыта работы Совета законодателей¹, который был создан в 2002 г., проведение выездных парламентских слушаний, «круглых столов» по проблемам развития законодательства, организация широкого мониторинга законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях с помощью создания на местах центров, советов и другой законотворческой работы, написание и публичное обсуждение докладов о состоянии законодательства в субъектах РФ, активное сотрудничество с высшими учебными заведениями по вопросам разработки и мониторинга регионального законодательства и т. д. [7, с. 12–13]. А. С. Старовойтов видит выход из сложившейся ситуации в повышении квалификации юристов законодательных органов субъектов Федерации (особенно в сфере законодательной техники), создании институтов и центров регионального законотворчества [4, с. 76].

Повышение эффективности системы учета прав и интересов субъектов Федерации федеральным центром способствует добровольному соблюдению регионами федеральных законов, принятых с их участием регионов, помогает федеральному законодателю предвидеть развитие ситуации в субъектах Российской Федерации с учетом общих проблем регионов, а также способствует взаимодействию системы законодательной власти посредством участия законодательных (представительных) органов субъектов РФ в решении важнейших вопросов государственной жизни.

2. Федеративная форма государственного устройства России предполагает участие субъектов Федерации в федеральном законотворческом процессе по предметам совместного ведения. Данная форма взаимоотношений Федерации и ее субъектов была закреплена в Федеративном договоре 1992 г. Как отмечает А. Н. Чертков, «при этом республикам гарантировалось обязательное рассмотрение их предложений Верховным Советом РСФСР» [6, с. 308], но «не все выдвигавшиеся в начале 90-х гг. предложения, в том числе вошедшие в Федеративный договор и протоколы к нему, были развиты федеральным законодательством, хотя с этой целью подготавливались различные варианты закона о механизме реализации положений Федеративного договора» [6, с. 308].

Участие субъектов Федерации в федеральном законотворческом процессе по предметам совместного ведения впервые было закреплено в ст. 13 Феде-

¹ О Консультативной комиссии при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по работе с Советом по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (Советом законодателей): Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 6 июля 2007 г. № 286-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 29. Ст. 3517 (утратило силу).

рального закона № 119-ФЗ¹. Данная норма закона была уточнена путем внесения изменений Федеральным законом от 20 мая 2002 г. № 52-ФЗ². После принятия Федерального закона № 95-ФЗ³ Федеральный закон № 119-ФЗ утратил силу, а ст. 13 была перенесена в ст. 26.4 Федерального закона № 184-ФЗ⁴.

Первоначально участие органов государственной власти субъектов Федерации в законодательном процессе по предметам совместного ведения было рассмотрено в решениях Конституционного суда Российской Федерации⁵ и закреплено в регламентах палат Федерального Собрания Российской Федерации⁶, но этого было недостаточно, поскольку «и Государственная Дума, и Совет Федерации могли в любой момент самостоятельно пересмотреть нормы регламентов и изъять из них часть положений о согласовании» [6, с. 319]. Необходимо было законодательно закрепить процедуры согласования федеральных законов по предметам совместного ведения с органами государственной власти субъектов Федерации, кроме того, вопросы, которые регулируются Федеральным законом № 184-ФЗ,⁷ должны быть изложены более подробно.

По мнению А. Н. Черткова, 30-дневный срок для согласования федеральных законов представляется для субъектов Федерации недостаточным, поскольку «многие депутаты законодательных органов субъектов Федерации исполняют свои обязан-

¹ О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ (в ред. ФЗ от 20 мая 2002 г. № 52-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3176 (утратил силу).

² О внесении изменения в ст. 13 Федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 21. Ст. 1915. (утратил силу).

³ О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ (в ред. ФЗ от 22 июля 2008 г. № 141-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27. Ч. 2. Ст. 2709.

⁴ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. ФЗ от 4 октября 2014 г. № 290-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁵ По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 3. Ст. 429; По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

⁶ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 4718-ГД) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801; О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ (в ред. Постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 9 июля 2014 г. № 356-СФ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.

⁷ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. ФЗ от 4 октября 2014 г. № 290-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42.

ности не на постоянной основе, сессии законодательных органов проходят один раз в месяц. Это означает, что если проект федерального закона был получен незадолго после окончания сессии (следует учесть еще и время пересылки), то подготовить отзыв и отослать в месячный срок в Государственную Думу законодательный орган субъекта Федерации не успеет» [6, с. 322], при этом необходимо учитывать перерывы между сессиями федеральных органов законодательной власти и органов законодательной власти субъектов РФ. Срок для согласования федеральных законов с субъектами Федерации А. Н. Чертков предлагает увеличить на 2 мес.

По мнению Ж. И. Овсепяна, «участие субъектов РФ в федеральном законодательном процессе (в Федеральном Собрании) по законопроектам, относящимся к предметам совместного ведения, в последние годы совершенствуется» [2, с. 31], так как «по состоянию на начало 2013 г. субъекты РФ вовлекаются в законодательный процесс по предметам совместного ведения как минимум на двух стадиях: после поступления проекта федерального закона в Государственную Думу и после первого его чтения в Государственной Думе, когда проект по вопросам совместного ведения вновь направляется в субъекты для выражения своей позиции» [2, с. 32].

Тем не менее, остаются вопросы, которые требуют доработки. Например, «не определены последствия ненаправления проектов законов субъектам Федерации по предметам совместного ведения, ответственность лиц, не обеспечивших соблюдение данной процедуры, и ситуации, когда значительная часть субъектов Федерации высказывается против проекта федерального закона в целом и создается согласительная комиссия» [8, с. 325]. Кроме того, остается открытым вопрос о повышении качества законодательных инициатив, поступающих от субъектов Российской Федерации.

Совершенствование норм, регулирующих вопросы законодательного процесса, а также эффективное функционирование системы законодательной власти в целом зависят от того, насколько будут согласованы и учтены интересы Федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения.

3. Участие законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации в одобрении поправок к Конституции Российской Федерации предусмотрено в самой Конституции РФ (ст. 134, 136, 137), Федеральном конституционном законе № 6-ФКЗ¹, Федеральном законе от № 33-ФЗ², Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации³ и Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации⁴. Об особенностях порядка принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ и участии в нем

¹ О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (в ред. Федерального конституционного закона Российской Федерации от 31 октября 2005 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4916.

² О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 10. 1998. Ст. 1146.

³ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 4718-ГД) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

⁴ О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ (в ред. Постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 9 июля 2014 г. № 356-СФ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.

законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации указано также в Постановлении Конституционного суда РФ № 12-П¹.

Практика внесения поправок в Конституцию Российской Федерации способствует взаимодействию законодательных органов государственной власти на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ, единству системы законодательной власти Российской Федерации.

4. Единые стандарты избирательных прав в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и депутатов законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации закреплены в Федеральном законе № 184-ФЗ² (абз. 2 п. 3 ст. 18), Федеральном законе № 67-ФЗ³ (п. 1, 8 ст. 4).

Ранее в 1997 и 1998 гг. в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации⁴ были высказаны правовые позиции о том, что установление требований, связанных с достижением определенного возраста, продолжительностью проживания на территории субъекта Российской Федерации, о владении кандидатом высшего должностного лица субъекта Российской Федерации наравне с русским языком еще и вторым государственным языком республики, ограничивает права и свободы человека и гражданина. Данные правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации не всегда выполнялись субъектами Федерации, поскольку эти решения не были закреплены законодательно. Изменения в законодательство субъектов Российской Федерации стали вноситься только после установления соответствующих норм в федеральном законодательстве.

Общие для всех законодательных органов принципы их формирования способствуют развитию признаков системности этих органов, что в свою очередь способствует реализации принципа единства системы законодательных органов.

Таким образом, обеспечение соответствия законодательства субъектов Российской Федерации Конституции РФ и федеральному законодательству позволяет создать непротиворечивое и эффективное законодательство, способствующее реализации принципа единства системы законодательной власти в Российской Федерации.

Литература

1. *Нарутто С. В.* Федерализм и единство государственно-правовой системы. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2001.

¹ По делу о толковании ст. 136 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 440.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. ФЗ Российской Федерации от 4 октября 2014 г. № 290-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. ФЗ Российской Федерации от 14 октября 2014 г. № 238-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁴ По делу о проверке конституционности положений статей 74 (ч. 1) и 90 Конституции Республики Хакасия: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 июня 1997 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 26. Ст. 3145; По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в ред. от 28 августа 1997 г.) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 18. Ст. 2063.

2. *Овсепян Ж. И.* Законодательные полномочия и интересы субъектов Российской Федерации: к вопросу об обеспечении реализации конституционного принципа разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации. К 20-летию Конституции РФ 1993 года // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 1. С. 23–37.
3. *Симонян Г. Р.* Механизм обеспечения интересов субъектов Российской Федерации в деятельности федеральных органов государственной власти // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 44–52.
4. *Старовойтов А. С.* Соотношение общегосударственных и региональных интересов в законодательной деятельности двухпалатного парламента // Бикамерализм в европейских парламентах: учет интересов и согласование позиций : материалы международного семинара // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 22 (215). С. 73–78.
5. *Хабриева Т. Я.* К вопросу о месте российского парламентского права в системе права // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / под ред. С. А. Авакьяна. М. : Изд-во МГУ, 2003.
6. *Чертков А. Н.* Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2006.
7. *Шаклеин Н. И.* Динамика и качество законотворческого процесса в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 3–14.

References

1. Narutto S. V. *Federalism and unity of state and legal system* [Federalizm i edinstvo gosudarstvenno-pravovoi sistemy]. Khabarovsk: Publishing Centre of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law RITs KhGAEP [RITs KhGAEP], 2001.
2. Ovsepyan Zh. I. *Legislative powers and interests of subjects of the Russian Federation: to a question of ensuring realization of the constitutional principle of differentiation of areas of jurisdiction and powers between the Russian Federation and subjects of the Russian Federation. To the 20 anniversary of the Constitution of the Russian Federation of 1993* [Zakonodatel'nye polnomochiya i interesy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: k voprosu ob obespechenii realizatsii konstitutsionnogo printsipa razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochii mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i sub"ektami Rossiiskoi Federatsii. K 20-letiyu Konstitutsii RF 1993 goda] // Journal of the Constitutional Justice [Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya]. 2014. N 1. P. 23–37.
3. Simonyan G.R. *The mechanism of ensuring interests of subjects of the Russian Federation in activity of federal public authorities* [Mekhanizm obespecheniya interesov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v deyatel'nosti federal'nykh organov gosudarstvennoi vlasti] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2006. N 3. P. 44–52.
4. Starovoytov A. S. *Correlation of state and regional interests in legislative activity of a two-chamber parliament* [Sootnoshenie obshchegosudarstvennykh i regional'nykh interesov v zakonodatel'noi deyatel'nosti dvukhpalatnogo parlamenta] // Bicameralism in the European parliaments: accounting of interests and coordination of positions. Materials of the international seminar [Bikameralizm v evropeiskikh parlamentakh: uchet interesov i soglasovanie pozitsii : materialy mezhdunarodnogo seminar] // Analytical bulletin of the Federation Council of Federal Assembly of the Russian Federation [Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii FS RF]. 2003. N 22 (215). P. 73–78.
5. Habriyeva T. Ya. *On a question of a place of the Russian parliamentary law in system of the law* [K voprosu o meste rossiiskogo parlamentskogo prava v sisteme prava] // Parliamentary procedures: problems of Russia and foreign experience [Parlamentskie protsedury: problemy Rossii i zarubezhnyi opyt] / Under the editorship of S. A. Avakyan. M. : Publishing house of MSU [Izd-vo MGU], 2003.
6. Chertkov A.N. *The comment to the Federal law «On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of the government of subjects of the Russian Federation» (itemized)* [Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» (postateinyi)]. M. : JSC Yustitsinform, 2006.
7. Shaklein N. I. *Dynamics and quality of legislative process in the Russian Federation* [Dinamika i kachestvo zakonotvorcheskogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2008. N 9. P. 3–14.

Расистский дискурс электронных СМИ как фактор конструирования межэтнических конфликтов

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

Ковалева Анастасия Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
aska.kova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению вопроса участия электронных СМИ в процессе воспроизводства расизма и дискурсивному анализу практик конструирования межэтнического конфликта масс-медиа. Межэтнические конфликты рассматриваются как конструкты, значительную роль в создании которых играют масс-медиа. В российских масс-медиа существуют две конкурирующих модели интерпретации межэтнических конфликтов — одна официально отрицает этническую подоплеку конфликтов (это характерно для государственных СМИ), а другая транслирует противоположную точку зрения, которая заключается в том, что фактически любой конфликт, где сторонами являются представители этнических меньшинств, является, соответственно, межэтническим. Однако такая позиция не всегда верна. Тенденция к эскалации межэтнической напряженности прослеживается во многих отечественных изданиях. Проблема в том, что публикации в гипертрофированной форме акцентируют внимание читателя на этнической принадлежности сторон. При этом события, не связанные с правонарушениями, совершаемыми этническими меньшинствами, зачастую игнорируются. Происходит фиксация на негативных происшествиях. Это служит стереотипизации мышления, способствует восприятию миноритарных групп через призму расистского дискурса с последующей стигматизацией, социальной эксклюзией и т. д. В повседневной риторике российских средств массовой информации используется терминология, относящаяся больше к расистскому дискурсу, чем к гражданско-правовому. Общая направленность публикаций большинства печатных и электронных изданий свидетельствует о дискурсивном конструировании четких образов «своих» и «чужих». Расизм — это мощный вид дискриминационной практики. Воспроизводство этнических предрассудков осуществляется посредством текстов, слов и коммуникации в целом. СМИ являются важнейшим звеном цепочки каждодневного воспроизводства расизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

расистский дискурс, гражданско-правовой дискурс, конструирование межэтнического конфликта, воспроизводство расизма, конструирование образов «своих» и «чужих», мажоритарная группа, миноритарная группа, репрессивные языковые конструкции

Kugay A. I., Kovaleva A. M.

Racist Discourse of Electronic Mass Media as Factor of Designing of the Interethnic Conflicts

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

Kovaleva Anastasia Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Graduate Student of the Chair of History and Political Science
aska.kova@mail.ru

ABSTRACT

This article focuses on the question of media participation in the racism reproduction process and discourse analysis some practices of interethnic conflict construction implemented by media. Interethnic conflicts can be represented as constructs and media plays a significant role in creation of them. There are two competitive models of interethnic conflicts interpretation in Russian media; the first officially denies ethnic background of conflicts (this situation is characteristically for state media) and the second expresses opposite opinion that each conflict will be interethnic if members of ethnic minorities participate in conflict. However, this point of view is not always right. There is trend in domestic editions to escalate interethnic tension. It is a problem that publications accentuate public attention on ethnicity of conflict participants in hypertrophied form.

At the same time media ignores events are not connected with crimes which committed by ethnic minorities. There is a fixation on negative accidents. It promotes stereotypes emergence and fixation and minority groups perception using racism discourse with stigmatization, social expulsion and so on. In Russian media everyday rhetoric, we can find terminology, which usually refers to racism discourse but seldom to civil law discourse. Study of the fundamental direction of prints and electronic media demonstrates a discursive construction of precise «own» and «stranger» images. Racism discourse can be a powerful kind of discriminating practice. Reproduction of ethnic pre-conceptions is implemented by texts, words and communication overall. Media is a paramount chain link, which participates in everyday racism reproduction.

KEYWORDS

racism discourse, civil law discourse, construction of interethnic conflict, reproduction of racism, construction of «own» and «stranger» images, majority group, minority group, repressive language constructions

В настоящее время сложилась ситуация, когда со стороны государства исходят попытки сглаживания межнациональных противоречий и предупреждения возникновения межэтнических конфликтов. Однако, в связи с тем, что мигрантов становится больше, все труднее держать ситуацию под контролем, особенно если учесть, что расистский дискурс является определяющим в риторике местных и электронных масс-медиа, а позиция федеральных СМИ носит, скорее, формальный характер, поскольку сводится к тому, что основа происходящих конфликтов не связана с этническими меньшинствами.

В средствах массовой информации и даже в научных публикациях часто используются понятия «этническая преступность» и «этнические преступные группы». То есть, подразумевается, что криминальная активность отдельных лиц и коллективов непосредственно связана с их этнической принадлежностью. Примечательно, что преступная деятельность лиц и групп, относимых к этническому большинству — *мажоритарным группам*, за редким исключением не определяется как «этническая». В основном это касается этнического меньшинства — так называемых *миноритарных групп*, а русская или «славянская» этничность к криминалу как бы не имеет никакого отношения. Суждения об «этнической преступности» логически ведут к оправданию и поощрению репрессивной практики и открывают «ворота» для неограниченного доминирования расистского дискурса.

В дискурсивном плане специфическая особенность России по сравнению со странами Запада обусловлена отсутствием гегемонии дискурса прав человека, которая установилась в либеральных демократиях в течение последней трети XX в. В современной России не сложился либеральный консенсус, характерный для стран Запада. На протяжении многих лет наша страна была изъята из европейского

общественно-политического контекста, поэтому россияне оказались не готовы к восприятию идей, возникших в этом контексте [3].

Политики, уже по статусу обладающие первостепенным доступом к коммуникативным ресурсам и обширными возможностями трансляции своей позиции, регулярно участвуют в *косвенном* воспроизводстве расизма. Чиновники путем подмены понятий могут приводить не вполне корректную информацию о размерах «этнической преступности». Замена слова «приезжий» словом «мигрант» вызывает определенные шаблонные ассоциации, индуцированные средствами массовой информации: если в масс-медиа говорят «мигрант», то в большинстве случаев люди подумают о гражданах стран Средней Азии или республик Кавказа, а уже в последнюю очередь о тех, кто приехал в Россию, скажем, из Беларуси или Украины. При этом зачастую подача информации осуществляется с использованием этнически окрашенных слов и выражений — допустим, вместо описания личности субъекта, виновного в совершении правонарушения, с помощью безличного слова «преступник» или «правонарушитель» (эти слова относятся к гражданско-правовому дискурсу), СМИ выбирает менее объективные выражения, подчас грубые — это характерно большей частью для электронных СМИ — такие как «выходец из средней Азии» или даже «лицо неславянской внешности!» Таким образом, СМИ становятся важнейшим звеном цепочки воспроизводства расизма. В результате получается, что большую часть преступлений, к примеру, в Москве, совершают мигранты, хотя на самом деле их доля в целом по стране не превышает 3–4%, в столице — около 18%. В средствах же массовой информации часто фигурируют гораздо более внушительные цифры [2, с. 130].

Можно сделать вывод, что в современной России проблема заключается не только в артикуляции расистских предрассудков, но и в *расиализации общественных отношений*. Хотят отправители подобных высказываний или нет, они объективно способствуют видению социального взаимодействия через призму расизма и наделению «расовым» смыслом отношений, изначально не имеющих такого смысла.

Насущные проблемы мигрантов — потеря работы, низкая заработная плата, отсутствие достойного жилья, дискриминация и т. д., — оказываются на заднем плане, поскольку внимание фокусируется на их культурных — в том числе и религиозных — отличиях от местного населения. Эта сознательная сепарация служит эффективным инструментом углубления межнационального антагонизма с учетом того, что фиксируются *негативные* стороны представителей меньшинств. Вместо того чтобы сформировать положительный образ меньшинства, построенный на выявлении «нашего» и «их» сходства с целью наметить возможные точки соприкосновения и сконструировать гармоничный паттерн отношений, местные масс-медиа и электронные издания часто категорически подчеркивают «инаковость» миноритарных групп, возмущаясь «их» нежеланием интегрироваться в наше общество; происходит негативная репрезентация. Разумеется, не без причин и не на пустом месте, но факт остается фактом. Первопричина конфликтов кроется не только в поведении/субъективном восприятии поведения нелегальных и легальных мигрантов, но и в политике государства в целом.

Многие базовые убеждения, репрезентирующие ментальные модели этнических событий или, в целом, разделяемые социальные репрезентации этнических групп и отношений инкорпорированы в богатую систему смыслов. На первый план, как правило, выдвигается положительная информация о «нас» («своих») или негативная информация о «них» («чужих») [1, с. 137]. Расизм как идеология социальной эксклюзии и инклюзии может быть либо сравнительно последовательной, либо бесвязной и нелогичной аккумуляцией клише, образов, атрибуций и аргументов [5, р. 180]. Отправная точка дискурсивно-аналитического подхода к комплексному

изучению расизма как феномена — это понимание того, что расизм как социальная практика и идеология проявляется *непоследовательно*. С одной стороны, расистские взгляды и убеждения производятся и воспроизводятся с помощью дискурса. С другой стороны, через дискурс дискриминационные практики социальной эксклюзии обнаруживаются и узакониваются [4, р. 1].

Несмотря на внешнее, *кажущееся* уважение к этносам, попытки внедрения политики толерантности, создание тематических передач, фильмов, проведение культурно-досуговых мероприятий, призванных сблизить коренное население с меньшинственными группами, на этом *квазиположительном* фоне существует нечто совсем противоположное — по-бодлеровски процветающий расистский дискурс. Данная дихотомия — своеобразное фарисейство — порождает двусмысленность трактовки социальной реальности и вызывает здоровое сомнение в качестве подаваемой населению информации и в том, служит ли она лоббированию интересов определенных лиц или группировок, является ли в высшей степени точной и правдивой. Электронные СМИ затрудняют демаркацию между правдивой и откорректированной в чьих-либо интересах информацией; пресса полна зачастую противоречивых данных.

Освещение элитарного расизма редко встречается в прессе, хотя оно могло бы дать сбалансированный взгляд на «темную» сторону общества. Вместо этого в европейских газетах очень популярны такие темы, как народное недовольство мигрантами, случаи дискриминации, радикальные расистские партии и т. д. На фоне сложившейся проблемной ситуации, связанной с эскалацией межнациональных и межэтнических противоречий, все ярче выделяется риторика *апологии расизма*. Это хорошо видно на примере восприятия европейскими государствами нынешней обстановки на Украине — широкий спектр взглядов варьируется от неприятия до поддержки установившегося режима (что непосредственно затрагивает и Россию в виде многочисленных санкций и различных угрожающих сентенций).

Что касается самых разных социальных противоречий в России — от бытовых до криминальных конфликтов, — они описываются как «межнациональные» в терминах расистского дискурса в том случае, если их участниками оказываются люди с *разной этнической принадлежностью*. Показательным примером, подтверждающим это утверждение, является конфликт, произошедший в Карелии — в Кондопоге, в 2006 г. Тогда разыгралась массовая драка, переросшая в погромы, закончившаяся гибелью двух человек. Фактически это был конфликт между преступной группировкой с Северного Кавказа и местными бандитами, однако в СМИ конфликт был описан в терминах расистского дискурса.

Большинство жителей России не являются прямыми свидетелями межэтнических конфликтов, поэтому для формирования своей мировоззренческой позиции ориентируются на информацию, предоставляемую им масс-медиа, являющимися одними из самых влиятельных агентов конструирования социальной реальности. Граждане постоянно обращаются к телевидению или газетам как к *авторитетному источнику* знаний или мнений об этнических меньшинствах. При низком уровне критичности оценки воспринимаемой информации точка зрения коммуниканта легко поддается лингвистическому программированию или корректировке с помощью определенной лексики и синтаксиса, а также репрессивных языковых конструкций, призванных подавлять идентичность меньшинств, принижать их, выставляя в наиболее выгодном свете заинтересованную сторону. В прозападной и западной прессе можно встретить множество примеров подобных конструкций. Строго говоря, конструирование образов «своих» и «чужих», а также образа внутреннего врага — распространенные политические технологии, остающиеся эффективными и по сей день; они служат, в частности, для отвлечения внимания населения от других, более серьезных проблем.

В электронном издании «Голос Америки» в статье, посвященной обзору недавно прошедших выборов в Донбассе и Луганске, встречаются резкие и агрессивные

выражения, характеризующие жителей этих республик — их именуют «вооруженными пророссийскими сепаратистами», сами республики называют «сепаратистскими анклавами»¹, а выборы — «фарсом»: «Лидер Украины отметил, что официальный Киев и весь цивилизованный мир не признают этого фарса»². Подобные заявления подтверждают, что, действительно, производится четкое конструирование образов «своих» и «чужих». В европейских странах, как и в России, новостные сообщения воспроизводят доминирующие этнические предрассудки, используют экспрессивные, негативно окрашенные слова и выражения, относящиеся к расистскому дискурсу.

Рассмотрим в качестве примера конфликт в Нурлате (республика Татарстан) в 2013 г., где произошли, по утверждению прессы, «массовые столкновения местных жителей с приезжими кавказцами»³, по завершении которых было задержано более 30 чел. Заголовки статей, расположенных на новостных сайтах, ясно дают понять, что конфликт воспринимается в СМИ не иначе как межэтнический, хотя руководитель общественной организации «Объединение народов Дагестана г. Казани „Дагестан“» утверждает, что «никакой национальной подоплеку конфликта нет, напряжение возникает из-за нагнетания в СМИ национальной темы»⁴.

Проанализировав несколько статей по данному конфликту, можно построить таблицу.

На основе приведенной таблицы, демонстрирующей количество упоминаний определенных слов и словосочетаний, встречающихся в рассмотренных статьях, построим гистограмму (рисунок).

Как содержание публикаций, так и заголовки и подзаголовки статей говорят сами за себя, акцентируя внимание на этнических различиях, что является проявлением расистского дискурса и способствует углублению уже существующих межэтнических противоречий: «Полиция Татарстана пресекла массовую драку местных жителей и кавказцев»⁵, «В татарстанском городе Нурлате произошла массовая драка местных жителей с выходцами с Кавказа»⁶. Другие заголовки настойчиво и безапелляционно утверждают, что конфликт является *именно* межэтническим, что это было не просто столкновение двух групп агрессивно настроенных молодых людей, возможно, находившихся в состоянии алкогольного опьянения: «В Татарстане вспыхнул новый межэтнический конфликт»⁷, «Прокуратура проводит проверку по факту межэтнического конфликта в Нурлате». Некоторые заголовки выражают сомнение в том, был

¹ См.: «Голосование раздора» на востоке Украины [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2014. 3 ноября. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/galperovich-golosovanie-razdora-navostoke-ukrainy/2506648.html> (дата обращения: 06.11.2014).

² См.: Киев призвал мировое сообщество и Россию не признавать «выборов» на оккупированных сепаратистами территориях [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2014. 2 ноября. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/elections-dnr-statement-president/2505296.html> (дата обращения: 06.11.2014).

³ См.: В Нурлате межэтнический конфликт перерос в массовые беспорядки [Электронный ресурс] // Свободная трибуна. 2013. 31 июля. URL: <http://old.triboona.ru/news/id/2914> (дата обращения: 08.11.2014).

⁴ См.: Глава дагестанской диаспоры о событиях в Нурлате: «Национальной подоплеку конфликта нет» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. 6 августа. URL: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/86966> (дата обращения: 07.11.14).

⁵ См.: Полиция Татарстана пресекла массовую драку местных жителей и кавказцев [Электронный ресурс] // Накануне. 2013. 1 августа. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/8/1/22318261> (дата обращения: 07.11.14).

⁶ См.: Пугачевщина охватила Татарстан [Электронный ресурс] // Русская планета. 2013. 31 июля. URL: http://rusplt.ru/society/nurlat_draka.html (дата обращения: 07.11.14).

⁷ См.: В Татарстане вспыхнул новый межэтнический конфликт [Электронный ресурс] // Четвертая власть. 2013. 1 августа. URL: <http://www.4vsar.ru/news/39041.html> (дата обращения: 05.11.14).

Дискурс национализма

Слова и словосочетания, относящиеся к расистскому дискурсу, кол-во		Нейтрально окрашенные слова, кол-во		Слова и словосочетания, относящиеся к гражданско-правовому дискурсу, кол-во	
Приезжие, кавказцы/кавказцы/кавказский	11	Молодые люди	7	Потерпевшие	1
Приезжие	4				
Азербайджанец/азербайджанский/Азербайджан	5				
Коренное население/местное население	1				
Татары	3				
Русские	3				
Дагестанцы	5				
Уроженцы Дагестана/Азербайджана	1				
Чеченец	2				
Мигрант	4				
Таджик	1				
Местные жители/местные	15				
Уроженец Кавказа/выходец с Кавказа	4				

межэтнический конфликт или нет: «Был ли в Нурлате межэтнический конфликт?»¹, «Станет ли Нурлат вторым Пугачевым?»². Официальная версия по обыкновению расходится с версией местных и электронных масс-медиа.

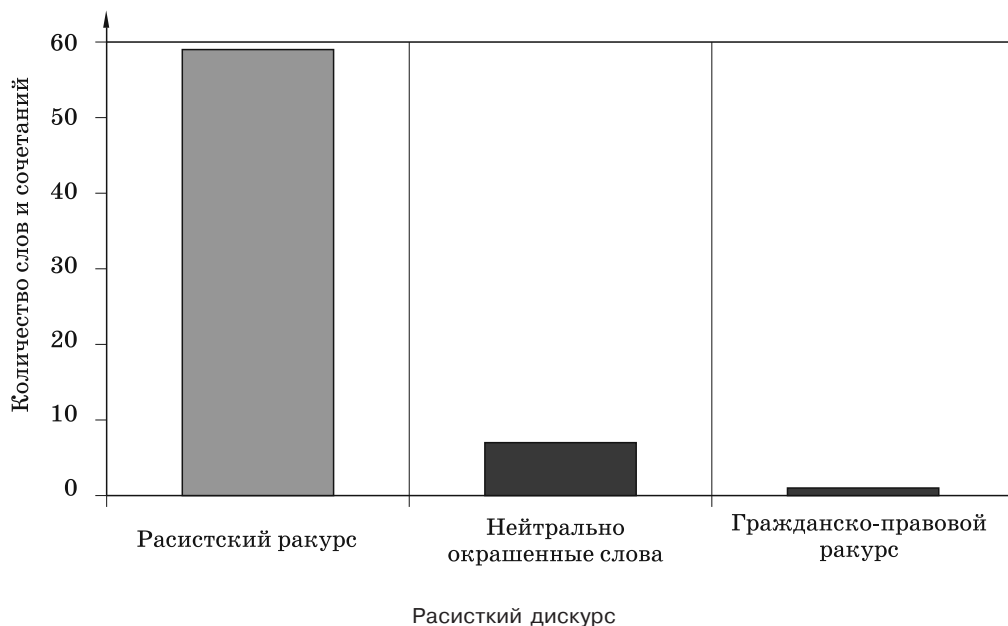
Для формирования общей этнополитической идентичности и сглаживания межнациональных и межэтнических противоречий, в частности, необходим контроль за средствами массовой информации, если, конечно, участвуя в воспроизводстве расизма, они не отстаивают интересы элиты, политических группировок, иных политических объединений и заинтересованных лиц. Впрочем, мы живем в демократическом обществе и имеем право на получение полной и достоверной информации о событиях, происходящих в стране. Контроль над СМИ необходим лишь в той степени, что позволит отделять зерна от плевел, чтобы обеспечить адекватное отображение социальной реальности в средствах массовой информации, поскольку целенаправленное или случайное искажение данных приводит к обострению межэтнических противоречий — подобное и происходит повсеместно.

Отрицание расизма, как и формы положительной саморепрезентации, имеют два измерения: индивидуальное и групповое (социальное)³. Риторика официальных

¹ См.: Был ли в Нурлате межэтнический конфликт? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. 6 августа. URL: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/86974> (дата обращения: 05.11.14).

² См.: Станет ли Нурлат вторым Пугачевым [Электронный ресурс] // Третья мировая война. Военно-политическое обозрение. URL: <http://politobzor.net/show-3097-stanet-li-nurlat-vtorym-pugachevym.html> (дата обращения: 07.11.14).

³ Van Dijk T. A. Discourse and the denial of racism [Electronic resource]. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20and%20racism.pdf> (дата обращения: 09.11.14).

федеральных СМИ часто сводится к отрицанию/сомнению в межэтнической подоплеке определенных событий/конфликтов; просто происходят драки/столкновения между гражданами, находящимися в состоянии алкогольного/наркотического опьянения или по иным причинам, не связанным с этническими меньшинствами; они пытаются таким образом избежать обострения уже имеющихся противоречий. Местные СМИ и электронные издания транслируют диаметрально противоположную позицию, которая состоит в том, что фактически любой конфликт, где сторонами являются представители этнических меньшинств, является, соответственно, межэтническим. Следует заметить, что не каждый подобный конфликт можно считать таковым.

Таким образом, межэтнический конфликт конструируется так же, как и другие составные части социального бытия, и знания, реакции и действия отдельных людей и социальных групп по поводу подобных конфликтов являются непосредственным результатом воздействия медийных практик социального конструирования. В создании межэтнического конфликта как конструкта значительную роль играют средства массовой информации. СМИ, воздействуя на общественное сознание посредством использования расистского дискурса, могут не только послужить инструментом сглаживания межнациональных и межэтнических противоречий, но и вызывать открытые конфликты и разжигать их *намеренно* в интересах отдельных личностей, политических объединений, групп интересов, этнических лобби, либо провоцировать их ненамеренно ввиду некомпетентности или иных причин.

Литература

1. Кугай А. И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 132–137.
2. Малахов В. С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне / В. С. Малахов // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 115–138.
3. Осипов А. Расизм в языке социальных наук / А. Осипов // Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. СПб. : Алетейя, 2002. С. 45–68.

4. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* / R. Wodak, M. : Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.
5. Wodak R. *Discourse and Racism: European Perspectives* / R. Wodak, M. : Reisigl Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 175–199.

References

1. Kugai A. I. *Space of a Repressive logocracy* [Prostranstvo repressivnoi logokratii Administrative consultation [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. № 1. P. 132–137.
2. Malakhov V. S. *Racial views after racism: a case of Russia on the all-European background* [Rasovy obraz myslei posle rasizma: sluchai Rossii na obshcheevropeiskom fone] V. S. Malakhov. Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them ... [Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya. Kakimi my ikh uvideli...] M. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie], 2013. P. 115–138.
3. Osipov A. *Racism in language of social sciences* [Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk] / A. Osipov Constructing of the ethnic conflict and a racist discourse [Konstruirovanie etnicheskogo konflikta i rasistskii diskurs]. SPb. : Aletheia, 2002. P. 45–68.
4. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* R. Wodak, M. Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.
5. Wodak R. *Discourse and Racism: European Perspectives* / R. Wodak, M. Reisigl Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 175–199.

Социологические аспекты риска в управлении маркетинговой деятельностью

Корезин Александр Сергеевич

Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры налогообложения
Доктор экономических наук
aleckor@yandex.ru

Мурашов Сергей Борисович

Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России (Санкт-Петербург)
Ректор
Доктор социологических наук
murashov@nalogprof.ru

РЕФЕРАТ

В статье, в аспекте социологии риска, исследуется проблема рисков, связанных с управлением маркетинговой деятельностью компаний. Обосновывается, что данная категория рисков обусловлена влиянием социумного и индивидуального человеческого факторов, в силу чего на первый план выдвигается задача разработки инструментов своевременного выявления и превенции таких факторов в маркетинговом процессе. Авторы полагают, что включение социумных исследований рисков в маркетинговые исследования и формализация требований к документированию соответствующих процессов и результатов может помочь маркетологам ограничить потенциальные возможности влияния неблагоприятных социогенных факторов на качество управленческих решений в области маркетинга и результативность их реализации. В статье приводится авторская трактовка типологии маркетинговых рисков, проясняются цели и особенности планирования исследований социогенных рисков в маркетинге, особенности составления официального документа — брифа на проведение комплексных маркетинговых исследований с учетом рисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социология маркетинга, социология риска, риски человеческого фактора, общество риска, маркетинговые исследования, маркетинговые риски, классификация маркетинговых рисков

Korezin A. S., Murashov S. B.

Sociological Aspects of Risk in Marketing Management

Korezin Alexander Sergeyevich

North-West institute of professional development of Federal Tax Servants of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor Department of Taxation
Doctor of Science (Economics)
aleckor@yandex.ru

Murashov Sergey Borisovich

North-West institute of professional development of Federal Tax Servants of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Rector
Doctor of Science (Sociology)
fristile@list.ru

ABSTRACT

In an article in the aspect of the sociology of risk, examines the problem of the risks associated with the management of marketing activities. It is proved that this category of risk due to the influence of social and individual human factors, whereby the main task of developing tools

timely detection and prevention of such factors in the marketing process. The authors believe that the inclusion of research sociogenic risk market research and formalization of requirements for documenting processes and outcomes can help marketers to limit the potential impact of unfavorable factors sociogenic quality management decisions in the field of marketing and effectiveness of their implementation.

The article offers some basic definitions that reveal the specifics of marketing risks, given the author's interpretation of the typology of marketing risks, clarify the purpose and features of planning studies sociogenic risks in marketing, particularly drawing up an official document – the brief to conduct comprehensive market research, taking into account risks.

KEYWORDS

marketing sociology, risk sociology, human factor of risk, risk society, marketing research, marketing risks, categorization of marketing risks

В последнее десятилетие можно наблюдать конвергенцию в различных сферах общественной и экономико-управленческой деятельности и соответствующих отраслях знаний, появление исследований, выполненных на стыке научных дисциплин, направленных на поиск и решение междисциплинарных проблем. Так, нетрудно заметить сближение социологии и управления рисками (рискологии), социологии и маркетинга, следствием чего явились такие отрасли знаний, как социология маркетинга и социология риска [1–3; 5].

Выбор стратегий социологического исследования проблем управления и методология исследования становятся предметом изучения в научной литературе по социологии управления и маркетингу. Здесь уместно упомянуть одну из фундаментальных работ на эту тему [4], в которой акцент делается на методы проведения социологических диагностических исследований, осмысление ряда актуальных подходов к рационализации и модернизации традиционных, устоявшихся во многих отечественных компаниях и государственных структурах систем управления.

В сфере управления маркетингом социологическим исследованиям отводится очень важная роль, так как только с их помощью можно выявить покупательские предпочтения и особенности восприятия продаваемой продукции разными группами потребителей. Выяснение социологических факторов потребительских интересов, их структуры и тенденций изменения — неотъемлемый компонент любого маркетингового исследования.

Маркетинговые исследования, более или менее масштабные, предпринимаются практически любой компанией, планирующей вывод на рынок новой продукции или модификации существующей. Соответственно, такие исследования необходимы как на этапе проектирования, так и на различных стадиях жизненного цикла продукта. Это особенно критично на этапе маркетингового проектирования, поскольку в этом случае стоит вопрос о целесообразности создания самого нового продукта, так как неизвестно, как он будет воспринят потребителем и будет ли на него достаточный спрос, и в каких группах населения. Только после прояснения этих вопросов имеет смысл начинать любую маркетинговую разработку.

Несмотря на то, что сказанное кажется вполне естественным, практика маркетинга многих компаний свидетельствует об обратном: нередко сначала разрабатывается какой-либо продукт, и только после этого компания ищет для него потребителей — рынки и сегменты, куда находятся возможности «пристроить» продукт. В таких случаях маркетинговый процесс редко бывает успешным, так как не проводится предварительный глубокий анализ социологических факторов потребительских интересов, установок и мотиваций к покупке данного продукта, ввиду чего структура и объем спроса определяются большим количеством случайных факторов, заблаговременно в маркетинговом проекте не учтенных. Иначе говоря, речь идет о выявлении социогенных рисков (рисков, генерируемых потребительским

социумом), с которыми сталкивается практически любая компания в управлении своими маркетинговыми процессами, особенно предпринимая запуск на рынки нового продукта или репозиционирующая старый продукт, находящийся на стадии насыщения и спада.

Специфические риски, связанные с управлением маркетингом, можно определить как маркетинговые риски. Специфика их в следующем. С точки зрения социологии риска риски генерируются «обществом риска» [1; 5]. В системе социально-экономических отношений таким обществом будет являться тот или иной социум, т. е. сообщество индивидуумов или организаций, объединенное на основе общности социально-экономических интересов. В этом контексте надо выделить деловой социум (подразделяемый на различные отраслевые социумы, вплоть до отдельных корпораций), потребительский социум (также подразделяемый в процессе, например, сегментирования), а также и другие сообщества микро- и макросреды маркетинга, с которыми субъекты хозяйствования вступают во взаимоотношения (например, медийный социум).

В рамках такого подхода правомерно говорить о том, что любое из упомянутых сообществ представляет собой «социум риска». При этом риски обуславливаются целями его существования как целостной формации и целями индивидов, его составляющих, обусловленных социумными интересами, их тенденцией к столкновению или гармонизации. В целом, все это можно описать в характеристиках социумной культуры, особенности развития которой во многом и определяют интенсивность «производства» рисков в рамках того или иного сообщества.

Учитывая, что каждый социум вступает во взаимоотношения с другими, обладающими собственными целями, интересами и культурой, как правило, неизбежны их критические рассогласования и столкновения, что понимается как межсоциумные риски. Таким образом, с точки зрения социологии риска, применительно к сфере социально-экономической (в нашем контексте — маркетинговой) деятельности, любая организация, в том числе любой хозяйствующий субъект, очевидно, представляет собой «социум риска» (что в терминах компаний понимается как «корпорация риска»), имеющий свои деловые интересы, бизнес-цели и корпоративную культуру. При этом его внутренние и внешние риски по своей природе социогенны.

Рассматривая маркетинговую деятельность компании в аспекте социологии риска, нужно иметь в виду две вещи:

- а) так как это управленческая деятельность (а не производственная), осуществляемая в рамках организационной системы управления, то риски, свойственные ей, обусловлены преимущественно организационной культурой и культурой управления;
- б) реализация стратегических и тактических планов маркетинга связана в основном с управлением взаимоотношениями с потребителями и другими участниками рынка, обеспечивающими сбыт продукции; поэтому риски также обусловлены возможными неблагоприятными для компании изменениями в таких взаимоотношениях.

В этом, собственно, заключается специфика рискованной среды, в которой протекают процессы маркетинга. Для обеспечения заданной результативности любого маркетингового процесса, эту среду, очевидно, нужно исследовать и контролировать. Между тем, на практике такой подход осуществляется далеко не всегда и не всеми компаниями.

Нельзя сказать, что компании вообще не принимают во внимание факторы риска при маркетинговом планировании. Проблема в другом: не проводится предварительное выявление, изучение и анализ рисков в маркетинговых исследованиях, не просчитываются риски взаимоотношений с посредниками и поставщиками [2; 9;

7; 9]. А поскольку такие процедуры не включаются ни в маркетинговые исследования, ни в маркетинговое планирование, риски естественным образом выпадают из поля зрения при принятии управленческих решений. Следует сказать больше: по мнению авторов, ни зарубежные, ни российские компании в своей маркетинговой деятельности пока не управляют рисками на системной основе, проблема существования неких специфических рисков, сопутствующих этому виду управленческой деятельности, практически игнорируется — нет классификаций рисков, методов их выявления и анализа, нет и концепций управления данной категорией рисков [2; 6; 7; 9].

Такое положение вещей, как показывает практика, нередко отрицательно сказывается на эффективности и стабильности бизнеса [6; 8; 9], приводит к снижению результативности продуктовых стратегий компаний, неоправданно завышенным ожиданиям относительно спроса на выводимую на рынок продукцию, непредвиденному сокращению объемов продаж, в конечном счете — к ущербу брендам и корпоративной репутации [6; 9]. Маркетинговые риски, характеризующие ожидания компаний относительно востребованности, продаваемости их продуктов, возможного изменения лояльности клиентов их брендам, должны стать объектом систематического изучения и пристального внимания со стороны всех лиц, принимающих маркетинговые решения в компаниях.

Справедливости ради нужно отметить, что проблема наличия рисков, связанных с управлением маркетингом, уже затрагивается в некоторых публикациях, однако это лишь отдельные аспекты [2; 10] или единичные высказывания, сделанные, преимущественно, в контексте описания неудачных маркетинговых стратегий и провалившихся маркетинговых планов [6; 8; 9]. Учитывая вышеизложенное, в данной статье предпринимается попытка предложить основные подходы к решению поставленной проблемы; прежде всего, необходимо сформулировать основные положения, отражающие особенности данной области управления, и предложить принцип типологизации неблагоприятных событий, понимаемых как маркетинговые риски.

Сформулируем ряд определений, составляющих основу понимания рисков, о которых идет речь.

Маркетинговый риск: непредвиденное субъектом управления маркетингом событие, а) неблагоприятно сказывающееся на восприятии рынком и продаваемости определенного продукта или бренда; б) нарушающее запланированное течение процесса реализации маркетинговой программы, создающее барьеры на пути применения предусмотренного в плане инструмента маркетинга.

Объект маркетингового риска: а) продукт или услуга как ключевой элемент маркетинговой стратегии и политики компании; возможность продаваемости такого продукта, услуги; б) компонент комплекса маркетинга, предусмотренный в маркетинговом плане.

Характеристики маркетингового риска: критичность (степень влияния на результативность маркетингового процесса), возможность контроля (локализации или исключения факторов риска), затраты на осуществление контроля.

Идентификация маркетингового риска: выявление потенциально возможного события, понимаемого как риск, связанный с маркетинговой деятельностью, и отнесение его к определенному классу в соответствии с принятой классификацией рисков в системе управления маркетингом. Идентификация маркетинговых рисков осуществляется на этапах маркетингового исследования и маркетингового планирования.

С точки зрения маркетинга отдельной производственной компании, неблагоприятные экономические последствия событий, понимаемых как маркетинговые риски, выражаются в следующем: потеря лояльности ключевого клиента(-ов), критичных

для компании по их вкладу в оборот; сокращение притока клиентов ниже критического уровня (потеря существенной доли рынка и возникновение барьера при попытке переключения на другой рынок с тем же продуктом).

Количественно экономические последствия рассматриваемых рисков можно оценить как неблагоприятные для компании изменения ключевых маркетинговых показателей, таких как: выручка (годовой оборот), доля рынка — продажи компании по отношению к общему объему продаж на рынке/в сегменте (в натуральном и денежном выражении), частота (периодичность) клиентского контакта, средний объем сделки (покупки) (в натуральном и денежном выражении), доля ключевого продукта (категории) в выручке (в процентах и в денежном выражении), доля ключевого продукта (категории) в прибыли (в процентах и в денежном выражении), доля ключевых клиентов (групп клиентов) в обороте (в процентах и в денежном выражении), доля ключевых клиентов (групп клиентов) в прибыли (в процентах и в денежном выражении), маркетинговая составляющая рентабельности продаж.

Для установления соответствий между каким-либо типом риска, связанного со стадиями маркетингового процесса, и перечисленными выше показателями (их критическими отклонениями), в маркетинговой службе компании необходимо организовать систему идентификации и контроля факторов рисков, а также разработать и внедрить в практику управления инструменты, позволяющие фиксировать и описывать вышеупомянутые соответствия.

Далее считаем целесообразным привести возможную трактовку типологии маркетинговых рисков по принципу связанности различных типов рисков со стадиями процесса маркетинга (таблица). По каждому типу риска в таблице даны необходимые пояснения.

Нетрудно заметить, что практически все описанные выше маркетинговые риски, являющиеся по своей природе социогенными, определяемые особенностями социальной и управленческой культуры, не подлежат управлению традиционными методами риск-менеджмента — посредством страхования или хеджирования; следовательно, на первый план выходит задача выявления факторов рисков на стадии маркетинговых исследований и на стадии стратегического планирования маркетинга, с целью их превенции или локализации (ограничения влияния).

Несмотря на то, что уже довольно давно П. Друкером был выдвинут тезис о том, что самая, пожалуй, главная задача маркетинга — изучить потребителя до такой степени, чтобы сделать усилия по сбыту продукции практически ненужными, большинство компаний до сих пор придерживаются обратного: они делают ставку на мероприятия по стимулированию сбыта и рекламу при минимизации усилий и затрат на маркетинговые исследования. Не так уж редки случаи, когда такие исследования не проводятся вообще или проводятся по принципу «Quick&Dirty» («на скорую руку») [7; 9; 10]. Результат — невозможность предсказать изменчивость в восприятии и поведении целевого потребительского социума приводит к неблагоприятным колебаниям спроса и неэффективности маркетинговых процессов.

Вывод из этого такой, что необходимо не только приоритезировать социологический аспект маркетинговых исследований, но и включать в них на регулярной основе исследования социогенных рисков. Причем, на наш взгляд, в эти исследования целесообразно включать не только потребительские группы, но и другие социумы риска, с которыми данная компания имеет взаимоотношения, т. е. торговых посредников (включая логистические компании), поставщиков вспомогательных материалов, упаковки, дизайнерских услуг, аксессуаров (необходимых для придания продуктовым брендам наиболее привлекательного, разработанного бренд-стратегиями облика), а также средства массовой информации, ориентированные на освещение событий в данной отрасли экономики. На практике это означает, что бриф на любое марке-

Распределение рисков по стадиям маркетингового процесса

Стадия маркетингового процесса	Типы сопутствующих рисков
Маркетинговое исследование	<ul style="list-style-type: none"> • Риски управления исследовательским проектом (возможное невыявление критичных рисков); • стратегические коммуникационные риски (возможные неблагоприятные изменения в деловых взаимоотношениях в долгосрочной перспективе)
Разработка стратегического плана маркетинга	<ul style="list-style-type: none"> • Управленческие риски (персональный человеческий фактор руководителей, обусловленный культурой управления); • стратегические конкурентные риски (возможные действия конкурентов, могущие произойти в долгосрочной перспективе и негативно влияющие на реализацию маркетинговой стратегии компании); • стратегические коммуникационные риски (возможные неблагоприятные изменения в деловых взаимоотношениях в долгосрочной перспективе)
Разработка тактического плана маркетинга и инструментария операционного маркетинга (маркетинг-микс)	<ul style="list-style-type: none"> • Управленческие риски (персональный человеческий фактор руководителей, обусловленный культурой управления); • операционные конкурентные риски (возможные действия конкурентов, могущие произойти в краткосрочной перспективе, и негативно влияющие на реализацию тактического плана маркетинга компании); • риски маркетинга-микс (факторы микросреды маркетинга, снижающие эффективность применения какого-либо из инструментов маркетинга-микс)
Реализация планов маркетинга	<ul style="list-style-type: none"> • Риски персонала (человеческий фактор исполнителей, снижающий результативность маркетингового процесса); • операционные риски взаимоотношений с потребителями, поставщиками и торговыми посредниками (факторы операционной среды маркетинга, снижающие эффективность деловых и маркетинговых коммуникаций для компании)
Контроль реализации планов	<ul style="list-style-type: none"> • Управленческие риски (неполная или неверная оценка причин несоответствия фактической результативности маркетинга плановой; неадекватные выводы о способах изменения стратегии и тактики маркетинга)

тинговое исследование должен содержать раздел, посвященный определению целей, задач и методов исследования соответствующих социогенных рисков.

Прежде чем прояснить вопрос о том, какие рискологические аспекты следует включить в традиционный маркетинговый исследовательский бриф, дадим интерпретацию типов рискологических исследований, соответствующих каждому из основных четырех типов маркетинговых исследований: разведочных, описательных, каузальных и мониторинговых.

1. Маркетинговая рискологическая разведка

Цели:

- изучить культуру потребления в целевых социумах;
- изучить культуру бизнеса в деловых социумах, с которыми компания вступает в деловые взаимоотношения;

- выявить новые виды рисков, потенциально возможные в заданной области исследования — определенных социумах: потребительских и деловых;
- собрать информацию, необходимую для последующего выявления факторов рисков, в том числе составления анкет, являющихся инструментом их выявления;
- по деловым сообществам (контрагентам компании) — торговым посредникам и поставщикам (продукции и услуг для компании) — провести разведку на предмет выяснения уровня и особенностей культуры бизнеса;
- выдвинуть гипотезы о степени и характере рисков данного потребительского и/или делового социума.

Методы исследования: глубинные интервью и контент-анализ документированных источников любой информации, могущей служить основанием для выдвижения гипотез о степени и характере рисков данного потребительского и/или делового социума.

2. Статистические исследования рисков

Цели:

- описать признаки социогенности рисков в исследуемой группе потребителей;
- описать признаки социогенности рисков в исследуемых деловых сообществах, с которыми компания вступает в деловые взаимоотношения;
- определить степень изменчивости (степени устойчивости) восприятия конкретного вида продукции (категорий продукции) исследуемой группой потребителей;
- оценить потенциальную устойчивость взаимоотношений с посредниками и поставщиками, основываясь на изучении особенностей их социумной и бизнес-культуры, истории ведения бизнеса на данном рынке с другими контрагентами;
- описать степень изменчивости (степень устойчивости) социальных характеристик и поведенческих особенностей исследуемой группы потребителей.

Методы исследования: структурированные анкеты для выявления социогенных рисков, статистическая обработка данных анкет.

3. Каузальные (прогностические) исследования рисков

Цели:

- понять механизмы развития социогенных рисков в исследуемой группе потребителей;
- понять механизмы развития социогенных рисков в деловых социумах, с которыми компания вступает в деловые взаимоотношения;
- определить причины выявленной степени изменчивости потребительского восприятия конкретного вида продукции, а также поведенческих особенностей исследуемой группы потребителей. Установить зависимость между культурой потребления, социальными и психологическими характеристиками потребителей и особенностями покупательского восприятия и поведения;
- установить зависимость между бизнес-культурой деловых социумов и надежностью деловых коммуникаций;
- спрогнозировать возможные, обусловленные культурой потребления неблагоприятные изменения покупательского восприятия и поведения по конкретному исследуемому продукту в исследуемом потребительском социуме;
- спрогнозировать возможные проблемы установления взаимоотношений с определенными посредниками и поставщиками (в долгосрочной и краткосрочной перспективе), предусмотреть возможности переключения на других посредников и поставщиков.

Методы исследования: специализированные опросы, экспериментальные исследования, моделирование факторов рисков восприятия и поведения потребителей.

4. Мониторинг управления маркетинговыми рисками

Цель: сравнение текущей ситуации маркетингового риска компании с той, которая прогнозировалась в каузальном исследовании и зафиксирована в плане маркетинга.

Методы исследования: система индикаторов мониторинга факторов рисков и методики анализа отклонений.

Далее рассмотрим, какой должна быть структура брифа на маркетинговые рискологические исследования. На основании изучения аналогичных брифов по стандартным маркетинговым исследованиям [7; 10], а также исходя из специфики целей, задач и методов соответствующих социумных исследований рисков, можно предложить следующую интерпретацию основных разделов такого брифа.

1. Изложение подлежащих изучению проблем маркетинга, обусловленных, по мнению руководства компании и маркетолога, влиянием специфических социогенных факторов.
2. Предварительная оценка руководством потенциальных возможностей организации по преодолению данных проблем.
3. Прояснение управленческих решений, которые должны быть приняты для ограничения влияния социогенных факторов риска в маркетинговой деятельности.
4. Наличие барьеров, делающих несвоевременным, неуместным или невозможным принятие и реализацию указанных решений в настоящий момент.
5. Определение характера, объема и качества дополнительной информации, необходимой и достаточной для принятия решений.
6. Постановка целей и задач предстоящего исследования маркетинговых рисков компании.
7. Выбор предполагаемого типа исследования маркетинговых рисков.
8. Определение размера бюджета, выделяемого на исследования маркетинговых рисков, обуславливающего финансовые ограничения на объем предстоящей исследовательской работы.
9. Определение сроков представления исполнителем отчета о результатах проведенного исследования.

Для прояснения содержательной части брифа, ответственное лицо — исполнитель (официальный представитель сторонней организации или исполнительный директор по маркетингу компании) может провести интервью с заказчиком — руководством компании. Все вопросы, включаемые в интервью, могут быть сгруппированы в несколько блоков, например, целесообразно предусмотреть следующие.

I. История и специфика подлежащей исследованию проблемы. Истинные побудительные мотивы для инициации исследования маркетинговых рисков. Наличие предыдущих аналогичных исследований и их результаты. Что дало использование этих результатов в управлении маркетингом. Факторы социальной и культурной среды внутреннего (корпоративного) и внешних (потребительских, контрагентных, посреднических) социумов: что оказывает определяющее влияние на риски маркетинговой среды компании. Неотложность и серьезность (критичность) задач, подлежащих решению в ходе предстоящего маркетингового исследования рисков.

II. Специфика разработки и принятия решений в области маркетинга. Учет рисков в таких решениях. Характеристика управленческой культуры в сфере маркетинга компании. Специфические черты процесса принятия маркетинговых решений в компании. Способы учета рисков при разработке маркетинговых решений. То же в разрезе стратегических, тактических и операционных решений. Заинтересованные стороны в предполагаемом исследовании маркетинговых рисков.

III. Специфика собираемой информации, требуемой для принятия маркетинговых решений с учетом рисков. Наличие в компании информации, которая уже может быть использована в управлении маркетинговыми рисками (ее объем, качество). Реальные возможности получения дополнительной информации о маркетинговых рисках силами менеджмента компании. Ключевые понятия (глоссарий), используемые в системе управления маркетингом (в том числе в области управления марке-

тинговыми рисками). Ключевые переменные (показатели), используемые в системе управления маркетингом (в том числе в области управления маркетинговыми рисками). Требования к собираемой информации о рисках системы маркетинга: точность, степень углубления, охват.

IV. Соответствие типа предполагаемого исследования рисков в системе маркетинга, его масштаба и стоимости. Пространственно-территориальный охват исследования. Размер бюджета, выделяемого на проведение исследовательских работ. Сроки проведения работ. Соотношение качественной и количественной информации о маркетинговых рисках.

Отметим, что такой род весьма узко специализированной исследовательской работы, как исследование рисков в сфере маркетинга, должен быть поручен профессионалам в данной области, а именно: специализированным агентствам по маркетинговым исследованиям, если они имеют сотрудников, обладающих необходимыми и достаточными для этого компетенциями; специализированным консалтинговым фирмам (в зарубежной практике существуют также специализированные фирмы риск-консалтинга); собственным сотрудникам (обладающим соответствующими компетенциями) внутренних маркетинговых служб компаний, в случае отсутствия на рынке исследовательских и консалтинговых услуг аутсорсинга управления рисками.

Итак, включение социумных исследований рисков в маркетинговые исследования и формализация требований к документированию процесса планирования таких исследований, может, как нам представляется, помочь маркетологам ограничить или нейтрализовать влияние неблагоприятных социогенных факторов на качество принимаемых управленческих решений и результативность их реализации.

В заключение отметим, что к решению проблемы рисков в управлении маркетинговой деятельностью можно подходить с разных сторон, учитывая, что для данной категории рисков, где определяющую роль играет человеческий фактор, не существует традиционных и отработанных инструментов контроля. Не приходится сомневаться лишь в следующем. В связи с тем, что в настоящее время мы живем в постиндустриальном «обществе риска», а любая социально-экономическая система (макро-, мезо- или микроуровня), в соответствии с ее территориальным, социальным и экономическим охватом, функционирует также в своем специфическом «социуме риска», проблемы социологии риска все более актуализируются, равно как и необходимость системного перехода в управлении маркетинговой деятельностью к осуществлению упомянутого выше тезиса П. Друкера о главном предназначении маркетинга.

Литература

1. Жмайло А. И. Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2008. № 21(121). Вып. 11. 83–89 с.
2. Корезин А. С. Методологические аспекты риск-менеджмента организаций : монография. СПб. : ГУМРФ им. адм. С. О. Макарова, 2014.
3. Рощина Я. М. Социология потребления. М. : НИУ ВШЭ, 2008.
4. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / редкол.: А. В. Тихонов (отв. ред.) [и др.]. М. : Канон-1, РООИ «Реабилитация», 2010.
5. Яницкий О. Н. Социология риска : монография. М. LVS, 2003.
6. Berry T. «Product and Brand Failures: A Marketing Perspective» [Electronic resource]. URL: <http://articles.bplans.com/product-and-brand-failures-a-marketing-perspective/>
7. Castell S., Thompson J. «Fair trade research», Market Research Society, Annual Conference, Brighton. 2005.
8. McMurtry J. Big Business Marketing for Small Business Budgets, McGraw-Hill. 2003.
9. Robert F. Hartley, Cindy Claycomb. Marketing Mistakes and Successes, Wiley. 2014.

10. Smith D., Fletcher J. *The Art and Science of Interpreting Market Research Evidence*. Chichester: John Wiley&Sons. 2004.

References

1. Zhmaylo A. I. *Social risk as indicator of social transformation of modern society* [Sotsial'nyi risk kak pokazatel' sotsietal'noi transformatsii sovremennogo obshchestva] // Messenger of the Southern Ural State University [Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta]. Series: "Social humanities", 2008, N 21 (121). V. 11. 83–89 p.
2. Korezin A. S. *Methodological aspects of a risk management of the organizations* [Metodologicheskie aspekty risk-menedzhmenta organizatsii] : Monograph. SPb. : SUSRF of S. O. Makarov [GUMRF im. adm. S. O. Makarova], 2014.
3. Roshchina Ya. M. *Sociology of consumption* [Sotsiologiya potrebleniya]. M. : NRU HSE [NIU VShE], 2008.
4. *Sociology of management: strategy, procedures and researches results* [Sotsiologiya upravleniya: strategii, protsedury i rezul'taty issledovaniy] Editorial board: A. V. Tikhonov (executive editor) [etc.] M. : Canon "1" RSOI "Rehabilitation" [Reabilitatsiya], 2010.
5. Yanitsky O. N. *Sociology of risk* [Sotsiologiya riska] : Monograph. M. : Publishing house LVS, 2003.
6. Berry T. «*Product and Brand Failures: A Marketing Perspective*» [Electronic resource]. URL: <http://articles.bplans.com/product-and-brand-failures-a-marketing-perspective/>
7. Castell S., Thompson J. «*Fair trade research*», Market Research Society, Annual Conference, Brighton. 2005.
8. McMurtry J. *Big Business Marketing for Small Business Budgets*, McGraw-Hill. 2003.
9. Robert F. Hartley, Cindy Claycomb. *Marketing Mistakes and Successes*, Wiley. 2014.
10. Smith D., Fletcher J. *The Art and Science of Interpreting Market Research Evidence*. Chichester: John Wiley&Sons. 2004.

Особенности использования компетентностного подхода при отборе менеджеров на предприятиях торговли

Десфонтейнес Лариса Григорьевна

Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет
Доцент кафедры менеджмента
Кандидат психологических наук
lja2@yandex.ru

Семенова Юлия Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет
Доцент кафедры менеджмента
Кандидат экономических наук
semenjulia69@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются требования к современному менеджеру с позиций компетентностного подхода. Подробно описываются характеристики личности менеджера, которые необходимы для эффективного управления торговой организацией. Исследуются положительные стороны стандартов компетенций и недостатки этого подхода. Рассмотрены наиболее типичные ошибки менеджеров и причины их возникновения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

компетенция, личность, способность, деятельность, менеджер, принятие решений, эффективное управление, интеллект

Desfontaines L. G., Semenova Yu. E.

Features of the Use of Competence-Based Approach in the Selection of Managers for the Trade

Desfontaines Larisa Grigorievna

Saint-Petersburg State University of Trade and Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Management
PhD in Psychological Science
lja2@yandex.ru

Semenova Yuliya Evgenievna

Saint-Petersburg State University of Trade and Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Management
PhD in Economics
semenjulia69@mail.ru

ABSTRACT

The article focuses on the requirements of a modern manager with the positions of the competence approach. Describes in detail the characteristics of the personality of the Manager, which are necessary for the effective management of commercial organization. Explores the positive side of the standards of competence and disadvantages of the approach. The most common mistakes managers and their causes.

KEYWORDS

competence, character, ability, activity, manager, decision making, effective management, intelligence

Проблема отбора менеджеров возникла давно. Если рассмотреть историю развития этого вопроса, то можно выделить несколько периодов, связанных со становлением таких научных направлений, как менеджмент, психология управления, промышленная психология и управление персоналом.

Первый период в развитии методологии отбора менеджеров характеризуется технократическим подходом, инициированным промышленной революцией (1870–1920). Задача менеджера того времени заключалась в повышении производительности труда работников промышленных предприятий. Революционные процессы в промышленности требовали производства массовой серийной продукции хорошего качества. Эта задача определила взгляды на управленческий труд, организацию деятельности работников и систему взаимодействия менеджеров разного уровня.

С целью повышения производительности труда работников промышленных предприятий менеджер опирался на строгую дисциплину и контроль. Требования, предъявляемые технико-экономическим развитием общества того периода, пробудили к жизни соответствующие теории управления. Основные принципы управления сформулировал родоначальник теории научного управления Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915). В своих работах он доказывал, что опираться только на личный опыт в управлении менеджер не может. Необходима система научного управления. Ядром теории Ф. У. Тейлора стало нормирование труда, что явилось ответом на запросы современного производства.

Идеи Тейлора повлияли на утверждение результатов «революции менеджеров». Гаррингтон Эмерсон (1853–1931) разработал и описал методику максимальной эффективности управления. Основная идея Г. Эмерсона актуальна и в современном управлении — максимальные результаты труда при минимальных усилиях как работников предприятия, так и менеджеров, организующих их труд. Наряженный труд не всегда бывает эффективным и производительным. Истинная производительность достигается при сокращении напряжения и минимизации энергетических затрат. Двенадцать принципов организации труда Г. Эмерсона используются в деятельности современных менеджеров.

Во времена промышленной революции и «революции менеджеров» появляется психологическое направление, называемое «психотехника». Система научного управления требовала отбора не только на рабочие специальности, но и управленцев. Значение психологических характеристик личности для бизнеса, рекламы, профессиональной подготовки и управления персоналом описаны Хьюго Мюнстербергом (1863–1920). Психотехника пыталась решить проблемы кадрового отбора в промышленности и армии, измерить индивидуальные различия с целью прогноза успешности профессиональной деятельности.

Первая мировая война дала импульс для развития профотбора. Ученик В. Вундта Уолтер Дилл Скотт (1869–1955) в те годы осуществляет отбор в армию для определения квалификации солдат. После войны он открывает в США первую консалтинговую компанию по профотбору персонала. В дальнейшем развиваются в рамках бихевиоризма такие направления прикладной психологии, как потребительское поведение и реклама бизнеса.

С появлением специализированных консалтинговых компаний связан второй период в развитии отбора руководителей (1930–1970). В практической деятельности менеджеров предприятий накапливались проблемы, которые невозможно было решить с помощью технократических методов управления, господствовавших в крупнейших корпорациях и считавшихся основным условием эффективности управления в то время. Раскрыты и обобщены эти проблемы были Элтоном Мэйо (1880–1949) в результате проведенных известных экспериментов на предприятиях с 1924 по 1936 г., получивших название Хоторнских [1, с. 57].

Мэйо сформулировал принципы новой научной теории — теории «человеческих отношений», доказавшей новые методы управления с учетом человеческого фактора, который является эффективным рычагом повышения производительности. Предметом управления менеджеров становится не абстрактная группа работников, а структурированные отношения между ними и отношения между рабочими группами, во многом определяющие характер поведения и производительность труда.

После Второй мировой войны активно развиваются социальные науки, повышается интерес к внутригрупповым процессам в обществе. Как следствие этого интереса появляется теория Дугласа Мак-Грегора (1906–1964), посвященная мотивации труда. Мак-Грегор подвергает критике как теорию Тейлора, так и теорию Мэйо, считая их «твердым» и «мягким» подходами к управлению. Исследования проблем управления в нескольких крупных компаниях США («General Mills», «General Electric» и др.) позволили Д. Мак-Грегору сделать вывод о необходимости формирования у работников мотивации, направленной на удовлетворение не только физиологических и социальных потребностей, но и личностных. Низкая эффективность деятельности работников связана, по мнению Мак-Грегора, с ошибками в деятельности менеджеров компаний или в системе менеджмента в целом. Возникает проблема отбора и подготовки менеджеров, способных по-новому работать с персоналом.

В 1970-е гг. возрастает роль профессиональной квалификации менеджера, повышаются требования к его деятельности и его личной ответственности за результат работы подчиненных. Научные и практические исследования в области управления выделяют деятельность менеджера как особый вид профессиональной квалификации, требующий развития качеств личности и мировоззрения. С этого периода в развитии отбора руководителей профессия менеджера рассматривается как мировоззренческая, требующая отбора кандидатов и описания профессионально важных качеств личности.

Современный этап развития профотбора предполагает высокую индивидуальную активность и гибкость в управленческих решениях менеджеров. Изменчивость бизнес-среды предъявляет к руководителям высокие требования, целью которых является способность к управлению предприятием и достижение конкурентных преимуществ. Современный менеджер должен обладать рядом качеств, обеспечивающих гибкость адаптации к переменам и скорость реакции на них. Поэтому менеджеры высшего звена или, как принято их называть, топ-менеджеры, подвергаются сильному давлению, как со стороны объективной бизнес-реальности, так и со стороны собственной личности, взаимодействующей с другими людьми и поддерживающей свой функциональный авторитет в коллективе.

Процесс управления для топ-менеджеров становится процессом балансирования на грани между требованиями бизнес-среды и обеспечением управляемости коллектива. Законы рынка и конкуренции заставляют собственников искать профессиональных управленцев, способных легко и без проблем повысить конкурентный потенциал предприятия. Выработываемый стиль действий руководителя всегда имеет индивидуальный характер: некоторые руководители склонны к осторожности и сбору всесторонней информации для оценивания ситуации на предприятии и в среде партнеров, они не стремятся к радикальным решениям и резким оценкам. Другие — наоборот, стараются использовать скорость и стремительность в решениях для поддержания активности и жизнеспособности предприятия. Но, в любом случае, менеджеры будут стараться произвести благоприятное впечатление на своих работодателей, внушить доверие коллективу, определить основные проблемы, стоящие перед предприятием, сформулировать стратегические цели развития бизнеса [3, с. 24].

Рекомендации по эффективному управлению по-разному используются менеджерами и ведут к различным результатам. Различие в результатах можно объяснить

человеческим фактором или мерой развития способности к управлению у разных людей. Известно, что способный руководитель может в самых неблагоприятных условиях бизнес-среды вывести предприятие из критической ситуации с минимальными потерями, а то и с увеличением потенциала.

Менее способный руководитель всегда будет ссылаться на объективные внешние или внутренние факторы, которые мешают в работе и тормозят осуществление верных по сути решений. Разница в управленческой способности менеджеров, как правило, объясняет эффективность одного и трудности и препятствия на пути другого руководителя. Можно сказать, что требования к профессиональной деятельности топ-менеджера стандартны и равны, но эффективность деятельности каждого руководителя — индивидуальна и с трудом предсказуема. Рассмотрим подробно требования, предъявляемые современной наукой к менеджерам.

Изменения в требованиях к профессиональной деятельности менеджеров, произошедшие в последние 20 лет, позволили говорить о современных руководителях как транспрофессионалах. Определение транспрофессиональной работы у Т. Ю. Базарова звучит следующим образом: «...комплексирование методов, средств, способов мышления и деятельности под конкретную проблемную ситуацию, не имеющую стандартных вариантов решения...» [5, с. 11]. Основные требования к отбору менеджеров: гибкость мышления; скорость принятия решений; способность работать в разных профессиональных средах; незначительная ценность собственного статуса в организационной структуре; мобильность стиля деятельности для комплексного решения проблем.

К проблемам поиска транспрофессионалов в менеджменте сотрудники кадровых служб подходят с позиций компетентностного подхода, т. е. при профотборе кандидатов на руководящие должности оценивают «уровень развития управленческих компетенций». Набор важных управленческих компетенций различен в разных организациях. Обобщение используемых в сфере торговли компетенций менеджера, в значительной степени определяющих его профессиональную успешность, позволяет выделить следующие.

1. Компетенция, связанная с уровнем квалификации — профессиональные знания, которые зависят от образования и профессионального опыта руководящей работы, хорошей осведомленности в областях деятельности, важных для успешного руководства (финансы, маркетинг, логистика и др.).

Можно заметить, что в начале своей карьеры некоторые руководители не могут соответствовать всем требованиям первой компетенции. Некоторые руководители не имеют высшего образования или имеют незаконченное высшее, а также недостаточного опыта в начале деятельности, хотя уже демонстрируют успехи в управлении и творческие решения проблем предприятия. Хорошая ориентация в смежных областях обеспечивается своевременным привлечением соответствующего специалиста. При оценке этой компетенции у руководителя не следует забывать старую истину: «Директор не должен быть самым умным человеком в кабинете». Успех в решении многих проблем может зависеть от привлечения к их решению опытных сотрудников [4, с. 30]. Возможен прием, при котором разъяснение смысла принятых решений исполнителям происходит с привлечением экспертов.

2. Следующая компетенция требует от руководителя умения оптимально подобрать кадры, эффективно использовать человеческие ресурсы. Менеджер должен обладать способностью к постановке целей и определению приоритетов, полномочий и ответственности; планированию работы подчиненных. Однако на практике руководители вынуждены заниматься подбором и расстановкой кадров быстро или вообще не заниматься этим вследствие дефицита времени, отсутствия квалифицированных специалистов в службе персонала, личного интереса к кадровой полити-

ке возглавляемого предприятия и т. д. Все перечисленные качества руководитель использует в своей деятельности, однако известны случаи, когда руководитель более или менее успешно справлялся с этой задачей, выполнял перечисленные требования компетенции, но эффективность деятельности возглавляемого им подразделения не повышалась, а иногда и становилась ниже.

Существует миф, что руководитель обязательно должен создать свою команду. Безусловно, руководителю необходимо сформировать сплоченную команду. Для этого он осуществляет подбор ее членов; создает условия для успешной ее работы; поддерживает на высоком уровне собственный авторитет в глазах членов команды; формирует у ее членов чувство приверженности к своей команде. Однако существует эффект самоорганизации управленческой системы, когда руководитель подбирает членов своей команды по своему образу и подобию. Поэтому, если его способность к управленческой деятельности невысока, то и члены команды будут подобны своему руководителю. Успеха от деятельности такой команды ожидать не приходится. Образование команды — процесс зачастую непростой и длительный. И здесь очень важно не форсировать события, присмотреться внимательнее к людям, по возможности, предоставить событиям идти естественным ходом. Зачастую новый руководитель пытается привести на предприятие «свою» команду, что не всегда бывает разумно как с точки зрения специфики работы нового предприятия, так и с точки зрения взаимоотношений с акционерами. Кроме того, это всегда создает дополнительную нервность в коллективе, неуверенность в завтрашнем дне у многих сотрудников, напряженную атмосферу.

3. Компетентностный подход требует от руководителя ориентироваться на результат деятельности своей организации, проявляя решительность в реализации намеченного; упорство при решении возникающих проблем, способность пойти на обоснованный риск в работе, поддерживая инициативы подчиненных и проявляя собственные инициативы в решении управленческих задач. Все это правильно, с этим трудно спорить. Известны случаи, когда молодые руководители, прошедшие курс тренинга по проблемам управления, но не имеющие способности к управленческой деятельности, так активно начинают работать над собой (сосредотачиваясь на результате деятельности), что это приводит их к нервному истощению и психосоматическим заболеваниям. Кроме того, не следует поддаваться соблазну продемонстрировать свою храбрость и силу. Как правило, на первых порах акционеры достаточно терпимо относятся к непопулярным в коллективе жестким решениям нового руководителя. Но впоследствии это может сыграть против топ-менеджера, если эффект от таких решений будет незначительным, а работники предприятия утратят доверие к руководителю, в коллективе воцарится напряженная атмосфера, и некоторые менеджеры среднего звена, возможно, даже начнут обоснованно жаловаться акционерам на нового руководителя.

Руководителю вменяется в обязанность никогда не отступать от логики событий, т. е. иметь высокие аналитические способности мышления, которые обеспечивают всестороннее рассмотрение проблемы и принятие адекватного решения. Для нахождения такого решения интеллектуальные процессы человека осуществляют сбор и анализ информации, выделение существенной информации и группировку информации по категориям; анализ проблемы, снижающей эффективность работы; разработку альтернативных решений; создание критериев оценки альтернатив и, в итоге, выбор оптимального решения [5, с. 7].

Несомненно, каждый руководитель анализирует ситуацию и принимает решения, но основная проблема заключается в выборе оптимального решения для данной ситуации. Функция оптимального выбора обеспечивается только способностью к интеграции разнородной информации. Иногда принятые руководителем решения не оцениваются коллегами как логичные, что вызывает критику и порицания в адрес

руководителя. Но нелогичность решений может быть следствием большой мыслительной работы в области синтеза слишком разнонаправленной информации, стремлением нивелировать эффект когнитивного диссонанса.

4. В качестве компетенции руководителя выделяют способность стандартизировать деятельность подчиненных, организовать использование ими рабочего времени с наибольшим результатом. Многие молодые руководители допускают ошибку, стремясь проявить эту компетенцию на практике, пытаясь в очень короткие сроки установить жесткие стандарты деятельности на предприятии. Практически это вряд ли возможно.

Работники компании и так, как правило, в данный период находятся в состоянии стресса, им крайне тяжело коренным образом перестроить свою деятельность в соответствии с новыми требованиями, существуют уже устоявшиеся бизнес-процессы и нормы, вполне возможно, есть «подводные камни», о которых пока не знает новый руководитель. Поэтому очень часто все эти новые правила и стандарты постепенно сходят на нет, видоизменяются, становятся необязательными. В худшем случае топ-менеджер столкнется с активным сопротивлением нововведениям, иногда тихим саботажем, но в любом случае — потратит колоссальное количество сил и времени. Разумнее было бы вводить изменения постепенно, но неуклонно, объясняя их необходимость всем сотрудникам.

5. В качестве обязательной компетенции руководителя выдвигается личностный рост и способность использовать собственный потенциал. Менеджер обязан планировать собственное рабочее время и уметь хорошо организовать свою собственную работу; поддерживать на высоком уровне собственную работоспособность, творческий потенциал. Молодые руководители часто допускают ошибки, форсируя модернизацию предприятия, но забывая о рефлексии и самооценке. Можно рекомендовать менеджерам направлять свое внимание не только на внешнюю среду. Обязательно надо оставлять время, чтобы проанализировать собственное поведение, стиль руководства, складывающиеся отношения с акционерами, распределение собственного рабочего времени. Автоматически это делают опытные руководители. Для молодого менеджера, только что вступившего в должность, рекомендуется оставлять время в конце рабочего дня для обобщения и оценки личных результатов, самоанализа и работы над ошибками, которые, конечно, будут неизбежны.

Все перечисленные навыки, умения и качества руководителя, которые определяются как компетенции, конечно, необходимы в работе. Развитию этих качеств способствует обучение, которое проходит быстрее и с большим эффектом тогда, когда учащиеся обладают интегративным свойством личности — общей способностью к управленческой деятельности. Любому педагогу известно, что учить можно всякого и всему, но эффект от обучения будет только тогда, когда ученик имеет предрасположенность к усвоению учебного материала.

Набор перечисленных компетенций, которые предлагается развивать руководителю, работающему на предприятии торговли, не является постоянным и законченным. Иногда требования к руководителю связывают с профессиональными знаниями в той сфере деятельности, где он функционирует. Однако можно предположить, что в качестве основного условия успешного управления в сфере торговли будет мировоззрение транспрофессионала. Это можно объяснить особенностями торговли, которые предъявляют повышенные требования именно к личностным особенностям менеджеров, а не только к специфическим профессиональным знаниям. Все качества личности транспрофессионалов необходимы для эффективной деятельности. Но в сфере торговли без этих качеств деятельность менеджера невозможна даже на среднем уровне.

Руководитель промышленного предприятия может допустить управленческую ошибку, увлекаясь самостоятельным решением вопросов, требующих глубоких

профессиональных знаний, не поручая их решение своим заместителям. Это может привести к потере скорости принятия решений, несвоевременному обращению к тем проблемам, которые следовало решать безотлагательно, и, как следствие, к снижению эффективности деятельности предприятия в целом. Подобное поведение руководителя торгового предприятия — недопустимо, так как приведет его к потере конкурентных преимуществ и проигрышу в конкурентной борьбе. Условия выживания торгового предприятия на рынке более тяжелые и неустойчивые. Поэтому нагрузка на менеджера больше, и требования к нему значительно выше. Особенно это относится к личности топ-менеджеров.

При оценке работы руководителей среднего звена на первый план выходит ряд показателей, свидетельствующих об успешности решения задач, поставленных перед их подразделениями вышестоящим руководством. Это могут быть и производственные, и финансовые показатели, и объем реализации готовой продукции, и результативность маркетинговой деятельности. В основе оценки — список требований организации к руководителю или список решаемых им задач. При оценке этих задач учитываются: характер задач, время, затраченное на их решение, успешность решения поставленных задач, ресурсы, потраченные на решение задач. Однако к менеджерам среднего и низшего звена в сфере торговли, так же, как и к топ-менеджерам, предъявляются более высокие требования в связи со спецификой их профессиональной деятельности.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 1996.
2. Грачев М. В. Суперкадры. М. : Дело, 1993.
3. Десфонтейнес Л. Г. Личность руководителя как фактор успеха организации // Вестник Балтийской педагогической академии. 2013. Вып. 110. СПб. : БПА, 2013. С. 24–26.
4. Семенова Ю. Е. Проблема «порога сытости» в системе мотивации персонала // Вестник Балтийской педагогической академии. 2013. Вып. 110. СПб. : БПА, 2013. С. 30.
5. Управление персоналом : учебник для вузов / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити, 2007. 560 с.

References

1. Andreyeva G. M. *Social psychology* [Sotsial'naya psikhologiya]. M. : Aspect Press, 1996.
2. Grachev M. V. *Super personnel* [Superkadry]. M. : Delo, 1993.
3. Desfonteynes L. G. *Person of the head as factor of success of the organization* [Lichnost' rukovoditelya kak faktor uspekha organizatsii] // Bulletin of the Baltic Pedagogical Academy [Vestnik Baltiiskoi pedagogicheskoi akademii]. 2013. V. 110. SPb. : BPA, 2013, p. 24–26.
4. Semenova Yu. E. *Problem of "a satiety threshold" in system of motivation of the personnel* [Problema «poroga sytosti» v sisteme motivatsii personala] // Bulletin of the Baltic Pedagogical Academy [Vestnik Baltiiskoi pedagogicheskoi akademii]. 2013. V. 110. SPb. : BPA, 2013, p. 30.
5. *Human resource management* [Upravlenie personalom]. The textbook for higher education institutions // Under the editorship of T. Yu. Bazarov, B. L. Eremin. 2nd edition. M. : Unity, 2007. 560 p.

Традиционная культура в противостоянии глобализационным кризисам

Спирина Марина Юрьевна

Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург)
Проректор по научной работе
Кандидат исторических наук
mus931@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В статье кратко характеризуется такой феномен мировой культуры, как традиционная (народная) культура. Выделены некоторые возможности ее использования в современном социокультурном, образовательном, экономическом, политическом пространстве для противостояния глобализационным кризисам третьего тысячелетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

традиционная культура, глобализационные кризисы, потенциал, человек, мировая культура

Spirina M. Yu.

Traditional Culture in Confrontation to Globalization Crisis

Spirina Marina Yurievna

Interregional Institute of Economy and the Law at MPA of EurAsEC (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Vice-Rector for Research
PhD in History
mus931@inbox.ru

ABSTRACT

The article briefly describes the phenomenon of world culture as a traditional (folk) culture. Some of the possibilities of its use in the modern socio-cultural, educational, economic, political space for opposition to the globalization crisis are highlighted.

KEYWORDS

traditional culture, globalization crisis, education and training of professional for future

Сегодня в мировой культуре проявляются наиболее вопиющие противоречия глобализационных процессов. Культурное разнообразие человечества оказалось под угрозой. Во все закоулки мира проникают не лучшие стандарты так называемого американского образа жизни. А. С. Панарин отмечал, что возможности современных информационно-политических технологий ведут к информационному неравенству и культурной гегемонии, при которой наиболее агрессивная культура может навязывать свои ценности культуре реципиенту, полностью подчиняя ее своему влиянию [12, с. 328]. На рубеже второго и третьего тысячелетий политика, ставшая значимой компонентой массовой культуры, успешно играет на нижних регистрах человеческой души: ненависти, зависти, национальной спеси и постоянно дремлющей в тайниках сознания тяги к агрессии. А ведь именно в национальных культурах, способных дать свое неповторимое и обобщающее видение общего мира человечества, создавались универсальные этические и эстетические ценности. До сих пор разнообразие культур является источником творческих способностей человечества и основанием взаимопонимания различных народов. В связи с этим феномен традиционной (народной) культуры приобретает судьбоносное значение. Эта культура способна служить источником подъема региональных хозяйственных, общественно-бытовых, культурных

потенциалов. Благодаря этому появляется возможность, уменьшив унификаторское влияние глобализации, полнее раскрыть творческий потенциал всех человеческих сообществ, создать условия для эффективного межрегионального и международного взаимодействия и сотрудничества.

Мировая цивилизация XXI в. характеризуется ломкой стереотипов, сменой ценностей, наличием динамических социальных, политических, экономических, культурных перемен, что нельзя не учитывать при рассмотрении и оценке современных глобализационных процессов, протекающих на фоне вырабатываемого «общего для культуры языка, существовавшего в древние времена и обеспечивавшего целостность культуры» [16, с. 5]. В последние годы духовные аспекты глобализации постепенно становятся предметом пристального внимания философов, политологов, социологов, культурологов, писателей, журналистов. Какова же культурная составляющая процесса глобализации? Какое влияние она оказывает на мировую культуру?

В современном обществе культура присутствует постоянно и непрерывно. Норт выделил эффект «зависимости от предыдущей траектории развития», создаваемый именно культурой [10]. Российские исследователи в последние годы все более и более обращают внимание на различные функции культуры, выделяя, в частности, те, что служат своего рода «лекарством» против глобализационных кризисов. В условиях разбалансированности социального пространства Ю. В. Ананьев, например, оценивает культуру как интегратор социума [1]. Многие подчеркивают, что культура участвует в создании разнообразных общественных институтов, поскольку в ней присутствует определенная система координат, которая помогает актерам выявить значимые для них ресурсы и правила, принимать решения, осмысливать происходящие процессы. С помощью культуры актеры приобретают способность использовать организующие технологии, и, прежде всего, технологии социального взаимодействия и конструирования формальных институтов. Отдельным аспектом изучения становится использование актерами явного и скрытого (локального) знания в процессе социального и политического действия.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что среди современных философов имеет распространение точка зрения, что «этническая культура прошлого все больше переселяется в музеи. Ее надо знать и изучать, но жить — в современной культуре» [7, с. 56]. Нынешняя социокультурная практика стран Евразии показывает возможности применения традиционной (народной) культуры в административной, экономической, политической, социокультурной деятельности народов.

Традиционная культура включает три базисные составные части: материальную культуру, культуру социального управления и, что чрезвычайно важно, духовную культуру. Последняя содержит такие структурные элементы, как: народное мировоззрение, народная экономическая культура, народное правосознание, народная нравственная культура, народная педагогика, народная художественная культура, народная экологическая культура, народная физическая культура [15]. Говоря о народном мировоззрении (народной философии), следует обратить внимание на понятие «мировоззренческие универсалии», сформулированное В. С. Степиным. Философ подчеркивает: «Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как и гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложный набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социоккода, играют роль своего рода ДНК социальной жизни» [13, с. 18].

В народной культуре выделяются несколько особенностей, позволяющих рассматривать ее как источник социокультурных, социально-экономических и, возможно, политических инноваций, которые неизбежно должны опираться на исторический опыт. Традиционная культура представляет собой, прежде всего, единство материального производства и духовной жизни. Она пребывает в непосредствен-

ной связи с природной средой, с социальной практикой народных масс, с их общественным и семейным бытом, со всем укладом жизни. Эта культура обладает такими важнейшими свойствами, как синкретизм, коллективность, традиционность, преемственность, человечность, высокий императив. Новые независимые государства Евразии имеют уникальный опыт сохранения, возрождения и развития народной культуры. Для современных акторов эта культура важна еще и тем, что она образует большое количество региональных типов и локальных вариантов, вследствие чего в процессе исторического развития наций она становится важным, иногда определяющим фактором национального самосознания больших и малых этносов.

Традиционная культура чрезвычайно важна для процесса преодоления противоречий между обществом, личностью и государством. Она содержит тот исторический опыт экономики, правосознания, искусства, развития нравственности, который позволяет поддерживать и поощрять взаимопонимание различных народов. Человек, воспитанный на принципах традиционной культуры своего народа, способен противодействовать этнической и религиозной ненависти, насилию, сепаратизму и другим формам экстремизма. Если понимать под глобализацией, в самом общем виде, развитие социальных, экономических, политических, культурных коммуникаций, приобретающих, в конечном счете, всемирный масштаб и значимость, то в традиционной культуре можно найти соответствия таким геополитическим доминантам современного этапа международных отношений, как: «территориальная целостность», «геоэкономическая ориентация», «культурно-цивилизационная идентичность» и др.

Вместе с тем, человек сохраняет и в ходе глобализации «единство тела» (природы), души (национального характера) и духа (склада мышления, типа логики) [6, с. 6]. Народная культура способна питать своими животворными силами все социокультурные, экономические, иные изменения. В ней человек, как Личность, Творец, выступает главным действующим лицом. В связи с этим следует выделить такую часть традиционной культуры, как народная педагогика. Она приобретает особую значимость вследствие того, что глобализация затронула не только континенты, государства, целые народы, но и отдельно взятую личность. На практике глобализация сужает сферу свободы человека, что происходит под воздействием не всегда заметных, но мощных манипуляторов: экономических, политических, масс-культурных, масс-медиаальных и др. Вот почему сейчас представители различных сфер научного знания пишут о серьезном антропологическом кризисе. Здесь и возникает вопрос: какое же место останется для личности под прессингом глобальных факторов [8]? Найти ответ на этот вопрос помогает традиционная культура.

Проблема человека относится, прежде всего, к философской антропологии. Она является сегодня острейшей мировоззренческой и практической проблемой, ибо речь идет о судьбе человека и человеческой цивилизации. Лекторский считает, что проблема человеческой свободы в ее онтологическом, эпистемологическом и ценностном измерении, проблема личности, ее идентичности и возможностей манипуляции ею в условиях новых информационных технологий, возможностей и границ знания и веры в информационном обществе — это острейшие проблемы современной цивилизации, лежащие в основании многих культурных, социальных и политических проблем [11, с. 4]. В течение XX в. человек претерпел серьезные изменения.

Блюменкранц определяет современного человека какномада, который проносится по жизни, не оставляя за собой следа во времени. Он живет «здесь-и-сегодня», вне прошлого и без будущего. Такой «кочевник» выступает как одна из элементарных частиц в атомизированном мире человеческого распада. Автор называет их «кочевниками с кейсами», для которых главными являются скорость передвижения и пор-

тативность необходимых технических средств [2, с. 54–55]. В связи с этим важной компонентой традиционной культуры выступает коллективность, которая в современном мире связана также с умением «работать в команде».

Антропологический кризис имеет множество проявлений и тенденций, одной из главных среди них выступает опасность изменения генофонда человечества. Генетическая основа человека подвергается опасным изменениям вследствие возрастания мутагенных факторов, оказывающих прямое (химические и радиоактивные воздействия) и косвенное влияние (появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов). Биологи пишут о растущих повреждениях генотипических структур, сформированных миллионами лет эволюции. Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые вроде бы можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора, например, войны, действуют в противоположном направлении. Особо следует выделить в качестве фактора обострения антропологического кризиса современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные его способности (умственные и физические). Однако все чаще обсуждается идея «пост-человеческого будущего» (Фр. Фукуяма). В информационном обществе (так называемой «цивилизации знаний») появляется реальная возможность проектирования самой человеческой телесности — идея, сформулированная в рамках геной инженерии и становящаяся все более популярной. Вот почему следует обратить особое внимание на возможности применения таких принципов традиционной культуры, как здоровый образ жизни и этногиена. По мнению специалистов в сфере традиционной культуры, обеспечение психологического здоровья человека, достигаемое с помощью использования этих принципов, позволяет сделать вывод о том, что оптимизм в традиционной культуре есть мировоззрение и образ жизни, предписываемые культурами разных народов с древнейших времен.

Большинству ученых, футурологов, политиков, социологов свойственно убеждение, что для разработки новых принципов стратегии устойчивого развития мира требуется решение целого ряда научных и практических задач, среди которых особое место занимает проблема, связанная с формированием нового типа мышления, новой культуры и нового человека, способного ответить на «вызовы» XXI в. [3]. В этом аспекте народная культура содержит образец идеальной совершенной личности, которую отличает, в первую очередь, высокая нравственность, духовное и физическое здоровье. У всех народов нравственность тесно связана с умением человека преодолевать трудности, выполнять определенные обязанности, проявлять волевые черты характера (упорство, терпеливость, настойчивость, самостоятельность). Народный идеал человека, как правило, связан с такими компонентами личности, как трудолюбие, ответственность, инициативность, человечность, самостоятельность, ум, здоровье, любовь к Родине, уважительное отношение к представителям других культур и др. Волков называет его «народным идеалом совершенного человека». В своих этнопедагогических сочинениях он подчеркивал, что «традиционность культуры, в том числе и педагогической, есть важнейший признак высокой культуры народа» [4, с. 3, 29]. Народную педагогику он определил, как педагогику национального спасения [5].

Ценности народной педагогики помогают направить современный учебно-воспитательный процесс на формирование этнического самосознания у подрастающих поколений, развитие у них понимания роли своего народа, этнической группы в социальном окружении, мировой культуре. Человек воспитывается как творец, а не разрушитель культуры. Обратившись к опыту народной педагогики, К. Д. Ушинский

сделал вывод, что «педагогика — не наука, а искусство, — самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств. <...> Как искусство сложное и обширное, оно опирается на множество обширных и сложных наук; как искусство оно, кроме знаний, требует способности и склонности, и как искусство же, он стремится к идеалу, вечно достигаемому и никогда вполне недостижимому: к идеалу совершенного человека» [14, с. 32]. Многие мыслители и исследователи подчеркивали значимость применения народной педагогики в образовательной деятельности. В связи с этим напомним утверждение Д. И. Менделеева, что «школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств» [9, с. 440].

В последние годы ряд специалистов полагают, что эффективным способом защиты и приспособления стран к современному глобальному устройству мировой культуры может оказаться региональная интеграция, формирование евразийского культурно-политического пространства. В современных условиях интеграция на всем пространстве Евразии есть не только выражение особенностей культурно-цивилизационного архетипа, но и требование времени. В евразийском пространстве культурной константой выступает традиционная культура, которая не только имеет локальные и региональные проявления, но содержит в себе и общечеловеческие принципы. Например, глобализация сопровождается экологическим кризисом. Он выступает как общечеловеческая проблема, затрагивающая экономическую, социальную, политическую сферу современного общества. Развитие общества по пути отрицания примата нравственности и духовности породило господство технократического подхода в его отношениях с природой. Технократическая цивилизация привела к еще большему отчуждению людей друг от друга и от природы, выдвинула перед человечеством требования ранее невиданных масштабов. В народной же культуре всегда присутствует уважительное отношение к природе, которое сейчас определяют как природоохранительное. Оно базируется на принципах рационального природопользования и охраны окружающей среды, поскольку Природа в народном сознании всегда являлась идеалом гармонии, красоты, разумности, источником нравственности.

Изменение культуры неотвратимо. В ходе формирования единой глобальной мировой культуры неизбежно утрачиваются какие-то специфические черты национальных культур. Происходящее при этом приращение культурных ценностей должно опираться на традиции для сохранения их культурного смысла. Взаимодействие и взаимопроникновение культур — путь к их синтезу, а не формированию мозаичной мультикультурности. Современная наука должна выработать принципы и методы оживления глубинных, порождающих механизмов традиционной культуры. На основе традиционной культуры в долгосрочной перспективе может быть предложен вариант проведения альтернативной глобализации, в процессе которой содержание геополитических доминант национальной безопасности конкретного геополитического субъекта будет не только отражать особенности его исторического развития, географического положения, культурно-цивилизационную идентичность, особенности политической системы и политического режима, экономической практики, характер внешних связей и т. д., но и опираться на всю полноту исторического опыта формирования и развития традиционной культуры народов евразийских государств.

Литература

1. *Ананьев Ю. В.* Культура как интегратор социума : монография. Нижний Новгород : изд-во Нижегородского университета, 1996. 174 с.
2. *Блюменкранц М. В.* поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 47–60.

3. Бранский В. П. Глобализация и синергетическая философия истории // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 35–46.
4. Волков Г. Н. *Этнопедагогика : учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений*. 2-е изд., испр. и доп. М. ACADEMIA, 2000. 176 с.
5. Волков Г. Н. Педагогика национального спасения : избранные этнопедагогические сочинения / сост. А. А. Сокальский. Элиста : Джангар, 2003. 437 с. : ил.
6. Гачев Г. Д. *Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию)*. Ростов н/Д : изд-во Ростовского университета, 1992. 320 с.
7. Кармин А. С. *Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы* // *Вопросы философии*, 2006, № 2. С. 52–60.
8. Лимаров А. И. Глобализация и трансформационные процессы в посткоммунистических странах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbuu.gov.ua/>
9. Менделеев Д. И. О направлении русского просвещения и о необходимости подготовки учителей Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. / сост. П. А. Лебедев. М. : Педагогика, 1990. 608 с. : ил.
10. Норт Д. *Функционирование экономики во времени : Нобелевская лекция* // *Отечественные записки*. 2004. № 6. С. 88–103.
11. О настоящем и будущем (размышления о философии) : беседа Б. И. Пружинина с В. А. Лекторским *Вопросы философии*. 2007. № 1. С. 3–15.
12. Панарин А. С. *Философия политики*. М. Новая школа, 1996. 423 с.
13. Степин В. С. *Философия и эпоха цивилизационных перемен* *Вопросы философии*. 2006. № 2. С. 16–26.
14. Ушинский К. Д. *Собрание сочинений* / ред. колл.: А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский. М. : Л. : изд-во Акад. педаг. наук РСФСР, 1948–1951. Т. 8 (в двух томах). 1950. Т. 1. 776 с. *Человек как предмет воспитания (Педагогическая антропология)*.
15. Цукерман В. С. *Народная культура как социальное явление : автореф. ... д-ра филос. наук*. Свердловск, 1984. 39 с.
16. Чучин-Русов А. Е. *Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция*. Кн. 1. *Теория единого поля*. М. : Прогресс-традиция, 2002. 664 с.

References

1. Ananyev Yu. V. *Culture as society integrator* [Kul'tura kak integrator sotsiuma] monograph. Nizhny Novgorod, publishing house of the Nizhny Novgorod University [izd-vo Nizhegorodskogo universiteta], 1996. 174 p.
2. Blyumenkrants M. *In search of a name and the person. Phenomenology of a modern landscape* [V poiskakh imeni i litsa. Fenomenologiya sovremennogo landshafta] *Philosophy Questions* [Voprosy filosofii]. 2007. № 1. P. 47–60.
3. Bransky V. P. *Globalization and synergetic philosophy of history* [Globalizatsiya i sinergeticheskaya filosofiya istorii] *Social sciences and present* [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2006. № 1. P. 35–46.
4. Volkov G. N. *Etno pedagogic* [Etnopedagogika] Tutorial for the students of the senior and higher pedagogic education institutions. 2-nd ed. M. ACADEMIA, 2000. 176 p.
5. Volkov G. N. *Pedagogic of national rescue: chosen ethno pedagogical compositions* [Pedagogika natsional'nogo spaseniya: izbrannye etnopedagogicheskie sochineniya] / A. A. Sokalsky. Elista : Dzhangar, 2003. 437 p.
6. Gachev G. D. *Science and national cultures (the humanitarian comment to natural sciences)* [Nauka i natsional'nye kul'tury (gumanitarnyi kommentarii k estestvoznaniyu)]. Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov University [Nauka i natsional'nye kul'tury (gumanitarnyi kommentarii k estestvoznaniyu)]. 1992. 320 p.
7. Karmin A. S. *Philosophy of culture in information society: problems and prospects* [Filosofiya kul'tury v informatsionnom obshchestve: problemy i perspektivy] // *Philosophy Questions* // *Voprosy filosofii*. 2006. № 2. P. 52–60.
8. Limarov A. I. *Globalization and transformational processes in the post-communist countries* [Globalizatsiya i transformatsionnye protsessy v postkommunisticheskikh stranakh] [An electronic resource]. URL: <http://www.nbuu.gov.ua/>
9. Mendeleev D. I. *On the direction of the Russian education and about need of training of teachers* [O napravlenii russkogo prosveshcheniya i o neobkhodimosti podgotovki uchitelei] *Anthology of pedagogical thought of Russia of the second half of XIX — the beginning of the XX century*

- [Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.] Collector P. A. Lebedev. M. : Pedagogics [Pedagogika], 1990. 608 p.
10. Nort D. *Functioning of economy in time. Nobel lecture* [Funktsionirovanie ekonomiki vo vremeni. Nobelevskaya lektsiya] Domestic notes [Otechestvennye zapiski]. 2004. № 6. P. 88–103.
 11. *About the present and the future (reflections about philosophy)*. B. I. Pruzhinin's conversation with V. A. Lektorsky [O nastoyashchem i budushchem (razmyshleniya o filosofii). Beseda B. I. Pruzhinina s V. A. Lektorskim] Philosophy Questions [Voprosy filosofii]. 2007. № 1. P. 3–5.
 12. Panarin A. S. *Philosophy of policy* [Filosofiya politiki]. M. : Publishing House New School [Novaya shkola], 1996. 423 p.
 13. Stepin V. S. *Filosofiya and era of civilization changes* [Filosofiya i epokha tsivilizatsionnykh peremen] // Philosophy Questions [Voprosy filosofii], 2006. № 2. P. 16–26.
 14. Ushinsky K. D. *Collected works* [Sobranie sochinenii] // edition board A. M. Egolin (chief editor), E. N. Medynsky, V. Ya. Struminsky. M. L. publishing house of the Academy of Pedagogic Science of RSFSR [izd-vo Akad pedagog. nauk RSFSR], 1948–1951. V. 8 (in two volumes). 1950. V. 1. 776 p. The Person as an education subject (Pedagogical anthropology) [Chelovek kak predmet vospitaniya (Pedagogicheskaya antropologiya)].
 15. Zuckerman W. S. *National culture as social phenomenon* [Narodnaya kul'tura kak sotsial'noe yavlenie] : Doctoral Dissertation Abstract. Sverdlovsk, 1984. 39 p.
 16. Chuchin-Rusov A. E. *Uniform field of world culture. Kizhli-concept* [Edinoe pole mirovoi kul'tury. Kizhli-kontseptsiya]. Book 1. Theory of a uniform field [Teoriya edinogo polya]. M. : Progress tradition [Progress-traditsiya], 2002. 664 p.

Академия наук и ее роль в создании коронационного альбома императрицы Анны Иоанновны

Стецкевич Елена Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и политологии
Кандидат исторических наук, доцент
esstetskevich@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается история создания иллюстраций к коронационному альбому императрицы Анны Иоанновны. На основе архивных материалов проанализирована роль Академии наук в их подготовке. Сделан вывод о том, что при создании первого в истории России иллюстрированного коронационного альбома был накоплен значительный опыт, учтенный впоследствии при работе над коронационным альбомом Елизаветы Петровны. Иллюстрации альбома отразили основные моменты коронационной церемонии Анны Иоанновны и впервые запечатлели коронационные регалии как самостоятельную ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Академия наук, Анна Иоанновна, первая половина XVIII в., коронация, коронационный альбом, рисунки, гравюры

Stetskevich E. S.

The Role of Academy of Science in the Creation of Empress Anna Ioannovna Coronation Album

Stetskevich Elena Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in History, Associate Professor
esstetskevich@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the process of making the illustrations for the coronation album of empress Anna Ioannovna. Using archive materials, the author analyses the role of the Academy of Science in the formation of album and preparation of coronation prints. It is possible to say that without work of engravers, connected with the Academy of Science, the production of album was impossible. The experience of composition of the first coronation album was very important. The illustrations of the album reflected the main moments of the coronation ceremony of empress Anna Ioannovna and its composition became the example for future albums.

KEYWORDS

Academy of Sciences, Anna Ioannovna, the first half of XVIII century, the coronation, the coronation album, the drawings, the engravings

В течение XVIII столетия в Российской империи сложилась традиция создания коронационных рисунков, гравюр, живописных полотен, а также альбомов, объединявших в себе как текст описания церемонии, так и гравированные иллюстрации. Из восьми императоров, возшедших на престол в XVIII в., коронованы были шестеро — Екатерина I как супруга Петра Великого, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Великая и Павел I. Коронация Екатерины I (1724) была

зафиксирована лишь в тексте «Описания коронации Ее Величества Императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в Царствующем граде Москве 7 Мая 1724 году» (СПб, 1724 г.; М., 1725 г.), поскольку в тот момент больших возможностей для создания репрезентативных гравюр в России еще не существовало. Коронация Петра II (1728) отражена в чине коронации и великолепных рисунках архитектора и художника Хр. Марселиуса (1656–1731) [6]. После коронаций Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны были изданы роскошные коронационные альбомы, в создании которых самое непосредственное участие принимала Академия наук.

В 1990-е — начале 2000-х гг. коронационным альбомам было посвящено несколько публикаций. Среди них следует особо выделить статьи М. А. Алексеевой [3], Н. К. Марковой [7], И. В. Тункиной [15], освещающие разные аспекты их создания. Однако эти же авторы сочли необходимым отметить, что альбомы все еще изучены недостаточно [7, с. 5; 3, с. 239]. Даже в новейших публикациях до сих пор встречаются неточности, обусловленные недостаточным знанием условий, в которых создавались иллюстрации к коронационным альбомам в стенах Академии наук.

Так, невозможно согласиться со сведениями, приведенными в статье Г. А. Миролюбовой, относительно издания коронационного альбома Анны Иоанновны. Академический библиотекарь И. Д. Шумахер, являвшийся фактически вторым лицом в Академии наук после президента, данным автором причислен к академическим граверам. Академическая Рисовальная палата вопреки утверждению Миролюбовой не имела отношения к созданию коронационных рисунков для альбома Анны Иоанновны, поскольку они привозились из Москвы и в Петербурге дорабатывались академическими граверами. Тираж коронационного альбома был значительно выше, чем указанные этим автором 500 экз. [10, с. 334, 342, 343].

«Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году» было издано на двух языках. Русское издание датировано 1730 г., отпечатано в Москве в типографии при Сенате, имеет фронтиспис — императорский портрет и 14 (иногда 15) листов иллюстраций [13, с. 356–357]. В немецкое издание, датированное 1731 г. и отпечатанное в Санкт-Петербурге, были добавлены две гравированные заставки.

Роль Академии наук в создании коронационного альбома Анны Иоанновны до настоящего момента практически не изучалась, поэтому ниже приведены наиболее подробные сведения о создании этого дорогого издания. Пять месяцев спустя после коронации Анны Иоанновны, 29 сентября 1730 г., в Петербург было доставлено письмо В. Н. Татищева (1686–1750), которым Академия наук извещалась об устном указе императрицы и соответствующем решении Сената о создании коронационного альбома. Татищев принадлежал к наиболее образованному слою русского дворянства, сложившемуся в первой четверти XVIII в. Получив хорошее образование в России, он неоднократно бывал в Западной Европе, не был чужд наукам и искусствам, и хорошо известен как создатель «Истории российской с самых древнейших времен». Был востребован на государственной службе, с 1727 г. служил в Монетной конторе (затем канцелярии), а в 1730 г. возглавил ее.

В период воцарения Анны Иоанновны на русском престоле Татищев оказался в самой гуще событий, связанных с приездом новой государыни в Москву, уничтожением «кондиций» и с организацией ее коронации. Именно он написал проект, поданный в Верховный тайный совет 5 февраля 1730 г. от кружка кн. А. М. Черкасского, а в ключевой день — 25 февраля зачитывал дворянскую челобитную в Кремле. Оба документа преследовали одну цель — не допустить сосредоточения всех нитей власти, прежде всего законодательной, в руках Верховного тайного совета. Анна Иоанновна, почувствовав поддержку дворянства, 25 февраля 1730 г.

смогла разорвать «кондиции», ограничивавшие ее власть, и затем короновалась как самодержавная правительница [4, с. 189–190; 5, с. 45].

В первые месяцы своего правления императрица опиралась на людей, принявших ее сторону и поддерживавших в самое трудное начальное время. Во время коронации Татищев исполнял функции обер-церемониймейстера и, по-видимому, столь хорошо справился со своими обязанностями, что получил повышение в чине, став действительным статским советником [11, с. 27]. Конечно, он в деталях знал все подробности состоявшегося обряда (этапы коронации, место действия, участников шествий, расположение людей, внешний вид коронационных регалий и пр.). Также он был хорошо знаком с представленным в Сенат текстом описания церемонии, содержащим ссылки на соответствующие иллюстрации, которые было необходимо подготовить.

С 1727 г. в Академии наук работала самая крупная типография в России, способная напечатать любое издание не только на русском, но и на многих иностранных языках. В академических художественных мастерских, появившихся на рубеже 1720–1730-х гг., работали искусные граверы (мастер портретного жанра — Х. А. Вортман (1692–1760), гравер проспектов О. Эллигер, резчик литер и карт — Г. И. Унферцагт (1701–1767)), а также известные художники Г. Гзелль (1673–1740) и М. Д. Гзелль (1678–1743), вокруг которых постепенно сформировался круг талантливых учеников. Таким образом, в Академии существовали все необходимые условия для подготовки гравированных иллюстраций.

Уже в первом письме Татищев известил Академию наук, что описание коронации Анны Иоанновны на русском языке будет издано огромным для того времени тиражом в 1200 экз., причем 50 альбомов с раскрашенными иллюстрациями предназначались для поднесения самой императрице [8, с. 642–644, 663]. Текст описания планировали напечатать в Москве. Гравюры следовало выполнить и отпечатать в Петербурге в мастерских Академии наук по рисункам, присланным из Москвы. Затем их надлежало отправить обратно в Москву, где их собирались переплести вместе с текстом описания [8, с. 642–643, 645–646]. Соответствующий указ был принят Сенатом 12 октября 1730 г.¹

Следует отметить, что Татищеву не сразу удалось установить тот темп работы над коронационными иллюстрациями, который его устраивал. В силу достаточно сложной доставки почты из Москвы в Петербург и обратно на первых порах он вовремя не получал ответов на свои письма, сердился, упрекал библиотекаря Шумахера в промедлении, грозил Академии гневом императрицы [8, с. 657, 660]. Но после притирки, получения Академией всех рисунков, начала гравирования и установления научных связей между Татищевым и Академией наук тон его писем заметно смягчился. Подобно многим современникам он постоянно и с удовольствием получал научные издания Академии, переписывался с членами Академии наук — И. Г. Гmeliным, Т. З. Байером, посылал в Петербург рисунки редкостей из мира природы [8, с. 689–691; 9, с. 62–63, 132–133].

В первом письме Татищева был приведен полный реестр всех необходимых иллюстраций, которые должны были отразить ключевые моменты церемонии. Особое внимание уделялось императорскому портрету, коронационным регалиям, местам, где проводился обряд, и двум самым главным его моментам — процессии коронавания (торжественному шествию из Кремлевского дворца в Успенский собор), а также внутреннему виду Успенского собора с изображением сцены коронавания. Однако даже спустя полгода после церемонии Татищев был вынужден констатировать, что не все рисунки готовы [8, с. 642–644].

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 942. Л. 70.

Первыми в Петербург были доставлены рисунки коронационной мантии, процессии коронования, внутреннего вида Успенского собора с изображением сцены коронования, большой и выходной (малой) корон, цепи и креста ордена Андрея Первозванного, а также часть отпечатанных листов описания [8, с. 647–648]. Затем мелкими партиями в столицу доставлялись 7 листов описания и 2 чертежа; 2 листа и 2 чертежа. Так постепенно были присланы: план Успенского собора с подробным указанием, что и где находилось в соборе, где стояли участники церемонии и приглашенные лица; рисунки многоцветной иллюминации, зажженной перед домом императрицы; застежки коронационной мантии; персидских кресел, на которых «государи издревле коронуются»; сосуда миропомазания и стручца; скипетра, державы, жезлов обер-маршала и маршалов; герольдмейстера «в его убранстве»; план Грановитой палаты с расшифровкой мест, указанных на нем. Все рисунки и чертежи по указанию Анны Иоанновны надлежало в полной сохранности вернуть обратно в Москву [8, с. 659–661, 662, 666, 677–678, 684]. К 12 ноября в Академии наук они были отданы в работу мастерам, за исключением портрета императрицы, еще неоконченного художником Л. Каравакком (1684–1754). [8, с. 678, 682].

В письмах Татищев скрупулезно комментировал все недочеты, встречающиеся в рисунках. Так, например, он признавался, что процессия коронования «за поспешностью рисующего в лицах и телах весьма неискусна». Тот же недостаток имело и изображение внутреннего вида церкви Успения Богородицы [8, с. 642]. На звезде ордена Св. Андрея Первозванного поле «под крестом... сделано красное, а имело быть золотое». Лента этого ордена была нехорошо оттенена, выходная корона расцвечена наполовину «для скорости», цепь ордена Андрея Первозванного расцвечена, «токмо ездук в орле надлежал быть белый», «сосуд (для хранения святого мира — Е. С.) в краткости отделать не успели». В каждом необходимом месте давались словесные описания, что следует сделать и каким образом изобразить, вплоть до указания, где расположены бриллианты на кресте ордена св. Александра Невского и сколько в них карат [8, с. 642–643; 647–648, 666].

В настоящий момент известны авторы лишь нескольких рисунков, на основе которых в Академии наук были созданы гравюры. Портрет императрицы для фронтисписа коронационного альбома был создан придворным живописцем Л. Каравакком (1684–1754). Рисунок с изображением коронационной процессии Анны Иоанновны выполнен художником Марселиусом, находившимся на рубеже 1720–1730-х гг. в Москве. Подпись под рисунком свидетельствует о том, что на момент создания его автору было 74 года¹. Вероятно, этим обстоятельством объясняются недочеты в рисунке коронационной процессии, отмеченные Татищевым. Возможно, в силу возраста или болезни мастер был уже не в состоянии работать с необходимой скоростью, а, может быть, ему просто не предоставили для этого времени. Однако подчеркнем, что двумя годами ранее именно Марселиус выполнил прекрасные рисунки, запечатлевшие этапы коронации Петра II [3, с. 233]. В его рисунках 1728 г. трудно найти изъяны в перспективе (по образованию и роду деятельности Марселиус был архитектором), точности изображения и даже портретном сходстве.

Архитектор И. Я. Шумахер (1701–1767) сделал рисунок для заставки с изображением объявления (прокламации) о коронации [12, стб. 206]. Вопрос о том, кто выполнил другие рисунки коронационной церемонии в Москве, до сих пор остается открытым. К сожалению, сами рисунки пока не обнаружены в архивах.

Для обсуждения изображений, доставленных в столицу, в Академии наук составили консилиум из самых сильных работавших на тот момент мастеров — Вортмана, Эллигера, Гзелля. Они единодушно признали, что рисунки самых сложных в компо-

¹ Отдел рукописей библиотеки РАН. Ед. хр. 30.2.53/16.

зиционном отношении изображений — коронационной процессии и сцены коронования внутри Успенского собора надлежит сделать заново, «ежели от той работы честь иметь». Гзелль высказал пожелание иметь хотя бы некоторое описание «главнейших особ», «особливо тех, которые наперед стоят»; хотя бы описание «их талий, чтоб было сходство и подобие», а иллюминировку (раскрашивание гравюр акварельными красками — *Е. С.*) производить в Москве, поскольку здесь никто не знает ни интерьера Успенского собора, ни цвета платьев [8, с. 656]. Татищев был вынужден ответить, что исправление сложных «проспектов», а также изображений «отменных персон» он передает «в лучшее рассмотрение и исправление академии» [8, с. 663].

Очевидно, что в Москве не было возможности выполнить все надлежащим образом. Кроме того, медлить с подготовкой коронационного альбома было опасно и невозможно, поскольку императрица постоянно торопила Татищева. В Академии наук исправлять погрешности рисунков, присланных из Москвы, пришлось именно граверам. В частности, рисунок коронационной процессии, первоначально исполненный Марселиусом, был исправлен гравером Эллигером, причем на готовой гравюре, вошедшей в альбом, указано его авторство как рисовальщика и гравера [2, с. 67; 3, с. 233–234]. Сведений о том, принимал ли какое-либо участие в исправлении коронационных рисунков Гзелль, почти постоянно занятый работой при императорском дворе, в настоящий момент не найдено. Однако не приходится сомневаться, что его авторство в случае работы над каким-либо из рисунков было бы обязательно указано на гравюрах.

Некоторые трудности в Академии наук вызвало изображение ордена св. Александра Невского, учрежденного в 1725 г. Екатериной I, и по всей вероятности, еще мало известного. Возможно, поэтому мастера Академии наук собирались рисовать «портрет святого Александра, который в кресте ордена находится» по тому изображению (иконе(?) — *Е. С.*), что «находится в Невском монастыре» [8, с. 657]. На самом деле в круглом медальоне креста ордена было помещено изображение скачущего всадника в профиль, не предусматривавшее портретного сходства. В Академии также отсутствовал рисунок, изображающий звезду ордена Александра Невского. В конце концов, выход нашли следующий — «у обретающегося» в Петербурге кавалера звезда ордена св. Александра была срисована по модели и отдана в гравирование [8, с. 682, 689–690].

В ноябре 1730 г. в Академии наук начали переводить текст описания коронации на французский и немецкий языки, которые затем были отправлены в Москву на апробацию к вице-канцлеру, графу А. И. Остерману, курировавшему от Сената создание альбома. Издания на иностранных языках предполагали раздать послам и отправить к европейским дворам [8, с. 659–660, 664]. Следует отметить, что представителями иностранных государств коронация Анны Иоанновны была оценена очень высоко. Все они знали о неудачной попытке ограничения власти императрицы и обратили особое внимание на роскошь коронационной церемонии, вполне затмившей предшествующие события.

По мнению академических мастеров, три сложные гравюры требовали несколько месяцев работы: коронационная процессия и сцена коронования в Успенском соборе — 2 мес., императорский портрет — 4 [8, с. 664–665]. Татищев, передавший императрице сведения о сроках работ, сослался на ее слова о том, что это «напрасное представление» и предостерег, «чтоб умедление не навело на академию гнева» [8, с. 682–683]. Нетерпение Анны Иоанновны было очень велико. Весьма характерно приказание Татищева в одном из писем: «поспешайте печатать, которое готово, и что напечатается, сюда присылайте немедленно», поскольку императрица часто «изволит спрашивать» [8, с. 680].

Круг граверов, работавших над созданием иллюстраций, известен достаточно хорошо. Наиболее сложные иллюстрации выполняли признанные мастера Грави-

ровальной палаты Академии наук — Вортман и Эллигер. Вортман работал над гравированным портретом императрицы (первый вариант, исполненный Эллигером, был признан непохожим на оригинал), вошедшим в альбом, и над сценой коронации в Успенском соборе [1, с. 74]. Эллигер выполнил гравюры с изображением коронационной процессии, фейерверка и две заставки с изображением объявления (прокламации) о коронации и праздника в Кремле [3, с. 235; 12, стб. 206]. В создании остальных иллюстраций, кроме мастеров, также принимали участие ученики Гравировальной палаты — И. А. Соколов (1717–1757), Г. А. Качалов (1711 или 1712–1759), Ф. А. Бернц (1709–1760), Ф. Е. Маттарнови (1714–1742), для которых эти работы служили и прекрасным учебным материалом [1, 74; 12, стб. 234–235].

Здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. В начале 1730-х гг. в Академии наук оказалось невозможным организовать работу по созданию гравюр к коронационному альбому, так как это было сделано позднее при создании коронационного альбома Елизаветы Петровны. В 1742–1745 гг. академический художник И. Э. Гриммель (1703–1758), возглавивший Рисовальную палату, не только перерисовал все рисунки, первоначально поступившие из Москвы в Академию наук, исправив недостатки в перспективе и изменив композиции ряда изображений. Он также вносил необходимые исправления в первоначальные варианты гравюр, что позволило в конечном варианте гравированных иллюстраций добиться необходимого совершенства [14, с. 110–111]. В 1730-е гг. в штате Академии наук работали только два художника — Георг и Мария Доротея Гзелль. Однако, очевидно, они не принимали участия в корректировке готовых коронационных гравюр, иначе невозможно объяснить явные огрехи в одной из иллюстраций с изображением сцены коронования Анны Иоанновны (неестественность позы новгородского архиепископа Феофана (Прокоповича), расположения рук императрицы, выражения ее лица).

Ранее прочих к 29 октября 1730 г. были готовы гравюры с изображением фейерверка, иллюминации и коронационной медали. Татищев признал, что «рисунки напечатанные... работы довольно годной» и хотя их можно было бы сделать еще совершеннее, но спешка не позволяла. Однако портрет императрицы на коронационной медали все-таки признали непохожим на оригинал, и Анна Иоанновна приказала исправить его художнику Каравакку [8, с. 657, 663, 665].

В случае одобрения готовых гравюр в Москве, испросив соответствующее позволение, в Академии приступали к печати необходимого количества экземпляров. Фактически это была первая столь ответственная работа для двора, где Академия могла себя проявить. Все трудности легли на плечи Шумахера, поскольку президент Академии Л. Блюментрост вместе с императорским двором находился в Москве. В Академии не хватало денег на самое необходимое, не было нужного количества бумаги и типографской краски. В этих условиях Татищев мог рекомендовать только одно — материалы «извольте, где можно брать, чтоб работа не медлилась» [8, с. 664–665, 683]. 28 ноября в Академию поступил указ из Правительствующего Сената, позволяющий расходовать академические суммы на печатание гравюр к коронационному альбому и получать необходимые материалы, если их не найдется в продаже, из Адмиралтейства. Расходы Академии Сенат собирался возместить после завершения всех работ¹. Шумахеру приходилось проявлять чудеса изворотливости, он покупал или доставал в долг, а счета затем отправлял в Москву, таким образом еще более ухудшая финансовое положение Академии наук [8, с. 665, 680].

Часть иллюстраций в Академии наук печатали на более плотной бумаге с тем, чтобы впоследствии их можно было иллюминировать. Иллюминовку 5 экземпляров, предназначенных для императорской семьи, было решено сделать в Академии наук, остальные раскрашивать в Москве, но с условием немедленной отправки от-

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 942. Л. 73.

печатанных гравюр из Петербурга [8, с. 663]. В Академии наук столь ответственную иллюминовку могли делать либо в Гравировальной палате, либо в мастерской Гзеллей. До сих пор сведений о конкретных исполнителях работ не обнаружено, но напомним, что ученики Гравировальной палаты — Соколов, Качалов, Бернц, Маттарнови — прекрасно владели техникой акварели. Сохранились многочисленные рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные ими. В Академии в этот период также акварелью работали известная художница М. Д. Гзелль и ученик рисовального художества Анд. А. Греков (1711–1791) [14, с. 30–31, 98–99]. Вероятно, все эти ученики могли выполнить иллюминовку под присмотром М. Д. Гзелль.

По просьбе Татищева, прежде всего в Москву, отправляли готовые гравюры для переплета первых 500 экземпляров книг на русском языке, «а прочие со временем, ежели нужны будут», планировали «употребить к французскому, немецкому и остальным русским» экземплярам [8, с. 684]. Несмотря на постоянные окрики из Москвы работы подвигались медленно. В феврале 1731 г. Татищев посылает в Петербург два экземпляра описания коронации, просит переплести с гравюрами, когда те будут готовы, и прислать в Москву [9, с. 14]. Вероятно, речь идет о первых пробных книгах, которые Татищев надеялся полностью подготовить к годовщине коронационных торжеств, поскольку нетерпение императрицы все нарастало. Действительно, в конце марта 1731 г. он уже получает иллюминированные экземпляры гравюр, но, к сожалению, далеко не все необходимые номера иллюстраций и не для всех экземпляров пяти раскрашенных императорских альбомов [9, с. 37–38].

Готовые гравюры посылали в Москву с разными оказиями по частям [9, с. 37–38, 62–63]. Большие партии были отосланы в мае 1731 г., в соответствии с реестрами, которые сохранились в СПФ АРАН¹. Эти документы дают ясное представление о том, как именно продвигались работы. В общей сложности в мае было отправлено 3772 отпечатанных экземпляра гравюр. Некоторые номера гравированных иллюстраций были отосланы в количестве 500 экз., в частности — 500 императорских портретов, иных гравюр — 505 экз., других — 506 экз. Но среди всех остальных было послано только 79 экз. гравюр с изображением процессии коронования и ни одного экземпляра иллюстрации под № 13 с изображением сцены коронования². Вероятно, Вортман был вынужден первоначально завершить работу над коронационным портретом императрицы и только затем смог приступить к выполнению гравюры со сценой коронования.

В сентябре 1731 г. с ямщиком в Москву посланы «кипки» (стопки) гравюр с сопроводительным письмом Шумахера, в котором содержалась просьба «на заставах господам командующим вышеписанные кипы не задерживать нимало, пропускать со всяким старанием»³. Наконец, в декабре 1731 г. отправлено еще 6288 гравюр, но снова ни одного экземпляра иллюстрации со сценой коронования⁴. Дело в том, что закончить работу академическим мастерам помешали непредвиденные обстоятельства — императорский двор запланировал переезд в Петербург. К возвращению Анны Иоанновны в столице построили триумфальные ворота, украшенные картинами, описание которых с гравированными иллюстрациями было необходимо срочно напечатать. Работу над гравюрами опять поручили Вортману и Эллигеру [9, с. 84]. 31 января 1732 г. Татищев все еще ждал гравюры к коронационному альбому, но императрица, приехав в столицу, увлеклась новыми развлечениями и приказала гравировать фейерверк и иллюминации, устроенные в день ее именин [9, с. 101–102].

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. Л. 232, 234–235.

² Там же. Л. 234–235.

³ Там же. Л. 270.

⁴ Там же. Л. 238–238 об.

Только в мае 1732 г. в Академии смогли закончить все работы по изготовлению иллюстраций к коронационному альбому. 11 мая в Сенат был представлен реестр с указанием общего числа отправленных в Москву к Татищеву гравюр — всего 12254 экз. и оставшихся на тот момент в Петербурге — 5846 экз. Представленный в Сенат перечень дает весьма четкое представление о том, над какими гравюрами в Академии работа шла быстрее всего, а какие вызвали наибольшие трудности или были начаты позднее в силу разных обстоятельств. Иллюстрации с изображениями фейерверка, иллюминации, большой короны, герольдмейстера и маршальских жезлов, коронационных медали и жетона, плана Грановитой палаты отосланы практически полностью. Императорских портретов отправлено только 500 экз., коронационной процессии — 386 экз., тогда как внутреннего вида церкви Успения Богородицы со сценой коронации послано только 2 экз., а 1198 экз. этой иллюстрации еще оставались в Петербурге. Каждая гравюра была отпечатана в количестве 1200 экземпляров. Общие затраты Академии, включая расцвечивание 5 экз. каждой иллюстрации для императорских альбомов были оценены в значительную сумму — 2590 руб. [9, с. 129–130]. Для сравнения приведем затраты Академии наук на создание коронационного альбома Елизаветы Петровны, изданного тиражом в 900 экз. на русском, французском и немецком языках с 49 иллюстрациями, а именно 15 368 руб.¹

Вопреки всем замыслам иллюминированные экземпляры внутреннего вида Успенского собора со сценой коронации Татищев также получит только весной 1732 г. 1 июня 1732 г. в Москве были наняты переплетчики, но дело опять остановилось, поскольку все еще не были присланы иллюстрации с изображением внутреннего вида церкви [9, с. 132–133, 135]. Шумахер заверил, что каждый раз с почтой будут присылать по 100 экз. отпечатков, чтобы «не тяготить почту», а заставки к немецкому изданию уже отданы мастеру в расцвечивание и затем будут отправлены в Москву².

Наконец в конце августа 1732 г. Татищев извещает Шумахера, что с нарочным посылает императрице некоторое число коронационных книг и просит с солдатом Монетной канцелярии на подводах прислать все оставшиеся гравюры в Москву, поскольку «повелено все 1200 книг неумедля переплесть»³ [Ср.: 9, с. 167].

Для немецкого издания гравюры были уменьшены, упорядочены, а изображение малой (выходной) императорской короны перенесено на отдельный лист. Современные исследователи отмечают, что в процессе переплета русского и немецкого вариантов альбомов иллюстрации были перепутаны [3, с. 234]. Именно поэтому в музеях и архивах встречаются альбомы с разным количеством гравированных иллюстраций (кроме портрета еще 14 или 15 листов), а в изданиях на русском языке шесть гравюр существуют в двух вариантах [13, с. 356–357].

Часть тиража коронационного альбома в сентябре 1732 г. была отправлена в Петербург к императрице, часть пущена в продажу [9, с. 178–179]. В том числе 150 книг было отправлено в Академию для продажи в книжной лавке. Цену, для того времени достаточно высокую, сообщил Татищев. Она составила 3 р. 50 коп. [9, с. 182]. Коронационный альбом сразу стал популярным изданием. Для частных лиц высокого уровня (обер-гофмейстера С. А. Салтыкова, фельдмаршала Я. В. Брюса и др.) специально подготавливали иллюминированные экземпляры [9, с. 179].

25 октября 1732 г. был издан указ Правительствующего Сената о возмещении затрат Академии наук в сумме 2590 руб. за 1200 экземпляров каждой гравюры для всего тиража коронационного альбома Анны Иоанновны, включая 70 руб. за расцвечивание 5 экземпляров каждой иллюстрации для императорской семьи. Цена

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 478, 495 об., 500.

² Там же. Д. 6. Л. 262.

³ Там же. Л. 273, 276.

за изготовление каждой гравюры была скрупулезно оценена только в академическом реестре, тогда как сенатские служащие предпочли оценить затраты на изготовление каждой гравюры по среднему значению в 2 руб. 10 коп. за экземпляр. Академия получила деньги из Штатс-конторы, а Штатс-контора впоследствии должна была компенсировать расходы после продажи книг¹.

Подводя итоги, следует отметить, что коронационный альбом Анны Иоанновны был издан внушительным тиражом в 1200 экз. на русском и немецком языках. Издание на французском языке не осуществлялось. Иллюстрации альбома, созданные граверами Академии наук, отразили главные моменты коронационной церемонии и впервые запечатлели коронационные императорские регалии как самостоятельную ценность. Работы по созданию коронационного альбома растянулись более чем на два года, но позволили накопить значительный опыт, учтенный впоследствии при создании коронационного альбома Елизаветы Петровны.

Литература

1. Алексеева М. А. Гравировальная палата Академии наук Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. С. 72–95.
2. Алексеева М. А. Новые биографические данные о художнике Оттомаре Эллигере Сообщения Государственного Русского музея. Вып. 10. М., 1974. С. 64–68.
3. Алексеева М. А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVI. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 232–240.
4. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994.
5. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2004.
6. Блескина О. Н., Гаврилова О. А. История создания и проблемы реставрации рисунков Христофора Марселиуса : Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. тр. Вып. 19. СПб., 1998. С. 149–155.
7. Маркова Н. К. Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны Третьяковская галерея. 2011. № 1(30). С. 5–21.
8. Материалы для истории императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1.
9. Материалы для истории императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 2.
10. Миролюбова Г. А. Гравировальная палата Академии наук // М. В. Ломоносов и елизаветинское время : каталог выставки. СПб. : издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 334–340.
11. Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. М. : Типография при Сенате, 1730.
12. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895.
13. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 в 5 т. М. : Издание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1962–1975. Т. 2.
14. Стецкевич Е. С. Рисовальная палата Петербургской Академии наук (1724–1766). СПб. : Наука, 2011.
15. Тункина И. В. Уникальный памятник русской истории — коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1 М., 2005.

References

1. Alekseeva M. A. *Engraving chamber of Academy of Sciences* [Graviroval'naya palata Akademii nauk] Russian art of the XVIII century. Materials and researches [Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniya]. M. 1968. P. 72–95.
2. Alekseeva M. A. *New biographic data on the artist Ottomar Elliger* [Novye biograficheskie dannye o khudozhnike Ottomare Elligere] Messages of the State Russian Museum [Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya]. V. 10. M. 1974. P. 64–68.

¹ СПФ АРАН, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 249; Д. 942 Л. 208.

3. Alekseeva M. A. *Images of coronation and funeral ceremonies of the XVIII century. The published and unpublished albums* [Izobrazheniya koronatsionnykh i pogrebal'nykh tseremonii XVIII v. Izdannye i neizdannye al'bomy] Auxiliary historical disciplines [Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny]. V. XXVI. SPb. : Dmitry Bulanin, 1998. P. 232–240.
4. Anisimov E. V. *Russia without Pyotr: 1725–1740* [Rossiya bez Petra: 1725–1740]. SPb. : Lenizdat, 1994.
5. Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya]. 2004.
6. Bleskina O. N., Gavrilova O. A. *Istoriya of creation and problems of restoration of drawings of Hristofor Marselius* [Istoriya sozdaniya i problemy restavratsii risunkov Khristofora Marseliusa] Theory and practice of preservation of monuments of culture [Teoriya i praktika sokhraneniya pamyatnikov kul'tury]. V. 19. Collection of the Scientific works. SPb. 1998. P. 149–155.
7. Markova N. K. *About history of creation of a coronation album of the empress Elizabeth Petrovna* [Ob istorii sozdaniya koronatsionnogo al'boma imperatritsy Elizavety Petrovny] the Tretyakov gallery [Tret'yakovskaya galereya]. 2011. N 1 (30). P. 5–21.
8. *Materials for history of imperial Academy of Sciences* [Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk]: in 10 v. SPb. 1885–1900. V. 1.
9. *Materials for history of imperial Academy of Sciences* [Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk]: in 10 v. SPb. 1885–1900. V. 2.
10. Miroyubova G. A. *Engraving chamber of Academy of Sciences* [Graviroval'naya palata Akademii nauk] M. V. Lomonosov and Elizabethan time. Exhibition catalog [M. V. Lomonosov i elizavetinskoe vremya katalog vystavki]. SPb.: publishing house of the State Hermitage [izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha], 2011. P. 334–340.
11. *The description of crowning of Anna Ioannovna, solemnly held in a reigning hail Moscow, on April 28, 1730* [Opisanie koronatsii Eya Velichestva Imperatritsy i Samoderzhitsy vserossiiskoi, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu]. M. : Printing house at the Senate [Tipografiya pri Senate]. 1730.
12. Rovinsky D. A. *Detailed dictionary of the Russian engravers of the XVI–XIX centuries* [Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI–XIX vv]. SPb., 1895.
13. *Summary catalog of the Russian book of the civil press of the XVIII century. 1725–1800* [Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800] : in 5 v. M. : The edition of the State library of USSR of V. I. Lenin [Izdanie Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina], 1962–1975. V. 2.
14. *Stetskevich E. S. Drawing chamber of the Petersburg Academy of Sciences (1724–1766)* [Risoval'naya palata Peterburgskoi Akademii nauk (1724–1766)]. SPb. : Science [Nauka], 2011.
15. Tunkina I. V. *A unique monument of the Russian history — the Coronation album of the empress Elizabeth Petrovna* [Unikal'nyi pamyatnik russkoi istorii — koronatsionnyi al'bom imperatritsy Elizavety Petrovny] Messenger of history, literature, art [Vestnik istorii, literatury, iskusstva]. V. 1. M., 2005.

Генезис городской культуры России и Европы: сравнительно-исторический анализ

Киреева Ольга Викторовна

Государственная полярная академия (Санкт-Петербург)
Ассистент кафедры регионоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Кандидат культурологии
gra-olgakireeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье приведен сравнительный исторический анализ культуры ранних городов России и Европы. Выявление особенностей генезиса городской культуры, сопоставление с другими типами городских культур (в рамках данного исследования — с европейским) приводит к пониманию самобытности и уникальности русского города как особого типа городской культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город, городская культура, Древняя Русь, средневековая Европа, генезис культуры

Kireeva O. V.

The Genesis of the Urban Culture of Russia and Europe: a Comparative Historical Analysis

Kireeva Olga Viktorovna

State Polar Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Assistant of the Chair of the Region Knowledge and Social and humanitarian Disciplines
PhD in Culturology
gra-olgakireeva@mail.ru

ABSTRACT

In the article a comparative historical analysis of the culture of early cities of Russia and Europe is given. Identifying of features of the Genesis of urban culture, comparison with other types of urban cultures (in this research work — with European) leads to the understanding of originality and uniqueness of the Russian city as a special type of urban culture.

KEYWORDS

City, urban culture, Ancient Rus, Medieval Europe, the Genesis of culture

Обращение к историко-культурным проблемам городской культуры обусловлено тем, что сегодня в этой сфере происходят поистине революционные процессы. В первую очередь необходимо отметить тенденцию к увеличению численности городского населения, а также его дифференцированность в этноязыковом, культурном, социальном, экономическом и других аспектах. Таким образом, очевидна необходимость поиска путей решения межкультурных, межконфессиональных и других социальных проблем. Отсюда возникает острая потребность во всестороннем научном изучении города и городской среды. Культура русского города зиждется на многовековой истории, включая процесс его зарождения и развития. Выявление особенностей генезиса городской культуры, сопоставление с другими типами городских культур (в рамках данного исследования — с европейской городской культурой) приводит к пониманию самобытности и уникальности древнерусского города как особого типа городской культуры.

Специфика такого культурного явления, как древнерусская городская культура, выявляется, на наш взгляд, не только путем изучения ее истоков и развития, но и

путем сопоставления со схожим культурным явлением (в нашем исследовании — с культурой европейских городов). Это позволяет выделить особенные, присущие только ей черты городской культуры Древней Руси.

Древнерусский город в контексте европейской культуры, как показал анализ источников, отдельно не рассматривался. Множество работ посвящено влиянию западноевропейской, североευропейской и византийской культур на древнерусскую, однако детальный сравнительный анализ европейской и древнерусской городской культуры в поле нашего зрения не попадал.

Для начала необходимо определить, что подразумевается под «европейским компонентом» в рамках данного исследования, и с какой целью древнерусская культура сравнивается с другими европейскими культурами.

В современной науке нет единого определения европейской культуры. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что европейская культура — это совокупность культур, исторически локализованных на территории Европы, ибо, несмотря на общее происхождение, каждая из европейских культур имеет свои специфические особенности, обусловленные географическими отличиями и ходом исторического развития каждой культуры в отдельности.

Культуры европейских стран, равно как и русская культура, вышли из одной языковой общности — индоевропейской, а значит, исторически имеют одно основание, одни корни. Когда в IV–III тыс. до н. э. произошел распад индоевропейской языковой семьи, культуры, входившие в нее, уже развивались по своему пути под воздействием различных факторов. Они ассимилировали одни культуры, подвергались захвату других, вынуждены были менять места обитания, расходились по территории Европы в поисках новых пригодных для жизни территорий, обретая при этом свои специфические особенности. Большое консолидирующее значение в истории европейских культур, безусловно, сыграла античная культура, транслируемая римскими завоевателями.

Однако, несмотря на разные пути развития, основы европейских средневековых культур и древнерусской культуры, берущие начало в глубокой древности, дают предпосылки для выделения не только особенностей этих культур, но и их единого базисного начала.

Таким образом, городскую культуру Древней Руси в европейском контексте можно рассматривать, на наш взгляд, с двух точек зрения: 1) анализа взаимосвязи и взаимовлияния культуры средневековой Европы и городской культуры Древней Руси; 2) сопоставления городской культуры средневековой Европы с городской культурой Древней Руси.

В контексте данного исследования целесообразным является использование обоих подходов, однако акцент мы ставим на втором, т. е. на сравнительном анализе древнерусской и европейской городских культур.

Итак, в основе выявления европейского контекста в культуре древнерусского города лежит анализ культурной специфики городов Древней Руси и средневековой Европы, а также исследование общих и специфических закономерностей развития европейской и древнерусской культур на примере городской культуры. Сравнить европейские средневековые и древнерусские города мы будем по модели городской культуры, которая, на наш взгляд, позволяет выделить наиболее важные составляющие культуры городов, а именно административно-правовой, социально-экономический, религиозно-нравственный и эстетический опыт.

Административно-правовую основу городской культуры составляет политическая модель городского пространства, организация управления городом (исходя из функционального предназначения города), а также свод писанных и изустных норм и правил поведения, действующих в данном городском обществе. На основе этих составляющих делается вывод о тех аспектах городской культуры как духовного

опыта людей, которые, пронизывая все слои городского населения, являются организующим началом социокультурного пространства города.

Европейский средневековый город XII в. — это крепость, защищаемая вооруженными горожанами. «Эти горожане сами облагают себя податями, назначают своих должностных лиц, судят, наказывают, собираются для обсуждения своих дел; в этих собраниях принимают участие все городские жители», — так описывает городское устройство Ф. Гизо [3, с. 175]. По его словам, они имеют также свою «милицию» и ведут войну со своими сеньорами. Собрания горожан Европы отчасти напоминают вече городов Древней Руси.

Если говорить о различиях европейской и древнерусской административно-правовой городской системы, то нужно отметить, что те исторические явления европейской городов (феодалная система, бюргерство, гильдии и др.), которые отличают их от жизни городов Древней Руси, обусловлены, в первую очередь, разными условиями зарождения. Так, например, в Древней Руси не было такой плотности населения, как в Европе, и, соответственно, такого количества военных столкновений между племенами. В большинстве своем восточнославянские племена были родственны между собой по языку и имели также торгово-политические контакты. К тому же в процессе славянского переселения на территорию Восточно-Европейской равнины общинно-племенной строй разрушался, порою роды разбивались, кто-то ушел вперед раньше, кто-то отстал и, таким образом, у славянина сложилось представление о том, что где-то в другом селе или городе живет его родич. Формировалась национальная идентичность, представление о единстве славянских племен, что немало способствовало консолидации земель и городов Древней Руси. В «тесной» Европе шла ожесточенная борьба между племенами за расширение границ своих территорий, отсюда интенсивный темп оборонительных действий, в частности, создания укрепленных поселений как форпостов территорий и символов того, что данная земля уже «занята». Сапронов отмечает немногочисленность древнерусских городов и их жителей, а, кроме того, редкость городских поселений на Руси по сравнению с западными городами. По его подсчетам, Киев XIII в. насчитывал около 40 тыс. чел., Новгород — 20 тыс., в то время как в Лондоне и Милане проживало около 100 тыс., а в Венеции — 150 тыс. Разница в густоте и плотности поселений обусловлена также спецификой природно-климатических условий: в Европе климат теплее и мягче, преобладают возвышенности и равнины, нет такого количества болот и непроходимых лесов, которыми так богата Восточно-Европейская равнина. Даже городские постройки в Европе очень быстро стали возводить из камня, Русь же долгое время была деревянной в силу богатства древесины и суровых климатических условий.

Особенно много городков в Европе располагалось в Италии, Северной Франции, Фландрии, Брабанте (будущие города *Гент, Брюгге, Ипр, Брюссель, Лувен*). Густо, практически соприкасаясь предградьями, стояли города на Рейне. Богат городскими поселениями был также бассейн Среднего Дуная, германское побережье Северного моря, Юго-Восточная Англия. Как отмечает А. А. Сванидзе, «плотность размещения разного рода городов была такова, что в зрелое Средневековье житель деревни мог до какого-нибудь из них в течение одного дня, а нередко и вернуться обратно» [4, с. 24]. Сопоставляя культуру Европы и Руси, «нельзя не отметить, что плотность населения в несколько человек на квадратный километр создает совсем иной баланс между культурой и природой по сравнению с плотностью в десятки человек на квадратный километр. В первом случае природы будет несоизмеримо „больше“, чем культуры» [6, с. 48].

В административно-правовом отношении военная активизация европейских племен обусловила выдвижение к власти военного сословия, повысилась роль военной аристократии: конунгов, королей, князей и т. д., которые силой овладели правом

собственности на землю. На Руси же миграция была относительно мирного характера: на Восточно-Европейской равнине славяне соседствовали с охотничье-животноводческими племенами — финно-уграми — на севере и востоке (отношения славян с ними носили торговый характер), а также со скотоводческими тюркоязычными племенами на юге, где нередко возникали конфликты. Таким образом, укрепленных поселений у восточных славян, из которых впоследствии вырастали города, было немного, в отличие от племен Западной Европы.

Обширная территория расселения славян способствовала сохранению общинных традиций, в том числе и политического устройства, и в городской среде. Роль князя на Руси начинает меняться после прихода варяг, а также функция князя коренным образом меняется после татаро-монгольского ига и влияния скотоводческой культуры, когда княжеская власть перенимает на себя новые функции. На Руси становится ощутимым влияние взаимодействия с военизированной по своей природе культурой татаро-монгол, обладающей четкой иерархией общества и жесткой дисциплиной (в скотоводческих культурах это было связано с необходимостью захвата новых территорий). Таким образом, влияние ига на политическую систему Древней Руси оказало воздействие и на функции княжеской власти, за князьями закрепляется право собственности на города и примыкающие к ним посады, что существенным образом меняет функцию русских городов и административно-правовые основы городской культуры. Впервые можно говорить о понятии «централизованная власть» в полном смысле этого слова только в Московском царстве. В данном положении заключается существенное отличие административно-правовой культуры Западной Европы и Руси: Русь длительное время была наследницей общинных традиций управления и не знала монархии, т. е. единовластия в европейском понимании.

Древнейший памятник народного изустного творчества, берущий свое начало в Древней Руси, — былины — доносят до нас такое представление древних поселенцев о вечевых собраниях и старейшинах, которые управляли городами:

- 1) *А тут и мужики угличи*
С ним, со царем, заздорили,
Не пушают его во Углич град,
И не сказывают про того удала добра молодца:
Что-де у нас нет такого и не бывало.
Старики тут вместе сходилися,
Они думали думу единую... [1, с. 205].
(Былина о Сауле Леванидовиче)
- 2) Он подъехал-то под славный под Чернигов град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигод град,
Ай зовут его в Чернигов воеводою [1, с. 65].
(Былина об Илье Муромце)

Данные былины говорят о верховном руководстве городом старейшин, которые были ответственны за принятие важнейших в городской жизни решений. Они же решали, кому доверить управление городом. Княжеская культура в период становления городов Древней Руси претерпевает значительные изменения: из народных избранников, порождения общинно-племенной культуры, они превращаются в чужеродный элемент (особенно на восприятии княжеской культуры сказывается появление варягов в княжеской среде):

Не будем мы стоять за стольный град Киев,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:

У него ведь есть много да князей бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира [1, с. 86].

(монолог богатырей из былины
«Илья Муромец и Калин царь»).

Отношение к князю четко прослеживается в этом эпизоде. Беспрекословного подчинения князю нет, воины преследуют свои цели. Основным доводом при этом служит то, что князь их вовремя не одарил, не задобрил. Неудобного князя на Руси могли убить (как это часть происходило в Новгороде), либо изгнать из города.

Из сопоставления европейской и древнерусской городской административной культуры можно также вывести тот факт, что власть в городах Европы и Древней Руси имела различные основания. В Европе в силу различных условий главенствующую роль приобрела королевская власть — военная аристократия, которая обладала правом собственности на завоеванную землю, сооружала укрепленные поселения и облагала налогами жителей городов и сельской округи. И, хотя в результате борьбы с сеньориальной властью некоторые наиболее крупные и богатые города получают самоуправление и право самим собирать налоги с тем, чтобы потом их отдавать в королевскую казну, даже такая форма самоуправления (мэр и городской совет) лишь отдаленно соотносится с городским управлением Киевской Руси. Здесь князья не обладают правом собственности на землю, земельным фондом распоряжается вече во главе со старейшинами и городской знатью. Сходно право на выборы себе князя в крупных городах Европы и Руси, но управители наделены разными полномочиями. Горожане Древней Руси, как уже было сказано ранее, не знали монархической власти в полном смысле этого слова вплоть до образования Московского царства. Отсюда и различное отношение горожан к городским властям на Руси и в Европе.

Обратимся теперь к *социально-экономической* сравнительной характеристике городов Европы и Руси, т. е. особенностей экономического устройства и социальной структуры городского пространства. Для понимания истоков европейской городской культуры необходимо рассмотреть почву, на которой она выросла, т. е. социально-экономическую основу средневековых городов Европы. И, в первую очередь, когда мы разбираем культуру того периода, нужно осознавать, что основу жизни людей составляло земледелие и, соответственно, землевладение, а также торговля, внутренняя и внешняя, активно развивающаяся и обогащающая культуру.

Значительная часть земельной собственности в средневековых городах Европы находилась в руках политических или землевладельческих властей могущественных городов или отдельных знатных землевладельцев-горожан. Что касается городского общества Европы, то города притягивали к себе людей своими свободами и привилегиями. Вследствие этого европейские города стремительно росли. Сюда привлекала также возможность укрыться в церкви (особенно низшие слои населения и иногда богатых изгнанников). По мнению Ф. Гизо, эти изгнанники сильно повлияли на развитие городов и их обогащение. В X в. характерным является также стремление горожан к защите от феодалов, которые облагали их всевозможными налогами и всячески притесняли в правах. Как результат, в XI–XII вв. происходит относительное освобождение городских общин от угнетений феодалов, особенно эффективен этот процесс был в наиболее крупных и богатых городах, которые могли «купить» себе самостоятельность. Освобождение горожан положило начало новому процессу формирования особого класса — *буржуазии*.

Городская община включала в себя всех жителей города, созывалась колоколом на собрания, на которых решала вопрос избрания должностных лиц и другие во-

просы. В этом отношении можно соотнести собрание горожан Европы с вечевой системой Древней Руси.

Однако существенным отличием европейских городов является наличие разветвленной структуры городской общины, включающей деление людей по профессиональному и другим признакам. В отличие от сельских общин, где бытовала сплоченность по родовому принципу, в городах общинно-родовые связи разрываются, образуются новые объединения на основе общих трудовых и духовных интересов. В X–XI вв. торговые гильдии уже объединяли купцов, верхушку ремесленников, частных собственников и т. д. С XI в. купеческие гильдии распространились по всей Европе. В 1161 г. возникает крупнейшее торговое объединение Северной Европы — Ганзейский союз. Он появляется после заключения под эгидой Генриха Льва мира между немцами и жителями Готланда. А к концу XIII в. влияние Ганзы распространилось от Фландрии и Англии до Северной Руси. Ганзейские купцы жили в Брюгге, Лондоне, Стокгольме, Новгороде, Риге и других крупных городах Европы. А это свидетельствует не только о развитии экономических связей Европы, но и расширении культурного пространства и культурных связей между городами.

Объединения создавались не только в торговой среде, каждый горожанин входил в какое-либо объединение: гильдию, цех, братство: воинское, духовное, соседское и т. д. Гильдии и цехи имели монополию на свои виды деятельности, не допускали так называемых «чужаков»; их привилегии были закреплены за ними властями. Большинство городских объединений имели свой устав, представляющий собой регламентацию трудового и общественного поведения, а также фиксировали социальные гарантии в различных непредвиденных ситуациях: материальную помощь, моральную поддержку и др. По подобию торговых и ремесленных объединений возникали союзы медиков, учителей, юристов, художников и даже низших слоев населения. Появлялись также братства по интересам: духовные, приходские, соседские, воинские и т. д. Все различного рода общества также образовывали иерархическую структуру городского общества. Так, каждый горожанин, как правило, входил в профессиональное объединение и общность по интересам.

Таким образом, круг общения людей расширялся за счет вхождения в ту или иную структуру, создавалось общество неродственных между собой людей, рождающее новые формы культуры. Причем цеха, гильдии и другие объединения — это своеобразное городское продолжение родоплеменных традиций, а именно — сплоченности коллектива, доверия внутри него, взаимопомощи, отстаивания своих интересов сообща. Но так как в городе человек отрывается от традиций сельской общины, он включается в мир городской культуры, его «социальность», адаптируясь к городской среде, приобретает новые формы (в виде профессиональных сообществ и объединений по интересам). Сванидзе так характеризует культурные последствия включения человека в городское сообщество: «так создавался особый круг общения, очень важный для выработки профессионального и личностного самосознания горожан, их политической и личной независимости, общественного авторитета, не полученных по наследству, но заработанных в результате личных усилий» [4, с. 33].

В период образования городов туда тянулись не только жители прилегающей территории, но и торговцы, ремесленники, воины из других племен. Так происходило, во всяком случае, при образовании новых городов, когда привилегиями в город привлекались переселенцы; в меньшей степени при преобразовании старых поселений в городские общины. Таким образом, в городскую общину Европы, так же, как и Руси, проникал чужеродный элемент. Это, безусловно, обогащало городскую культуру и вело к так называемому «культуротворчеству» как результату смешения культур, а также к появлению новых форм объединения людей.

Сравнивая городское социально-экономическое устройство России и Европы, А. А. Сванидзе пишет: «Города в России не прошли через коммунальные движения, до отмены крепостного права знали лишь ограниченное самоуправление. Званием „посадские люди“ не гордились, тогда как бюргеры были полны достоинства... в России были во многом иные, нежели в Западной Европе, формы социальной жизни городов, а сами города и мещане занимали иное место в обществе» [4, с. 11]. На Руси, как было сказано ранее, не было такого масштабного разделения по профессиональным группам и сообществам по интересам, как в Европе. Безусловно, древнерусский город, как и любой другой, вмещал в себя представителей различных сословий и профессий: воинское сословие (князя, дружина, вои), купцы, ремесленники, зависимое население и т. д. Но ничего, напоминающего европейские корпорации либо цеха, на Руси не создавалось. Исключением могут служить разве что крупные торговые объединения как, например, Ивановский сто в Новгороде, к которому городские власти направляли официальные письма и которое вело международную торговлю. В основном же профессиональные или иные объединения в древнерусских городах не носили официального характера. Городское общество, так же как и в Европе, было дифференцировано, здесь также ощущается влияние родовых традиций на городскую культуру. Город еще достаточно долго носит аграрный характер, совмещая возникающие на городской почве новые элементы культуры с традиционными архетипами.

Древнерусские города X–XIII вв. в экономическом отношении — это активно развивающиеся торгово-ремесленные центры с прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Наиболее интенсивно развиваются те из них, которые расположены вдоль торговых артерий и на пути следования караванов, т. е. те, где процветают производство и торговля. Русь как торговое государство была известна и на Западе, французский эпос так отразил богатство Руси: из Руси шли в Европу русские соболя, русские плащи — «корзна», русские боевые кони, кольчуга, «тонкое лучшее русское золото» и другие товары. «Иносказательное выражение „даже за русское золото“ в смысле „ни за что на свете“ достаточно отражает представления об экономической силе Киевской Руси. Военная сила Руси воплотилась во французском эпосе в образе богатыря „исполинского роста в четырнадцать футов с прекрасной гривой русых курчавых волос, рыжеватой бородой и лицом в рубцах“. Выражение „идти на Русь“ означало вообще гибельный поход» [2, с. 516].

Уже в X в. начался активный приток на Русь в крупнейшие города посольств от таких государств, как Чехия, Польша, Венгрия, Рим и других стран, с которыми Русь поддерживает политические и торговые отношения. Практикуются также матриониальные связи с известнейшими домами Европы: французскими, германскими, скандинавскими, польскими, чешскими и др. Особенную международную известность Русь получает во время правления Ярослава Мудрого. К XII в. относятся налаживание торговых связей Новгорода с Ганзой, в частности с готским берегом и немецкими городами, в частности появляются грамоты, которые регулируют отношения между сторонами и регламентируют правила поведения на чужих территориях. Например, грамота от 1189 г. гласит, что новгородский посол может беспрепятственно ходить в немецкую землю и готский берег и наоборот, иначе князь имеет право судить иностранца (если убьют посла — 10 гривен серебра; если побьют купца — 10 гривен, то же, если свяжут, ударят или если побьют жену купца или дочь, если снимут повои с головы женщины и т. д.) [8]. Если поссорятся немец с новгородцем, то ведут их на суд на двор Св. Ивана отвечать перед посадником, тысяцким и купцами. Таким образом, торгово-экономические связи с Русью играли немаловажную роль в развитии европейских государств, русские же города же впитывали в себя традиции западных соседей.

Необходимо отметить, что в основе отличий европейских и древнерусских городов в социально-экономическом отношении лежат два основных фактора:

- 1) на Руси не было феодального гнета, и соответственно, не было такой необходимости в постоянном противодействии королевской власти и борьбе за свои права и привилегии, как в Европе;
- 2) меньшая численность населения, а также меньшая частота расположения городов на Руси не вызывала такой необходимости в усложнении социально-экономического устройства (создании гильдий, цехов, братств), как в европейских городах.

Сопоставление религиозно-нравственного и эстетического опыта городской культуры европейских и древнерусских городов базируется на анализе миропонимания древних горожан, их отношения к себе, другим людям и окружающему их городскому пространству. Чувственно-эстетический мир горожанина отражен в архитектурном убранстве городов, внутреннем оформлении жилого пространства, в особенностях визуальных репрезентаций повседневной и праздничной городской культуры.

Говоря о культуре средневековой Европы, известный исследователь культуры европейского средневековья Й. Хейзинга писал, что когда мир был на пять веков моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которыми и поныне воспринимает горе и радость душа ребенка. Всякое действие, всякий поступок следовали разработанному и выразительному ритуалу, возвышаясь до прочного и неизменного стиля жизни. Важные события: рождение, брак, смерть благодаря церковным таинствам достигали блеска мистерии. Вещи не столь значительные, такие как путешествие, работа, деловое или дружеское посещение, также сопровождались неоднократными благословениями, церемониями, присловьями и обставлялись теми или иными обрядами [7]. Таким образом, европейская городская культура, вобрав в себя как опыт античности, так и традиции родовой общины, представляет собой синтез культурных компонентов прошлых эпох и культуры нового типа — городского, в ее средневековом понимании.

Европа узнала христианство раньше, чем Русь, в силу распространения на ее территории позднеримских традиций. В период VI–IX вв. большая часть язычников в Европе была обращена в христианство, а также это время победы над арианством, когда племена лангобардов, западных готов приняли ортодоксальную веру.

Вначале миссионеры пытались обратить в христианскую религию главу племени, вождя или короля. После того, как вождь становился христианином, большая часть его подданных принимала веру вслед за ним. Безусловно, большинство людей имело весьма смутные представления о новой вере и сохраняло свои старые обычаи, унаследованные от язычества.

И в Европе, и на Руси христианство не столько сопровождает городскую культуру, сколько формирует ее, являя собой функцию адаптации человека к городской среде и урегулирования социальных взаимоотношений. Христианство — это религия смирения (что импонировало властям), это и религия равных, где нет этнических и сословных различий. Духовенство европейских и древнерусских городов получило власть над духовным миром людей. Так, например, на Руси князья устанавливали налоги в пользу церкви, так называемую десятину, священнослужителям же отводилась роль нравственного «цензора» верующих. Так, например, «Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» устанавливает десятину и говорит о суде Божьем за различные преступления, такие как распутство, неурядицы между мужем и женой, волхование,

церковные кражи, осквернение креста, ввод животных в церковь, молитва в местах языческих культов и т. д. [8]. Эти дела имели право судить только епископы и церковь. Князь Ярослав установил штрафы за такого рода прегрешения. Одним словом, несмотря на то, что еще до крещения Руси в городах были верующие христиане, религия распространялась сверху. Европа, как уже говорилось ранее, знала христианство раньше Руси, однако хотя там распространение христианства и носило масштабный характер, однако синтез языческого и христианского миропонимания еще много столетий составлял сущность городской культуры. Различие между религиозной культурой европейских и древнерусских городов мотивировано еще и тем, что обратиться в христианство густонаселенную Европу с «большими» городами и сеньориальной зависимостью горожан было гораздо легче, чем разбросанные далеко друг от друга, малозаселенные древнерусские города и посады.

Языческие суеверия, повседневная и праздничная обрядность сопровождала жизнь горожан Европы и Руси всех сословий, переплетаясь с нравственными догмами христианства. Религиозная жизнь городов была также представлена не только монастырями. Так, например, в европейских городах XI–XII вв. широко распространяются каноники, отсоединившиеся от монашества. «Для регулярных каноников высшей нравственной ценностью их отношения к миру являлась *caritas* — любовь, питавшая, среди прочего, и мистическое богословие многих соборных школ Западной Европы. Любовь трактовалась как жертвенная, наставляющая сила, идущая от высшей любви к Богу и обращенная к ближнему» [4, с. 287].

Что касается символического пространства европейских и древнерусских городов и чувственно-эстетического опыта горожан, то здесь следует отметить всестороннее влияние (особенно на ранних этапах средневековья) традиций родоплеменного села, а также смешение языческого и христианского мироощущения. Одним из первых символов этого смешения в древнерусской архитектуре становится Десятинная церковь в Киеве. Особым отражением новых христианских эстетических воззрений является архитектура таких шедевров древнерусского зодчества, как Софийские соборы Новгорода, Киева, Полоцка и др. «Эта строгая иерархическая система представляет своего рода модель божественного космоса, очищенного от всего случайного» — это одна из существующих характеристик Софии Киевской [5, с. 71]. В архитектуре Софийского собора Новгорода идея выражена «более аскетично» и «более функционально».

Практически все городские постройки средневековья несли функцию не только обеспечения жизненного комфорта, но и разграничения своих жителей по сословной принадлежности. Недаром такую популярность получает роскошь не только в одежде, но и в убранстве домов, фасадов и т. д.

Сопоставляя архитектурное пространство различных городов, Л. А. Якобсон пишет, что «в своих наиболее существенных чертах зодчество разных стран проходило ... одни и те же основные этапы... Однако в каждой стране архитектурно-художественные проблемы решались по-своему в совершенно разных формах, что исключает определяющую роль влияний» [9, с. 6].

Итак, в результате сопоставления культуры европейских средневековых и древнерусских городов можно сделать вывод, что, во-первых, несмотря на разные пути развития, основы европейских средневековых культур и древнерусской культуры, берущие начало в индоевропейской древности, дают предпосылки для выделения не только особенностей этих культур по административно-правовым, социально-экономическим, религиозно-нравственным и эстетическим компонентам культуры, но и их единого базисного начала. Оно обусловлено историческим родством рассматриваемых культур. Однако в результате локализации культур в различных природно-климатических условиях, особого исторического пути развития городских

культур Европы и Руси, межкультурных коммуникаций можно говорить о специфических особенностях каждой из этих культур:

- 1) частота городских поселений и количество городских жителей в Европе и удаленно расположенные, малозаселенные города Руси;
- 2) феодальная система в Европе и власть народных старейшин (вече) и князя, назначаемого народом, на Руси;
- 3) мощные объединения городских сословий, широкая дифференциация общества в европейских городах и отсутствие четкого деления на классы в древнерусском городском сообществе;
- 4) религиозная власть, главенство Римской католической церкви, широкое распространение христианских воззрений среди европейских горожан и длительное бытование двуверия в восточнославянской среде;
- 5) сочетание в эстетическом опыте горожан традиций античности, родоплеменной культуры и христианского миропонимания Европы и синтез традиций общинной культуры и привнесенных из византийской, скандинавской, тюркской и других культур, адаптированных к древнерусской среде, и т. д.

Литература

1. Былины под ред. В. И. Чичерова. М., 1957.
2. Воронин Н. Н., Тиханова М. А. Пути развития русской культуры X–XIII вв. История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. М., 1951.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск, 2005.
4. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999.
5. Махлина С. Т. Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб. : Алетейя : Историческая книга, 2008.
6. Сапронов П. А. Русская культура IX–XX вв. Опыт осмысления. СПб. : Паритет, 2005.
7. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002.
8. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
9. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л., 1987.

References

1. *Tales* [Byliny] ed. V. I. Chicherov. M., 1957.
2. Voronin N. N., Tihonova M. A. *Ways of development of Russian culture in X–XIII centuries* [Puti razvitiya russkoi kul'tury X–XIII vv.] The history of the culture of Ancient Russia [Istoriya kul'tury Drevnei Rusi]. Vol. 2. The pre-Mongol period. M., 1951.
3. Guizot F. *History of civilization in Europe* [Istoriya tsivilizatsii v Evrope]. Minsk, 2005.
4. *The city in medieval civilization in Western Europe* [Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy]. Vol. 1. The phenomenon of medieval urbanism [Fenomen srednevekovogo urbanizma]. M. Nauka, 1999.
5. Makhlina S. T. *Semiotics sacred* [Semiotika sakral'no-religioznykh predstavlenii] religious views. SPb. : Aleteiya : History book, 2008.
6. Sapronov P. A. *Russian culture IX–XX centuries*. Experience of understanding [Russkaya kul'tura IX–XX vv. Opyt osmysleniya]. SPb. : Paritet, 2005.
7. Heizinga J. *The Autumn of the Middle Ages* [Osen' Srednevekov'ya]. M., 2002.
8. Shchapov Ya. N. *Ancient princely charters XI–XV centuries* [Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.]. M., 1976.
9. Jacobson A. L. *Regularities in the development of medieval architecture IX–XV centuries* [Zakonovernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury IX–XV vv.]. L., 1987.

ДОВСЕ: европейский вектор российско-американских отношений в рамках политики разоружения

Картышев Павел Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Аспирант

pavelkartyshev@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается основное содержание Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) с точки зрения эффективности его в современных условиях. Основной акцент сделан на влияние ДОВСЕ на российско-американские отношения в контексте системы международной безопасности, созданной после Второй мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика разоружения, международная безопасность, российско-американские отношения, международные институты, Договор об обычных вооруженных силах в Европе, НАТО, ОВД, ОБСЕ

Kartyshev P. B.

CFE: the European Vector of the Russian-American Relations within Disarmament Policy

Kartyshev Pavel Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Graduate Student

pavelkartyshev@gmail.com

ABSTRACT

In the article described the main contents of the Contract on restriction of conventional arms in Europe from the point of view of its efficiency in modern conditions. The main emphasis is placed on influence of the CFE on the Russian-American relations in the context of system of the international security created after World War II.

KEYWORDS

policy of disarmament, the international security, the Russian-American relations, the international institutes, the Contract on restriction of conventional arms in Europe, NATO, the Warsaw pact, OSCE

Политика разоружения после Второй мировой войны стала одним из ключевых стабилизационных механизмов сдерживания крупномасштабных военных действий на европейском континенте. Однако в меняющемся мире, после распада биполярной системы все большую роль на мировой арене играет западный блок государств, возглавляемый США.

Некоторые эксперты отмечают, что в результате военного конфликта на Украине «российско-американские отношения фактически оказались отброшенными на самую низкую точку со времен последнего всплеска „холодной войны“ начала 1980-х гг. — кризиса вокруг развертывания ракет средней и меньшей дальности в Европе» [1]. Как российские, так и американские СМИ ведут настоящую информационную войну начиная с февраля 2014 г., причем в отечественных СМИ

обсуждается возможность военного конфликта России с Западом, и в частности, с США. Решения о размещении дополнительного контингента и военных баз НАТО в Польше, Румынии, Латвии и Литве, а также о создании европейских сил быстрого реагирования, принятые на Саммите НАТО 4–5 сентября 2014 г. в Уэльсе, создают дополнительную конфликтогенность в регионе и не способствуют улучшению российско-американских отношений. В свете последних международных событий, связанных с вооруженным конфликтом на Украине и обострением отношений России со странами Западной Европы и США, особую значимость приобретает вопрос о применении ДОВСЕ как одного из механизмов снижения конфликтогенности на европейском континенте, а также делает актуальным вопрос о том, насколько адекватна адаптация ДОВСЕ современным условиям. Анализ собственной безопасности и безопасности других стран и групп государств, равно как и оценка возможной внешней угрозы, основывается на количественных и качественных параметрах вооруженных сил и обычных вооружений. При этом необходимо учитывать их структуру, размеры, конфигурацию и локализацию, а также уровень боеспособности и мобильности. Например, в советской военной доктрине в период с 1950-х по 1960-е гг. приоритет отдавался ракетно-ядерной войне при одновременном использовании обычных и ядерных вооружений. К 1970-м гг. роль обычных вооружений становится более самостоятельной, поскольку уже допускалась возможность ведения военных действий без применения ядерного оружия, исключительно обычными средствами. В учебниках по военному делу тех лет прямо указывалось, что разработка советской наукой способов ведения боя в условиях ядерной войны «не исключает возможности применения только обычных вооружений» [2, с. 345].

В условиях неоспоримого превосходства стран Североатлантического альянса по ядерным вооружениям в Европе и при их готовности применить такое оружие первыми, основной задачей советского сухопутного контингента объявлялась ликвидация оперативно-тактических ядерных вооружений противника, а также полный разгром сил противника его группировок на континентальном театре военных действий, захват вражеской территории [3, с. 315].

Соответственно, советское руководство считало обычные вооружения средством преимущественно наступательной тактики. В результате Организация Варшавского договора значительно нарастила обычные вооружения и достигла перевеса в этой сфере в сравнении с силами НАТО. В начале 1967 г. соотношение обычных вооружений между ОВД и странами НАТО достигло следующих пропорций: количество танков 2:1, артиллерии 3:1 [Там же]. Позднее страны ОВД руководствовались принципом «разумной достаточности», который и положил начало сокращению огромного потенциала обычных вооружений, накопленных на европейском континенте.

В отличие от СССР, в Западной Европе и США в 60–70-х гг. была распространена концепция краткосрочной войны с потенциалом эскалации до глобального ядерного противостояния. Именно поэтому среди западных политических сил доминировала позиция ядерного сдерживания, которая предполагала стабилизацию ситуации с помощью угрозы превентивного ядерного удара. Таким образом, в европейских странах и в США в области ядерно-ракетного вооружения доминировала наступательная стратегия, в то время как обычные вооружения предполагалось использовать только для обороны [11, р. 255]. В этом заключалось принципиальное отличие советской и западной стратегий в сфере обычных вооружений.

К 1980-м гг. Советский Союз достиг неоспоримого количественного перевеса по обычным вооружениям по сравнению со странами НАТО и в том числе с США.

В ответ на это Соединенные Штаты поставили перед собой задачу превзойти технологически своего геополитического соперника. Американскими военными с этого времени уже не исключалась вероятность ведения длительной войны без превентивного ядерного удара, и в итоге в США появилась концепция войны с помощью обычных вооружений [Ibid].

Однако после распада ОВД изменился сам характер угроз на европейском континенте, и на первый план в числе задач обычных вооружений вышли методы миротворчества и миротворческих миссий. Взаимодействие такого рода было успешно продемонстрировано в Югославии и на Северном Кавказе. Таким образом, к концу 1980-х гг. роль обычных вооружений в военном стратегическом планировании существенно возрастает. В период конфликта в Косово, например, рассматривался вопрос о вероятности российских поставок в Югославию систем противовоздушной обороны С-300. Военные эксперты выражали тогда уверенность, что в случае передачи такого оружия Белграду исход конфликта между СРЮ и странами НАТО мог быть совершенно иным [Ibid]. Кроме практического назначения, обычные вооружения имеют еще и статусное измерение — проблема размещения воинских контингентов иностранных держав на территории страны ассоциируется с потерей независимости и угрозой безопасности границ, что имеет большое влияние на массовое сознание. Следует отметить, что основная масса документов и обязательств, связанных с безопасностью стран европейского континента, относятся ко всему региону и охватывают все страны, которые входят в ОБСЕ. Однако некоторые соглашения, имеющие глобальную значимость для всей системы международной безопасности, касаются только некоторых держав. К числу таких документов относится Договор об обычных вооруженных силах в Европе, в числе стран-участниц которого есть не только европейские страны, но и США как один из основных центров силы на геополитической арене. С юридической точки зрения ДОВСЕ представляет собой правовой инструмент высокой степени сложности и включает в себя 23 статьи и целый ряд протоколов к основному документу [Ibid]. В документе контроль над обычными вооружениями является комплексным понятием, объединяющим разнообразные меры в сфере сокращения вооружений и военной деятельности, которые не связаны с оружием массового поражения [4, с. 58].

Следует также отметить отличия в формате переговорного процесса: если в сфере сокращения и ограничения ядерных вооружений переговоры ведутся на двустороннем уровне между странами — членами «ядерного клуба», то по вопросам сокращения обычных вооружений максимальная эффективность достигается в формате многосторонних консультаций в рамках международных институтов, которые не только выполняют контролирующие и совещательные функции, но и являются инициаторами и модераторами самого переговорного процесса.

Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что в настоящее время наблюдается кризис институтов системы международной безопасности, обобщая этот тезис тем, что ни ОБСЕ, ни ООН не использовались в должной мере в решении конфликтов последних лет. Напротив, страны, чьи интересы оказались затронутыми в ходе конфликта, старательно избегают практических шагов в рамках ОБСЕ и ООН по его решению. Такая стратегия поведения стран — членов НАТО, ЕС является крайне тревожным сигналом с точки зрения исторического опыта: слабое взаимодействие конфликтующих стран в правовом поле международных институтов говорит о слабости всей системы международной безопасности, созданной после Второй мировой войны. Необходимо отметить, что мандат перегово-

ров об уровнях обычных вооружений в Европе был утвержден в ходе переговорного процесса в Вене в период 1986–1989 гг. в рамках встреч СБСЕ. Интересно, что в американской литературе того времени особенно подчеркивалась значимость проведения таких переговоров для «укрепления стабильности, мира и безопасности» [6, р. 108]. Переговоры по сокращению обычных вооружений впервые были проведены в рамках СБСЕ 23 странами — членами НАТО и ОВД. В результате в Париже 19 ноября 1990 г. было подписано обязательное соглашение, получившее известность как Договор об ОВСЕ. Документ содержит положения, устанавливающие баланс обычных вооружений на более низком уровне между двумя блоками. В частности, в Договоре определялись допустимые уровни обычных вооружения для стран двух блоков по пяти основным категориям обычных вооружений: предельное количество танков составляло 20000 ед., 20 000 орудий артиллерии 100 мм калибра и выше, не более 30 000 бронированных машин, 6800 самолетов военной авиации, 2000 боевых вертолетов [ibid].

Следует отметить, что район, подконтрольный действию ДОВСЕ, включал все островные и континентальные территории стран НАТО и ОВД до Уральского горного хребта, а также азиатскую часть Турции, кроме приграничного района с Ираном, Сирией и Ираком. В этом ареале, согласно ДОВСЕ, выделялось несколько районов, в которых государствам обоих блоков было разрешено иметь равное количество обычных вооружений. После распада Советского Союза под действие ДОВСЕ попадают, таким образом, Казахстан и Россия по территории западнее от реки Урал и от Каспийского моря. В соответствии с «правилом достаточности», Договор ограничивал долю вооружений, которой могла владеть одна страна — не больше одной трети от общих пределов, установленных в документе. При этом все дополнительные вооружения и техника подлежали уничтожению в сорокамесячный срок со дня вступления ДОВСЕ в силу (через 10 дней после ратификации документа законодательным органом страны). Особую важность имеет тот факт, что сокращение обычных вооружений в Европе не должно было привести к накоплению данного вида вооружений в других частях света, в частности, на территориях стран Ближнего Востока [16, р. 1223].

Данный постулат предполагает, что страны, подпадающие под действие ДОВСЕ, не должны продавать третьим странам излишки своих вооружений, хотя прямого запрета на такие действия нет. В результате стали возможны такие ситуации, как заявление Беларуси в 1995 г. о желании продать свои боевые танки по причине нехватки собственных средств на их уничтожение [15, р. 128].

Особенное беспокойство у США вызывала проблема сокращения избытка вооружений, которые ограничивались ДОВСЕ, дислоцированных в РФ за Уральским хребтом и на флангах — на Черноморском флоте и на территории Северного Кавказа. Итогом стали претензии США, продвигаемые с помощью НАТО в 1991 г., о соблюдении режима ДОВСЕ, а также по поводу того, что руководство СССР еще перед подписанием Договора просто переместило за Урал 57300 ед. боевой техники и вооружений, оговоренных в ДОВСЕ, а также три дивизии, которые подлежали сокращению, в состав ВМФ. Получалось, что СССР сообщал заведомо заниженные данные о количестве ОДВТ [17, р. 243].

В конце 1995 г. Россия сообщила американским партнерам информацию о том, что в рамках ДОВСЕ ею были уничтожены следующие вооружения, размещенные к востоку от Урала: 938 ББМ, 1518 боевых танков. При этом российская сторона приводила американским партнерам данные о том, что большая часть этой техники была выведена из строя в силу погодных условий, поскольку дислоцировалась прямо под открытым небом. Видимо, для США такое обращение с вооружениями было не совсем понятным, и поэтому информация российских военных вызвала шквал подозрений в сокрытии боевой техники [13, р. 50]. Для Черноморского флота рос-

сийская сторона приводила аналогичные данные о ликвидации танков в числе 375 от 602, которые подлежали сокращению, и 1059 ББМ от 1725 подлежащих сокращению.¹ Особенную сложность в отношениях между США и Россией в сфере разоружения в рамках ДОВСЕ являлся вопрос о фланговых квотах для России. Соблюдая и отстаивая интересы своей национальной безопасности, Россия с 1993 г. настаивала на отмене ограничений по флангам. Страны — члены НАТО пошли в данном вопросе на уступки, причем в большей степени благодаря позиции Германии, но полностью фланговые ограничения не были отменены. На обзорной конференции экспертов по контролю над соблюдением условий ДОВСЕ, состоявшейся в мае 1996 г., сторонам удалось достичь компромисса по вопросу фланговых ограничений: они оставались неизменными, но Россия получила три года для того, чтобы привести количество своих вооружений в соответствие с требованиями ДОВСЕ. Договором также предусмотрен механизм контроля за соблюдением достигнутых решений. Так, согласно ст. XIII Договора, для стран — участниц ДОВСЕ действует режим обмена информацией, режим контроля, включающий инспектирование и наблюдение за ликвидацией оговоренных в Договоре типов обычных вооружений. С одной стороны, режим обмена информацией был направлен на большую «прозрачность» отношений в сфере разоружения, с другой — давал возможность США постоянно и не нарушая международного права наблюдать за действиями России по сокращению обычных вооружений. Целью США в данном случае было достижение такого паритета сил, который не позволил бы России доминировать по количеству вооружений в регионе ЦВЕ [14, р. 167]. В рамках Договора в период с ноября 1992 по март 1993 г. было произведено 100 инспекций [5, с. 228]. После вступления ДОВСЕ в силу в 1992 г. и до момента его модификации в 1999 г. было предпринято 5700 инспекционных комиссий всеми странами — участницами ДОВСЕ [8, р. 277]. Следует отметить, что в Договоре предусматривается четыре различных типа инспектирования, а после его модификации было сформировано еще два. Документом четко установлены обязанности и права инспекторов, равно как правила и условия их деятельности [9, р. 201].

Следует отметить, что основным качеством модернизированного Договора стала трансформация блокового состава в систему национальных государств-участников. Если по первоначальным условиям ДОВСЕ у каждой группы стран НАТО и ОВД были свои предельные уровни вооружений, то в адаптированном варианте документа предусматривалось право государства-участника иметь определенное количество вооружений исходя из национального уровня. Это означает, что для каждого государства устанавливается предельный уровень обычных вооружений, который страна может развернуть в подпадающем под действие ДОВСЕ районе. Также в адаптированном ДОВСЕ фиксируется предельный территориальный уровень, который определяет количество сил, разрешенное для данного государства (включая иностранное военное присутствие) [7, р. 18]. В итоге центральная часть европейского континента охватывалась мерами стабилизации: были установлены пониженные территориальные уровни для обычных вооружений Венгрии, Чехии, Польши, Словакии. Договор не предусматривает повышения этих уровней, равно как и для Украины, Белоруссии и Германии [12].

При этом следует отметить очень важный в свете современных событий аспект: согласно адаптированному Договору, страны — члены НАТО обязались не размещать на постоянной основе дополнительные контингенты на территории новых стран-участниц. Таким образом, размещение четырехтысячного контингента НАТО в Польше, Латвии, Румынии и Литве, решение о котором было принято

¹ См.: Ежегодник СИПРИ 1996 года. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : Наука, 1997. С. 620–621.

на сентябрьском Саммите НАТО в 2014 г. является прямым нарушением достигнутых в рамках ДОВСЕ договоренностей. Необходимо отметить, что в адаптированном Договоре суммарный объем прав участников Североатлантического альянса по сравнению с прежними квотами вооружений был существенно сокращен: по танкам соотношение снизилось на 4798 ед., по артиллерии — на 4000 ед., по БМБ — на 3879 ед. Причем такое соотношение было достигнуто именно за счет сокращения американского военного присутствия в Европе. Например, по танкам США снизили объем вооружений более чем вдвое: с 4005 до 1798 ед. [10, р. 353]. В Договоре, однако, оговорено право государств на «временное чрезвычайное развертывание» на своей территории до 459 ед. танков, 420 ед. артиллерии, 723 БМБ иностранных государств свыше установленных уровней наземных вооружений. Политика НАТО по эскалации напряженности в непосредственной близости от границ России противоречит положениям адаптированного ДОВСЕ, ставя под вопрос эффективность данного соглашения как действенного инструмента достижения международной безопасности. Во многом этими причинами обусловлен односторонний мораторий на ДОВСЕ со стороны России, введенный Указом Президента РФ от 12 ноября 2007 г. и вступивший в силу в декабре того же года. Согласно Указу, мораторий стал необходимой мерой по обеспечению безопасности границ России вследствие политики НАТО и США по расширению блока на Восток. Снять мораторий на ДОВСЕ американская сторона просила неоднократно, как в рамках НАТО, так и на двусторонних встречах, мотивируя тем, что Договор не содержит пункта о возможности одностороннего моратория. Однако, события на Украине, политика санкций и политика усиления военного присутствия НАТО в Европе показали дальновидность решения Президента В. В. Путина о введении моратория с целью соблюдения интересов национальной безопасности РФ. Тем более что до сих пор страны — члены НАТО, в отличие от России, Казахстана и Беларуси, не ратифицировали текст адаптированного документа.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: Договор об ограничении обычных вооружений в Европе является широким инструментом для достижения стабильности и мира в регионе, однако полный его функционал может быть реализован только после ратификации текста адаптированного Договора, прекращения военной экспансии НАТО на Восток, а также после длительного переговорного процесса в рамках ОБСЕ по вопросам согласования интересов всех стран — участниц Договора. Основным же индикатором эффективности ДОВСЕ являются отношения между Россией и США, поскольку в состоянии новой «холодной войны» только переговорный процесс в рамках международных институтов может остановить или нивелировать соперничество двух ведущих мировых держав.

Литература

1. Арбатов А. Военно-политические аспекты отношений США с Россией // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/004.htm>
2. Военная история : учебник для военных училищ. М. : Военное издательство Министерства обороны СССР, 1971.
3. Военно-технический прогресс и Вооруженные силы СССР. М., 1982.
4. Пьер Э. Распространение обычных вооружений: изменившиеся параметры, новые подходы // США. Экономика. Политика. Идеология. 1994. 11.

5. Шарп Дж. Контроль за обычными вооружениями в Европе // Ежегодник СИПРИ, 1993. Международная безопасность и разоружение. М. : Наука, 1993.
6. Auton G. P. *Arms Control and European Security*. N. Y., 1989.
7. Boese W., Fischer C. *Pragmatism in practice: CFE seeks to secure Europe's future* // Jane's Intelligence Review. 2000. № 2.
8. Czempiel Ernst-Otto. *Ten Years of Verification-Developments and Perspectives* // OSCE Yearbook, 2002. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 2003.
9. Dekker Guido Den. *The Law of arms control. International Supervision and Enforcement*. Printed in the Netherlands: Kluwer Law International, 2001.
10. Dunay P., Zellner W. *The Adaptation of the CFE Treaty — Between Creeping Marginalization and a New Conceptual Definition of European Arms Control* // OSCE Yearbook, 1999. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 2000.
11. Freedman L. *The Evolution of Nuclear Strategy*. New York, 1981.
12. Fudge Pervades the Menu in Istanbul // Financial Times. 2003. 17 november.
13. Graaf Henny van der. *New verification regimes in Europe: CFE, CSBM and Beyond U Verification at Vienna Monitoring Reductions of Conventional Armed Forces*. Amsterdam, 1992.
14. Heinz K. *Die Abrüstung konventioneller Streitkräfte und ihre Kontrolle. Erste praktische Erfahrungen* // Europa - Archiv. 1993. № 6.
15. OSCE Handbook. Third Edition. Vienna : Published by the Secretariat of the Organization for Security and Cooperation in Europe, 2002.
16. *Treaty on Conventional Armed Forces in Europe*. Paris 19 November 1990 // The Conference on Security and Co-operation in Europe. Analysis and Basic Documents, 1972–1993 / Arie Bloed (ed.). Dordrecht/Boston/London, 1993.
17. Wallner J. *The Implementation of Conventional Arms Control Agreements* // OSCE Yearbook 1995/1996. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 1997. P. 243.

References

1. Arbatov A. *Military and political aspects of the relations of the USA and Russia* [Военно-политические аспекты отношений США с Россией] // International processes. Journal of the theory of the international relations and world politics [Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki]. [An electronic resource]. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/004.htm>
2. *Military history* [Военная история]. The textbook for military colleges. M. : Military publishing house of the Ministry of Defence of the USSR [Военное издательство Министерства обороны СССР], 1971. P. 345.
3. *Military and technical progress and Armed Forces of the USSR* [Военно-технический прогресс и Вооруженные силы СССР]. M., 1982. P. 315.
4. Pierre E. *Distribution of conventional arms: the changed parameters, new approaches* [Распределение обычных вооружений: изменчивые параметры, новые подходы] // USA. Economy. Policy. Ideology [США. Экономика. Политика. Идеология]. 1994. 11. P. 58.
5. Sharp J. *Control of conventional arms in Europe* [Контроль за обычными вооружениями в Европе] // SIPRI Year-book. 1993. International security and disarmament. M.: Science [Наука], 1993. P. 228.
6. Auton G. P. *Arms Control and European Security*. N.Y., 1989.
7. Boese W., Fischer C. *Pragmatism in practice: CFE seeks to secure Europe's future* // Jane's Intelligence Review. 2000. № 2.
8. Czempiel Ernst-Otto. *Ten Years of Verification-Developments and Perspectives* // OSCE Yearbook, 2002. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 2003.
9. Dekker Guido Den. *The Law of arms control. International Supervision and Enforcement*. Netherlands: Kluwer Law International, 2001.

10. Dunay P., Zellner W. *The Adaptation of the CFE Treaty – Between Creeping Marginalization and a New Conceptual Definition of European Arms Control* // OSCE Yearbook, 1999. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 2000.
11. Freedman L. *The Evolution of Nuclear Strategy*. N. Y., 1981.
12. *Fudge Pervades the Menu in Istanbul* // Financial Times. 2003. 17 november,
13. Graaf Henny van der. *New verification regimes in Europe: CFE, CSBM and Beyond U Verification at Vienna Monitoring Reductions of Conventional Armed Forces*. Amsterdam, 1992.
14. Heinz K. *Die Abrüstung konventioneller Streitkräfte und ihre Kontrolle. Erste praktische Erfahrungen* // Europa - Archiv. 1993. № 6.
15. OSCE Handbook. Third Edition. Vienna : Published by the Secretariat of the Organization for Security and Cooperation in Europe, 2002.
16. Treaty on Conventional Armed Forces in Europe. Paris 19 November 1990 // The Conference on Security and Co-operation in Europe. Analysis and Basic Documents, 1972–1993 / Arie Bloed (ed.). Dordrecht/Boston/London, 1993.
17. Wallner J. *The Implementation of Conventional Arms Control Agreements* // OSCE Yearbook 1995/1996. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. Baden-Baden, 1997. P. 243.

Управление социальной работой в Российской Федерации: уровни и основные проблемы реализации

Вагабов Джонрид Феридович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Магистр 3-го курса кафедры ГиМУ (Современное публичное управление)
johnreed1@mail.ru

РЕФЕРАТ

Автор дает определение понятию «управление социальной работы», а также описывает цели и задачи, объект и предмет данного вида социального управления. В статье подробно рассматриваются уровни управления социальной работой. Анализируются проблемные аспекты, возникающие в процессе взаимодействия данных уровней управления социальной работой в России, а также обсуждаются пути их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальное управление, управление социальной работой, уровни управления социальной работой, виды социальных служб, проблемные вопросы в сфере регулирования взаимоотношений между субъектами уровней управления социальной работой

Vagabov J. F.

Management of Social Work in Russia: Levels and Major Problems of Implementation

Vagabov Johnrid Feridovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's student (Modern Public Management)
johnreed1@mail.ru

ABSTRACT

The author defines the notion of “social work”, and describes the goals and objectives, the object and the subject of this type of social control. The article reviews in detail the levels of management of social work. Analyzed the problematic aspects arising in the process of interaction of these levels of management in social work in Russia, and discusses their solutions.

KEYWORDS

social management, social work, Department of social work, social services, problems in the regulation of relations between subjects of the levels of management in social work

В Конституции Российской Федерации [1] зафиксирована нацеленность российского общества на строительство социального государства. Средством воплощения общественного устремления является социальная политика, призванная обеспечить интеграцию человека в быстро изменяющееся современное общество. А механизмом реализации социальной политики выступает социальное управление (или социальный менеджмент). Социальное управление предстает как социальный институт, состоящий из рационально построенной системы учреждений и естественно складывающихся отношений участников социальных взаимодействий.

Социальное управление ориентировано на изменение социальных процессов, которые негативно влияют на жизнь социума. В этой связи большое значение приобретает такое понятие, как управляемость процессов. Под управляемостью

процесса понимается реальная возможность рационального вмешательства в его протекание, возможность влияния на его движение в желательном для общества направлении [4, с. 96]. Эта цель может быть достигнута через конструирование и проектирование новой социальной реальности, процессов общественного развития, благоприятной для человека социальной среды, создание адекватных новым условиям социальных организаций, формирование гражданского общества, повышение уровня социальной справедливости и солидарности в социуме.

Управление социальной работой как вид социального управления представляет собой сознательное воздействие на процессы организации и развития социальной помощи и поддержки населения через государственные и муниципальные учреждения, общественные и благотворительные организации, руководителей и специалистов. Управление в социальной работе — это система гибкого предпринимчивого управления в обществе, направленная на эффективное регулирование социального положения всех участников общественной жизни и на обеспечение их развития как субъектов всех видов общественных отношений, на обеспечение достойного, цивилизованного существования [5, с. 300].

Целью управления социальной работой является руководство производством социальных услуг, направленных на минимизацию вреда от существования социальных проблем и активизацию потенциала общества, устранение препятствий для адаптации и интеграции, слабо защищенных людей в социуме, с учетом существующих экономических возможностей органов государственной власти и местного самоуправления.

Соответственно основными задачами будут:

- создание условий для эффективной деятельности социальных служб;
- реализация социальных услуг в виде программ социальной помощи, поддержки, реабилитации, реадaptации, реинтеграции и т. д.

Как любая деятельность, управление социальной работой имеет свои объект и предмет.

Объектом управления социальной работой выступают социальные процессы и социальные отношения на межличностном, межгрупповом и социетальном уровнях, а также субъекты этих отношений — индивиды и группы людей. Предметом (можно говорить и о конечном продукте управления социальной работой [9, с. 154]) — производство услуг, которые включают в себя: материальную помощь, создание благоприятных условий для развития человека и его интеграции в социум, восстановление прав человека, повышение социальной компетентности, консультацию (юридическую, психологическую, педагогическую) и т. д.

Процесс управления социальной работой предполагает определенную организационную структуру, под которой понимается совокупность органов управления и устойчивых связей между ними, обеспечивающих ее целостность, сохранение основных свойств при различных внутренних и внешних изменениях. Организационная структура управления в целом и в социальной работе в частности должна содержать минимальное число звеньев и уровней управления, обеспечивать четкое распределение функций, устойчивость, непрерывность, оперативность и гибкость управления [2, с. 567].

Важнейшее условие эффективности системы социальной защиты населения структурное — совершенствование деятельности различных уровней управления органов социальной работы.

Выделяют три уровня управления социальной работы: федеральный, региональный и местный.

На федеральном уровне осуществляются стратегические функции, а главной формой организационного обеспечения этих функций являются распорядительные и программные документы правительства.

К компетенции субъектов Российской Федерации в сфере социального обеспечения относятся: осуществление в регионе единой государственной политики; разработка и реализация региональных программ, участие в разработке федеральных программ; законодательное, организационное, ресурсное и кадровое обеспечение социального обслуживания; планирование развития социальной помощи населению в зависимости от потребностей региона и т. д.

На местном (муниципальном или территориальном) уровне управление носит в основном тактический характер: разработка и реализация территориальных целевых программ; формирование местного бюджета с учетом расходов на социальное обслуживание, изыскание местных ресурсов; развитие социального партнерства; контроль за соблюдением государственных стандартов и др.

На каждом из этих уровней управление социальной работой осуществляется в рамках трех ветвей власти: законодательной, в лице органов системы представительной власти; исполнительной, в лице Президента Российской Федерации и его властных структур, органов регионального управления и органов местного самоуправления; судебной.

Основным государственным органом в области социальной защиты населения в Российской Федерации и автономных республиках является Министерство труда и социальной защиты РФ, в функции которого входит:

- разработка положения по основам федеральной политики для нуждающихся в государственной помощи;
- анализ и прогнозирование уровней жизни различных категорий населения;
- подготовка рекомендаций для разработки различных региональных программ (организация обслуживания и обеспечение пособиями; реабилитация инвалидов; социальная помощь семье и детям и др.).

Качество управления социальной работой отражается на исполнительных органах на региональном и местном уровне, являющихся учреждениями социального обслуживания (центры, отделения):

- обеспечивающих оказание социально-экономической, медико-социальной, правовой помощи населению;
- осуществляющих социальную помощь на дому и дневное пребывание в спецучреждениях лиц пожилого возраста и инвалидов;
- осуществляющих социальную реабилитацию несовершеннолетних; помощь детям, оставшимся без родителей и др.

Качественное управление социальной защитой населения по линии законодательной власти должно осуществляться Государственной Думой Российской Федерации, областными думами и думами автономных республик, законодательными собраниями местного уровня самоуправления.

Уже к середине 1990-х гг. в Российской Федерации сложились основные виды социальных служб: государственные, коммерческие, смешанные, службы, работающие при благотворительных фондах, религиозных и общественных организациях. В целом ими выполняются такие разновидности социального обслуживания, как: материальная помощь; помощь на дому; постоянное обслуживание в условиях стационара; предоставление временного приюта; организация дневного пребывания в учреждениях социального обслуживания; консультативная помощь; социальный патронаж семей, детей и отдельных граждан; социальная адаптация и реабилитация граждан, являющихся инвалидами; социальная реабилитация граждан, в том числе несовершеннолетних, с девиантным поведением, а также лиц, вернувшихся из мест лишения свободы; социальная помощь детям, оставшимся без попечения родителей и т. д.

Государственные социальные службы концентрируют свое внимание на самых незащищенных категориях населения — семье, престарелых, одиноких, пенсионе-

рах, инвалидах и детях. Типичной государственной социальной службой является центр социального обслуживания (ЦСО), структура и масштабы деятельности которого зависят от контингента обслуживаемых. Рассмотрение темы управления в учреждениях социальной работы предполагает предварительное осмысление посылок, определяющих специфику менеджмента в этих организациях.

К этим исходным посылкам, в первую очередь, относятся:

- а) установление специфики производства услуг при решении социальных проблем;
- б) выбор концепции человека-работника, занятого в социальной сфере;
- в) определение функций менеджера социальной организации.

В социальных организациях имеются различные организационные структуры по оказанию социальной помощи населению: администрация, профсоюзы, различные органы самоуправления трудовых коллективов. Социальная помощь населению оказывается также по линии неправительственных организаций. Эти организации имеют свои структуры управления, свои учредительные документы (устав, положение и т. д.), в которых указываются состав и функции органов управления, их права и обязанности.

Все уровни управления социальной работы должны согласовать свои действия, реализуя на практике общие и специальные принципы управления. Но, к сожалению, в российском обществе до сих пор сохранился негативный стереотип — стремление власти держать под строгим контролем процесс формирования гражданского общества, а также навязывание «сверху» методов и способов решения социальных проблем [6, с. 63]. Социальная работа является особым видом целесообразной и целенаправленной деятельности. Ее содержание и развитие носит многосубъектный, многофакторный и многоуровневый характер, а потому в ней велик риск непредвиденных обстоятельств и побочных следствий, значительную роль играют случайности, которые могут существенно деформировать предлагаемые средства и поставленные цели.

Формирование и дальнейшее укрепление институтов гражданского общества предусматривает предоставление более широких полномочий региональным субъектам, отвечающих за организацию системы социальной работы. Социальная работа в регионе обладает большим потенциалом в плане совершенствования социальной помощи слаботзащищенным категориям населения, проявления общественной инициативы. Именно на ее основе можно разработать инновационную модель социальной работы и предложить использовать ее в России в целом.

Также существует целый спектр проблемных вопросов в сфере регулирования взаимоотношений между субъектами регионального и муниципальных уровней управления социальной работой. Опрос руководителей учреждений социальной сферы на муниципальном уровне [7, с. 7], показал, что она проявляется в наличии целого ряда насущных проблем, в их числе следующие:

- 1) значительная нагрузка на управленческий персонал учреждений (нехватка руководителей среднего и низшего звена), вследствие чего руководителю первого ранга приходится решать множество вопросов несущественного характера, отвлекаясь тем самым от выполнения более серьезных задач. Наличие проблемы «человеческого фактора» отмечает и Вячеслав Глазычев, председатель комиссии Общественной палаты РФ по региональному развитию и местному самоуправлению: «Тенденция такова, что один из каждых трех малых городов обречен на вымирание. Дело даже не в деньгах и инвестициях, деньги есть под проекты, но проекты могут сделать только люди. И я констатирую, что такие люди в провинции появляются — очень образованные, повидавшие мир, незакомплексованные, с колоссальной энергией не только к выживанию, но и к самоутверждению» [3];
- 2) четкое подчинение управленческой структуре региональных властей по линии социальной защиты, что сдерживает проявление собственной инициативы по

решению «местных» вопросов. Подобная ситуация требует от руководителя прикладывать дополнительные усилия по лоббированию ценных, значимых идей сотрудников;

- 3) сложность разработки объективных критериев для мониторинга эффективности деятельности сотрудников социозащитных учреждений;
- 4) возможность оперативного реагирования на возникающие трудности в системе отношений «социальный работник — клиент»;
- 5) необходимость повышения образовательного уровня управленческого потенциала учреждений социальной сферы. Большинство руководителей (две трети опрошенных) связывают это как с продолжающимся общим развитием социальной работы в качестве научной и общественной деятельности, так и с открывающимися дополнительными возможностями внедрения полученного в процессе повышения профессионального мастерства опыта на практике, а, следовательно, улучшения эффективности социальной работы в целом.

Отвечая на вопрос о сходствах и различиях в управлении социальной работой на уровне муниципального образования и региона, более половины респондентов (67,2%) указали, что существенных отличий не существует, а управленческие воздействия преследуют в первую очередь одну цель — повышение качества социальных услуг, предоставляемых клиентам социальных служб [7, с. 179]. Одновременно с этим около 10% опрошенных отметили возможность оказания более полной адресной социальной помощи населению на уровне муниципального образования, а также более жесткого контроля за расходованием средств.

Решение стратегических задач социального обслуживания, разработку нормативно-правовой базы и методических рекомендаций по осуществлению социальной деятельности многие (87,6%) однозначно отнесли к прерогативе властей регионального уровня. Возможно, такая ситуация будет постепенно меняться с дальнейшим совершенствованием теории и практики организации местного самоуправления в России [8, с. 149].

Многие подчеркнули наличие изначально более высокого уровня реализации социально значимых проектов и инициатив на уровне областных центров (ставших в последнее время в сознании многих «среднестатистических» жителей страны отдельными «столицами»), нежели муниципалитетов.

Среди основных трудностей управления социальной работой на уровне муниципальных образований руководителями были отмечены следующие:

- ограничение возможностей в реализации собственных идей, связанное, в том числе с отсутствием должной юридической самостоятельности;
- отсутствие отлаженной системы взаимодействия социозащитных учреждений муниципального района между собой, что резко снижает эффективность управленческих воздействий в социальной сфере;
- наличие сложностей, связанных с оценкой эффективности и качества работы специалистов с различными группами пользователей услуг, хотя некоторые учреждения все же пытаются разрабатывать и вводить собственные системы такого оценивания;
- невыгодное расположение социозащитных учреждений (например, удаленность доступа для потенциальных и реальных клиентов), что резко ограничивает количество пользователей тех или иных социальных услуг.

Анализ особенностей управления социальной работой на уровне конкретного муниципального образования позволяет выявить и наличие множества вопросов проблемного характера, решение которых привело бы к значительному повышению эффективности этой деятельности. По нашему мнению, главный из них заключается в том, что на протяжении многих десятилетий проблемы большинства российских муниципальных образований не получали и не получают до сих

пор должного внимания со стороны региональных властей. Муниципалитеты часто рассматриваются в качестве «сырьевых» (материальных, кадровых) источников для областных центров.

Представляется целесообразным использовать положительный опыт развития европейских и американских малых городов, местные сообщества которых активно влияют на принимаемые муниципальной властью решения, в том числе в области оказания социальной помощи.

По нашему мнению, преодоление вышеуказанных негативных явлений во многом будет способствовать:

- увеличению спектра и качества предоставляемых социальных услуг населению со стороны органов социальной работы;
- большей прозрачности в деятельности государственных структур управления социальной работы, выступающих на партнерских позициях с каждым членом сообщества;
- замене устаревших малоэффективных способов управления институциональными элементами;
- созданию условий для формирования и развития конкурентоспособного общества, общества, обладающего реальным потенциалом для достижения высоких показателей благосостояния своих граждан и обеспечения достойного уровня жизни.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. 25.12.1993.
2. Айдинян Р. М. Власть и ответственность в организации // Социология и общество : тезисы Первого Всероссийского конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб. : Скифия, 2000.
3. Выездные общественные слушания Общественной палаты РФ, посвященные проблемам реформирования малых городов и реализации закона № 131 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amsgr.ru/prezident>
4. Гелих О. Я., Князева Е. Н. Управление и синергетика : учеб. пособие / 3-е изд. СПб. : Книжный дом, 2012. 120 с.
5. Основы социальной работы / отв. ред. П. Д. Павленок. М. : Инфра-М, 2008. 368 с.
6. Социальная работа: введение в профессиональную деятельность : учеб. пособие / отв. ред. проф. А. А. Козлов. М. : КноРус, 2009.
7. Шатилов И. Н. Актуальность научного анализа специфики управления социальной работой в условиях малого города // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 21. С. 175–181.
8. Шатилов И. Н. Управление социальной работой в контексте социально-экономического развития малых городов современной России // Экономика России: XXI век : междунар. сб. науч. трудов / под общ. ред. О. И. Кирикова. Воронеж, 2008. Вып. 12. С. 144–151.
9. Шипунова Т. В. Эволюция и проблемы менеджмента социальной работы // Управленческое консультирование. 2009. № 2. С. 153–170.

References

1. The Constitution of the Russian Federation [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii] (adopted by popular vote 12.12.1993 g.) // the Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta]. 25.12.1993.
2. The Aydinian R. M. *Power and responsibility in the organization* [Vlast' i otvetstvennost' v organizatsii] // Sociology and society: Proceedings of the First all-Russian Congress "Society and sociology: new realities and new ideas" [Sotsiologiya i obshchestvo : tezisy Pervogo Vserossiiskogo kongressa «Obshchestvo i sotsiologiya: novye realii i novye idei»]. SPb. : Scythia [Skifiya], 2000.
3. Visiting a public hearing of the Public chamber of the Russian Federation on the problems of reforming the small towns and the implementation of law N 131 [Vyezdnye obshchestvennye]

- slushaniya Obshchestvennoi palaty RF, posvyashchennye problemam reformirovaniya mal'nykh gorodov i realizatsii zakona № 131 [Electronic resource] // URL: <http://www.amsgr.ru/prezident>
4. Galih O. J., Knyazeva E. *Management and synergy* [Upravlenie i sinergetika] : the textbook / 3rd ed. SPb. : Book House [Knizhnyi dom], 2012. 120 s.
 5. *Foundations of social work* [Osnovy sotsial'noi raboty] / Resp. ed. P. D. of Pavlenok. M. : Infra-M, 2008. 368 s.
 6. *Social work: an Introduction to professional activities* [Sotsial'naya rabota: vvedenie v professional'nuyu deyatelnost']: Textbook. manual / Resp. editor Professor A. A. Kozlov. M. : KnoRus, 2009.
 7. Shatilov I. N. *The relevance of scientific analysis of the specificity of management in social work in a small town* [Aktual'nost' nauchnogo analiza spetsifiki upravleniya sotsial'noi rabotoi v usloviyakh malogo goroda] // Bulletin of the Volga region Academy of State Service [Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby]. 2009. N 21. C. 175–181.
 8. Shatilov I. N. *The Department of social work in the context of socio-economic development of small cities in contemporary Russia* [Upravlenie sotsial'noi rabotoi v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya mal'nykh gorodov sovremennoi Rossii] // Russian Economy: XXI century [Ekonomika Rossii: XXI vek] : proc. collected scientific articles. works / under the General editorship of I. Kirikova. Voronezh, 2008. Vol. 12. C. 144–151.
 9. Shipunova T. V. *Evolution and problems of social work management* [Evolutsiya i problemy menedzhmenta sotsial'noi raboty] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2009. № 2. S. 153–170.

Повышение эффективности управления государственной собственностью в Санкт-Петербурге

Сабиров Анвар Шавкатович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Магистр 3 курса кафедры ГИМУ (Современное публичное управление)
ansabirov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Управление государственной собственностью является целенаправленным, сознательным воздействием государства на объекты его собственности. Им же устанавливаются правила владения, пользования и распоряжения данным имуществом. В статье рассмотрены особенности этих процессов применительно к региональному уровню государственной власти на примере города федерального значения Санкт-Петербурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государство, собственность, управление, Санкт-Петербург, имущество, бюджет, аренда

Sabirov A. Sh.

Increase of Effectiveness of Management of State Ownership in Saint-Petersburg

Sabirov Anvar Shavkatovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's student of 3-rd course (Modern Public Management)
ansabirov@yandex.ru

ABSTRACT

The management of state property is a purposeful, conscious state influences the objects of his property. They also set rules for the possession, use and disposition of such property. State ownership, in the future, should save a significant role, deliverance from profitable enterprises simply unacceptable, as it is necessary to remember about the national security issues. The existence of a strong state and the corporate sector will improve the sustainability of the economy. To ensure this goal required a national program for unification technologically related companies, without cooperation are competitive production impossible.

KEYWORDS

state, property, public, management, St. Petersburg, property, budget, privatization, rent

Требования эффективного управления государственной собственностью, которые предъявляются обществом к органам государственной власти, в российских условиях имеют большую значимость. Обусловлено это крупнейшими в мире ресурсами недр и земельной недвижимости и, вместе с тем, не удовлетворяющим обществом уровнем качества жизни, недостаточным инфраструктурным развитием огромных территорий страны, а также за многие десятилетия сформировавшимся сложным менталитетом граждан в отношении к народной собственности [3, с. 27].

Управление собственностью заключается в целенаправленной скоординированной деятельности разных категорий менеджеров, которые обладают полномочиями от имени субъектов собственности — органов муниципальной, региональной и федеральной власти, физических и юридических лиц [8, с. 7]. Вопросам эффективного управления посвящена довольно обширная зарубежная и отечественная литература

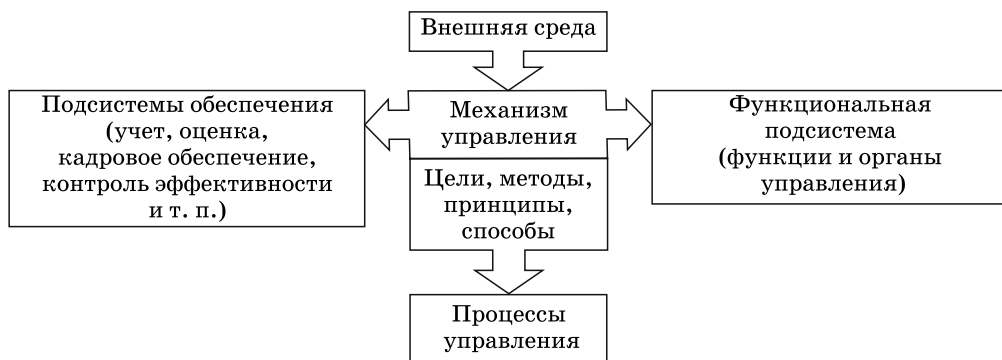

Рис. 1. Схема управления имуществом города [13, с. 14]

по практике и теории управления в разнообразных областях деятельности, для различных форм и уровней собственности, видов объектов и систем управления социально-экономического, организационно-технологического, производственного и иных типов [5, с. 12]. Потому, изучая проблему эффективного управления объектами государственной собственности, необходимо учитывать специфику государственного управления и особые свойства разных видов объектов государственной собственности [1, с. 18].

Рассматривая систему управления городской собственностью, весьма сложно привести единое определение данного понятия, так как здесь необходимо выделение следующих типов системных представлений [9, с. 30]: иерархического, макроэкономического, функционального, процессуального и др. Каждым из представлений системы отражается определенная группа ее характеристик.

Функциональное представление системы подразумевает совокупность функций (действий), необходимых к выполнению для осуществления целей функционирования системы [6, с. 35]. Макроскопическим представлением система характеризуется как единое целое, которое находится в «системном окружении», из чего можно заключить, что систему можно представить множеством внешних связей со средой. Представление иерархическое сформировано на понятии «подсистема», и всю систему рассматривает как совокупность подсистем, которые иерархически связаны. Процессуальным представлением характеризуется состояние системы во времени [2, с. 6].

В итоге, система управления городской собственностью, выступая упорядоченной массой взаимосвязанных элементов, скоординированное функционирование которых сосредоточено на достижение поставленных целей, включает [13, с. 12]: механизм управления (методы, принципы, цели); процессы управления имуществом; функциональную подсистему (функции и органы управления имуществом); подсистему обеспечения (кадровое обеспечение, оценка, учет, контроль эффективности и т. д.). Схема управления имуществом города представлена на рис. 1.

Рассматривая процесс управления государственной собственностью, можно утверждать, что на сегодняшний день отсутствует четко выстроенная и эффективно действующая система управления ею, надлежащие организационно-экономические механизмы не до конца сформированы, нуждаются в доработке методологические и теоретические аспекты распоряжения государственной собственностью с целью повышения эффективного развития социально-экономической системы и благосостояния населения страны [10, с. 39].

Управление государственной собственностью Санкт-Петербурга возложено на Комитет по управлению городским имуществом (КУГИ) — отраслевой орган исполнительной власти Санкт-Петербурга, который осуществляет управление и распоря-

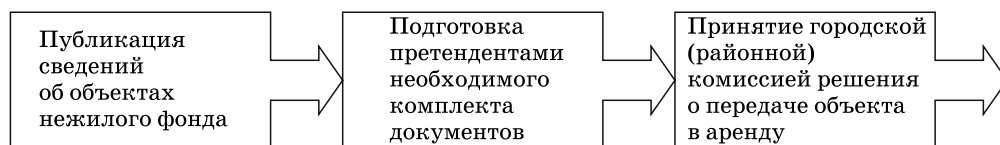

Рис. 2. Порядок предоставления в аренду нежилого помещения

Источники: Комитет по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commim.spb.ru/>

жение государственным имуществом Санкт-Петербурга в пределах своей компетенции [11, с. 15]. Основным нормативный акт, регулирующий деятельность Комитета по управлению городским имуществом — Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21 сентября 2004 г. № 1589. Последние изменения внесены в этот документ 19 сентября 2014 г.¹.

Одним из важных направлений деятельности КУГИ является передача в аренду городского имущества. Согласно Распоряжению КУГИ от 1 февраля 2000 г. № 187-р «О порядке принятия решений о предоставлении в аренду объектов нежилого фонда, являющихся имуществом казны Санкт-Петербурга»², имеется следующий порядок предоставления в аренду нежилого помещения (рис. 2).

На сегодняшний день проблемы аренды государственной собственности, а точнее аренды нежилых помещений, обретают особую актуальность. Ведь сложность процедуры предоставления их в аренду, оформления необходимой документации определена пристальным вниманием государственных антимонопольных органов, и для «неспециалистов» представляет значительную трудность [7, с. 35].

На 1 января 2014 г. нежилой фонд Петербурга составлял 99 665,8 тыс. м². Около 88% его приходилось на отдельно стоящие здания, 12% — на нежилые помещения, которые встроены в жилые дома. На каждого городского жителя приходится нежилого фонда почти 20 кв. м.³. Городские власти обладают огромным ресурсом нежилых площадей. И, тем не менее, структура нежилого фонда является несбалансированной, так как доля собственно доходной недвижимости — это меньшая часть недвижимости, принадлежащей городу, и она по территории города довольно неравномерно размещена. По количеству принадлежащих городу нежилых построек с огромным отрывом лидирует Курортный район. Он насыщен многочисленными базами отдыха, санаториями, пансионатами, общим количеством 7316. По площадям лидирует Невский район, на который приходится 7,76 млн м².

На рынке аренды недвижимости наиболее ликвидный актив — встроенные помещения; 36,4% всего их количества, принадлежащего городу, находятся в Центральном районе — 18,6%, в Василеостровском — 9,4%; в Приморском — 8,4%. На долю центра города (Адмиралтейский, Петроградский, Василеостровский и Центральный районы) всего приходится 42,4% всех «встроек», что определяет в существенной степени рыночный потенциал этих зон. Центральная часть Петербурга содержит 27,2% общей площади городского нежилого фонда, там расположено 9819 нежилых построек.

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1589 от 21 сентября 2004 г. «О Комитете по управлению городским имуществом».

² Распоряжение КУГИ от 1 февраля 2000 г. № 187-р «О порядке принятия решений о предоставлении в аренду объектов нежилого фонда, являющихся имуществом казны Санкт-Петербурга».

³ Комитет по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commim.spb.ru/>

Если рассмотреть функциональную структуру нежилого фонда, то можно увидеть, что среди нежилых стоящих отдельно строений преобладают производственные, их доля равна 29,7%, а учреждений 13,7%. Структура использования встроенных помещений несколько иная: 18% встроенных помещений (2149,7 м²) занято магазинами; 2,6% (312,1 м²) приходится на объекты общепита; 17,6% используются под офисы¹.

По объему промышленных площадей в Петербурге самые большие районы — Колпинский — 2917 тыс. м² и Невский — 3568,3 тыс. м², третье место занимает Калининский район. 6470 нежилых строений Санкт-Петербурга имеют неудовлетворительное или ветхое техническое состояние. Доля такого нежилого фонда составляет 11,9% площадей (10 444,7 тыс. м²), что составляет значительную величину, при том, что вся площадь торговой недвижимости города существенно меньше площади аварийного нежилого фонда.

Передача в аренду городской собственности — один из важных источников доходов бюджета Санкт-Петербурга. Обращает на себя внимание тот факт, что при значительном перевыполнении поставленных плановых заданий (на 25%) доходы от городского имущества, поступающие в консолидированный бюджет, составляют 8,9% всех его доходов (данные за 2012 г.). В течение многих лет не удается достичь показателя поступлений в консолидированный бюджет от имеющего в собственности города имущества в 12% от доходов бюджета. Это свидетельствует о заниженном бюджетном задании и неэффективном управлении городским имуществом. Город владеет значительным объемом нежилого фонда, удельный вес поступлений от его аренды во всех поступлениях от городского имущества составлял в 2013 г. всего 20,9%. Это при том, что доходы от сдачи в аренду земли в том же году принесли 36,7% всех поступлений от городского имущества. Получается, что сдавать в аренду землю, в том числе под инвестиционные цели, городским властям выгоднее, чем управлять нежилым фондом².

Также можно отметить, что городские власти недостаточно эффективно используют институт доверительного управления. На него приходится всего 0,2% доходов от управления городским имуществом. Доходы от продажи имущества составляют 21,2% всех поступлений от городского имущества, причем их 81,6% приходится на продажу земельных участков. Дивиденды от акций, принадлежащих городу, составляют всего 0,2% всех поступлений от городского имущества в консолидированный бюджет города. Это при том, что город является соучредителем многих компаний и собственником пакетов акций во многих фирмах, которые функционируют в сферах деятельности, зачастую далеких от городского хозяйства [4, с. 27].

Существует ряд проблем управления государственной собственностью Санкт-Петербурга, связанных с эффективностью данного процесса³. В первую очередь, это незначительность поступлений доходов в бюджет города от городского имущества. Также крайне сложна процедура заключения арендного договора. Следующая проблема выражена в неэффективности функциональной структуры городского нежилого фонда, сдаваемого в аренду. Еще одной проблемой является неудовлетворительность состояния нежилого фонда, который находится в городской собственности [12, с. 33].

Повышение эффективности управления государственной собственностью, принадлежащей городу — одно из главнейших направлений городского планирования

¹ Комитет по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commim.spb.ru/>

² Там же.

³ Там же.

[7, с. 36]. Ключевыми установками в реформировании процесса управления государственной собственностью Санкт-Петербурга могут стать [9, с. 31]:

- в сфере управления государственной собственностью — долгосрочное прогнозирование целей, постановка задач и результатов на основании формируемой региональной системы долгосрочных документов в области управления имуществом, которая должна включать прогнозы, концепцию, программу участия в смешанных хозяйственных обществах, а также программу приватизации;
- удовлетворение потребности в дальнейшей разработке практических методов и мер по обеспечению баланса экономическим эффектом от процесса управления городской собственностью и социальными результатами, для этого необходимо определить оптимальное соотношение между отчуждаемыми и остающимися в городской собственности имуществом и активами, в том числе между нежилыми помещениями, находящимися в безвозмездном пользовании или аренде;
- оптимизация процессов формирования городской государственной собственности. В данном направлении главный акцент необходимо сделать на законодательном формировании и закреплении видов собственности, необходимой Санкт-Петербургу для исполнения полномочий, возложенных федеральным законодательством; совершенствовании механизма принятия в собственность города имущества [10, с. 39];
- активное привлечение предпринимательства в процессы совершенствования городской политики управления имущественным комплексом Петербурга;
- развитие контрактных и конкурсных принципов в механизме управления в рамках города государственной собственностью; открытость процесса управления и усиление общественного контроля за использованием государственной собственности;
- постепенное формирование в Санкт-Петербурге развитого рынка земли и механизма его функционирования, а также развитие инфраструктуры;
- проведение поиска наиболее результативных методов управления разными видами государственной собственности, подходящей ее особенностям. Главным образом, относится это к имущественным комплексам государственных унитарных предприятий, пакетам акций и долям в уставных капиталах акционерных обществ;
- формирование института управляющих городской собственностью Санкт-Петербурга с привлечением профессиональных управляющих и выбор управленцев на конкурсном основании для получения городом прогнозируемых экономических показателей от распоряжения имуществом находящегося в собственности города.

Литература

1. Варнавский В. Г. Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2012. № 5. С. 18–20.
2. Замрыга Д. В. Планирование управления имуществом, переданным государственным корпорациям // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес», 2014. № 2. С. 6–8.
3. Короткова О. И. Государственное управление как необходимый процесс в условиях эффективного развития собственности // Государственная власть и местное самоуправление, 2012. № 4. С. 26–29.
4. Короткова О. И. Проблемы управления и распоряжения государственной собственностью // Современное право, 2011. № 3. С. 25–29.
5. Короткова О. И. Структура, классификация и правовой режим государственного имущества // Адвокат, 2010. № 3. С. 11–14.
6. Короткова О. И. Анализ и его роль в управлении государственными предприятиями и учреждениями // Государственная власть и местное самоуправление, 2013. № 5. С. 34–38.

7. Короткова О. И. Реформирование управления государственной собственностью — одно из важнейших направлений государственной политики при реализации административной реформы // Адвокат. 2010. № 6. С. 33–37.
8. Кравчук А. О. Государственная собственность как объект государственного управления (административно-правовой аспект) // Административное и муниципальное право, 2013. № 11. С. 5–9.
9. Мельникова М. Н. О формировании системы повышения эффективности управления собственностью на уровне региона // Государственная власть и местное самоуправление, 2014. № 3. 29–33.
10. Проверка на совместимость: об эффективном управлении государственной и муниципальной собственностью / Д. Симонов, А. Терещенко // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень оперативной информации «Московские торги», 2013. № 4. С. 38–41.
11. Синицын Е. Е. Общее и особенное законодательного обеспечения собственности субъектов Российской Федерации // Российский судья, 2012. № 2. С. 14–16.
12. Умеренко Ю. А. Правовое регулирование управления и распоряжения земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена: актуальные проблемы теории и практики // Современное право, 2014. № 2. С. 31–34.
13. Управление имуществом крупного города: проблемы и развитие / И. В. Смирнова, А. В. Ястребов // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2006. № 4(55). С. 12–16.

References

1. Varnavsky V. G. *Use of mechanisms of trust management and concessions for increase of effective management of the state and municipal ownership* [Ispol'zovanie mekhanizmov doveritel'nogo upravleniya i kontsessii dlya povysheniya effektivnosti upravleniya gosudarstvennoi i munitsipal'noi sobstvennost'yu] // Property relations in the Russian Federation [Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii]. 2012. N 5. P. 18–20.
2. Zamryga D. V. *Planning of management of the property transferred to the state corporations* [Planirovanie upravleniya imushchestvom, peredannym gosudarstvennym korporatsiyam] // Enterprise right. Right and Business [Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes», 2014. N 2. P. 6–8.
3. Korotkova O. I. *Public administration as necessary process in a condition of effective development of property* [Gosudarstvennoe upravlenie kak neobkhodimyi protsess v uslovii effektivnogo razvitiya sobstvennosti] // State Power and local government [Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie]. 2012. N 4. 26–29.
4. Korotkova O. I. *Problems of management and order state ownership* [Problemy upravleniya i rasporyazheniya gosudarstvennoi sobstvennost'yu] // Modern right [Sovremennoe pravo]. 2011. N 3. P. 25–29.
5. Korotkova O. I. *Structure, classification and legal regime of the state property* [Struktura, klassifikatsiya i pravovoi rezhim gosudarstvennogo imushchestva] // Advocate [Advokat]. 2010. N 3. P. 11–14.
6. Korotkova O. I. *The analysis and its role in management of the state enterprises and establishments* [Analiz i ego rol' v upravlenii gosudarstvennymi predpriyatiyami i uchrezhdeniyami] // State power and local government [Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie]. 2013. N 5. P. 34–38.
7. Korotkova O. I. *Reforming of management of state ownership — one of the most important directions of a state policy at realisation of administrative reform* [Reformirovanie upravleniya gosudarstvennoi sobstvennost'yu — odno iz vazhneishikh napravlenii gosudarstvennoi politiki pri realizatsii administrativnoi reform] // Advocate [Advokat]. 2010. N 6. P. 33–37.
8. Kravchuk A. O. *State ownership as object of public administration (administrative and legal aspect)* [Gosudarstvennaya sobstvennost' kak ob"ekt gosudarstvennogo upravleniya (administrativno-pravovoi aspekt)] // Administrative and municipal law [Administrativnoe i munitsipal'noe pravo]. 2013. N 11. P. 5–9.
9. Melnikova M. N. *About formation of system of increase of effective management of property at the level of the region* [O formirovanii sistemy povysheniya effektivnosti upravleniya sobstvennost'yu na urovne regiona] // State power and local government [Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie]. 2014. N 3. P. 29–33.
10. *Check on compatibility: about effective management of the state and municipal ownership* [Proverka na sovместimost': ob effektivnom upravlenii gosudarstvennoi i munitsipal'noi sob-

- stvennost'yu] / D. Simonov, A. Tereshchenko // Information and analytical edition «“Bulletin of Operational Information “Moscow Auction”» [Byulleten' Operativnoi Informatsii «Moskovskie Torgi»]. 2013. N 4. P. 38–41.
11. Sinitsyn E. E. *General and special legislative providing property of subjects of the Russian Federation* [Obshchee i osobennoe zakonodatel'nogo obespecheniya sobstvennosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii] // Russian judge [Rossiiskii sud'ya]. 2012. N 2. P. 14–16.
 12. Umerenko Yu. A. *Legal regulation of management and the order of the land plots the state ownership on which isn't differentiated: actual problems of the theory and practice* [Pravovoe regulirovanie upravleniya i rasporyazheniya zemel'nymi uchastkami, gosudarstvennaya sobstvennost' na kotorye ne razgranichena: aktual'nye problemy teorii i praktiki] // Modern Law [Sovremennoe pravo]. 2014. N 2. P. 31–34.
 13. *Management of property of the large city: problems and development* [Upravlenie imushchestvom krupnogo goroda: problemy i razvitie] / I. V. Smirnova, A. V. Yastrebov // Property relations in the Russian Federation [Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii]. 2006. N 4(55). P. 12–16.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ◆ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ◆ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

◆ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2015. № 1 (73)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 15.01.2015.
Подписано к печати 29.01.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,22. Тираж 650 экз.
Заказ № 1/15.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97